

84(4Вел)
К 61

АРТЕМИС ФЛАУП

ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ

ЙОН КОЛФЕР

**АРТЕМИС
ФАУП**

Артемис Фаул

Артемис Фаул. Миссия в Арктику

Артемис Фаул. Код Вечности

Артемис Фаул. Секретные материалы

Артемис Фаул. Ответный удар

Артемис Фаул. Затерянный мир

Артемис Фаул. Парадокс времени

Артемис Фаул. Зов Атлантиды

Артемис Фаул. Последний хранитель

ЙОН КОЛФЕР

АРТЕМИС ФРАУП

**ПОСЛЕДНИЙ
ХРАНИТЕЛЬ**

**ЭКСМО
Москва
2013**

УДК 82-93
ББК 84(4Вел)
К 60

Eoin Colfer
ARTEMIS FOWL AND THE LAST GUARDIAN

© Eoin Colfer, Artemis Fowl Ltd, 2012

Колфер Й.

К 60   **Артемис Фаул. Последний хранитель / Йон Колфер ; [пер. с англ. К. И. Молькова]. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с. — (Артемис Фаул. Тайные миры).**

ISBN 978-5-699-60121-9

Миру угрожает Армагеддон. Все люди на поверхности Земли будут уничтожены, если Опал Кобой, самой опасной преступнице в мире, удастся открыть Врата богини Дану. Артемис Фаул понял это почти сразу, когда поступило первое требование террористов выпустить пикси из тюрьмы. Ко всеобщему ужасу, все идет четко по плану Опал, и нарушить его у Артемиса нет никакой возможности хотя бы потому, что Кобой просчитала все возможные ходы мальчика и сделала его частью своего чудовищного замысла.

**УДК 82-93
ББК 84(4Вел)**

© Мольков К., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-60121-9

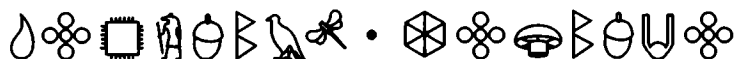
Пролог

Эриу, НАШИ ДНИ

Берсерки лежали спиралью под камнем с рунами, зарывшись в землю — сапоги наружу, головы внутрь, как требовало заклинание. Разумеется, спустя десять тысяч лет не осталось физически ни сапог, ни голов. Это была лишь плазма черной магии, сохраняющая в неприкосновенности свой разум, но даже он постепенно рассеивался, отравляя почву, вызывая появление странных растений и заражая животных необычной для них агрессией. Возможно, спустя дюжину полнолуний берсерки уйдут окончательно, и последняя капля их силы утечет в землю.

«Но мы еще не до конца исчезли, — думал Оро из Дану, капитан берсерков. — Мы готовы поймать свой счастливый миг, когда он настанет, и навести на людей ужас».

Он направил свою мысль по спирали и был горд, ощутив, что оставшиеся эльфийские воины разделяют его чувства.

«Их воля так же крепка, как некогда были крепки их клинки, — подумал он. — Хотя мы мертвы и похоронены, но стоит лишь появиться перспективе кровавой схватки, и она как искра разожжет пожар в наших душах».

Существование берсерков поддерживала их ненависть к людям и черная магия колдуна Брюна Фадды. Более половины воинов уже окончательно умерли и были унесены в посмертие, но оставались пять сотен бойцов, готовых исполнить свой долг, как только их призовут.

«Помните о своем долге, — говорил им эльфийский колдун столетия назад, когда глина засыпала их тела. — Помните о тех, кто умер, и о людях, которые убили их».

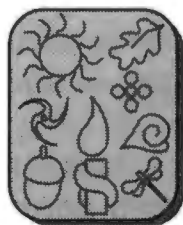
Оро это помнил и будет помнить всегда. Так же, как никогда он не забудет прикосновение земли и камней, перекатывающихся по его умершей, высыхающей коже.

«Мы должны помнить, — посылал он сигнал своим воинам. — Мы будем помнить, и мы вернемся».

Его мысль полетела вниз, в землю, и отразилась эхом от мертвых воинов, жаждавших выбраться из своей могилы и вновь увидеть солнце.

*Из заметок доктора Жербала Аргона,
Психиатрическое общество*

1. Артемис Фаул, некогда объявленный подростком с выдающимися криминальными способностями, теперь предпочитает скромно называться «юным гением». Очевидно, он изменился.

(Примечание для самого себя: «Хм-м?»)

2. В последние шесть месяцев Артемис проходил недельные сеансы терапии в моей клинике в Хэвен-сити с целью излечения от жестокого комплекса Атлантиды — психологического состояния, появившегося в результате погружения в эльфийскую магию. (Так ему и надо, Гадкому мальчишке.)

3. Не забыть представить подробный отчет в Подземную полицию.

4. В настоящее время Артемис выглядит полностью излечившимся. Так ли это? И возможно ли?

5. Обсудить с Артемисом мою теорию отнесенности. Она может стать очень интересной главой для моей книги «Побежденный Фаул: Перехитрить хитреца» (издатели любят такие названия и хорошо за них платят).

6. Заказать новые обезболивающие для моего поврежденного бедра.

7. Заполнить свидетельство о психическом здоровье Артемиса. Последний сеанс сегодня.

Кабинет доктора Аргона, Хэвен-сити, Нижние Уровни

Артемис Фаул терял терпение. Доктор Аргон опаздывал. Этот последний сеанс был ему нужен не больше, чем предыдущие полдюжины. Артемис, слава небесам, полностью здоров, и был таким еще с восемнадцатой недели лечения. Его удивительный интеллект ускорил процесс, и он больше не собирался попусту тратить время на болтовню с каким-то жалким психиатром.

Вначале Артемис мерил шагами кабинет, не желая, чтобы его успокаивал водопад с пуль-

сирующими огоньками, затем посидел минутку в кислородной камере, которая, как он считал, приводит в состояние душевного равновесия намного лучше.

«Да уж, камера», — подумал он, быстро выскакивая из застекленной кабины.

Наконец дверь зашипела и откатилась на роликах в сторону, впуская доктора Жербалю Аргона в его собственный кабинет. Врач коротышка сразу же вспрыгнул в свое кресло. Он погрузился в объятия его многочисленных подушечек, шлепая по кнопкам подлокотника, пока гелевая подушечка под его правым бедром не загорелась неярким светом.

— Ох, — вздохнул он. — Мое бедро меня убивает. Ничто не помогает, честное слово. Люди думают, что знают, что такое боль, но они о ней и понятия не имеют.

— Вы опоздали, — холодно заметил Артемис на беглом эльфийском.

Аргон вновь блаженно вздохнул, когда разогревшаяся подушечка начала массировать его бедро.

— Всегда спешишь, а, Гадкий мальчишка? Почему ты не дышишь кислородом или не медитируешь у водопада? Монахи Хей-Хей молятся у таких водопадов.

— Я не эльфийский монах, доктор. Мне мало интересно, что они делают после первого гонга. Мы закончили с моей реабилитацией? Или вы желаете и дальше тратить попусту мое время?

Аргон слегка нахмурился, затем подался вперед, раскрывая лежащую на столе папку.

— Почему чем здоровее ты становишься, тем грубее разговариваешь?

Артеми́с скрестил ноги и впервые позволил себе слегка расслабиться.

— Подавленный гнев, доктор. Откуда он берется?

— Давай не будем отклоняться в сторону, хорошо, Артеми́с? — Аргон вытащил из своей папки колоду карт. — Я покажу несколько чернильных пятен, а ты мне скажешь, что они тебе напоминают.

Артеми́с испустил долгий театральный вздох.

— Чернильные пятна. Нет, пожалуйста! Я проживу на свете намного меньше вашего, док, и у меня нет времени, чтобы тратить его на ваши шарлатанские тесты. С таким же успехом мы можем гадать о будущем на кофейной гуще или по внутренностям индюка.

— Чернильные пятна — надежный показатель умственного здоровья, — обиделся Аргон. — Проверенный и испытанный.

— Проверенный, — пробурчал Артемис. — Психами на психах.

Аргон выложил на стол карту.

— Что ты видишь в этом чернильном пятне?

— Я вижу чернильное пятно, — сказал Артемис.

— Да, но что-то это пятно тебе напоминает? Артемис раздраженно усмехнулся.

— Карту номер пятьсот тридцать четыре.

— Извини?

— Карта пятьсот тридцать четыре, — повторил Артемис. — Из серии шестисот стандартных карт с чернильными пятнами. Я запомнил их за время наших сеансов. Вы даже не перемешали колоду.

Аргон проверил номер на тыльной стороне карты: так и есть, 534.

— Знание номера — не ответ. Что ты видишь?

Артемис скривил губу.

— Я вижу окровавленный топор. А также раненого ребенка и эльфа, завернутого в кожу тролля.

— В самом деле? — заинтересовался Аргон.

— Нет. Не совсем. Я вижу прочное здание, возможно, семейный дом, с четырьмя окнами. Верный пес провожает меня по мощеной дорожке к двери, которая видна вдали. Я думаю, что, сверившись со своим справочником, вы найдете, что этот ответ попадает в раздел «здоровые параметры психики».

Проверка Аргону не требовалась. Гадкий мальчишка был прав — как всегда. Может быть, он сможет огорошить Артемиса своей новой теорией? Это не входило в программу, но могло принести доктору немного славы.

— Ты слышал о теории относительности?

— Это шутка? — моргнул Артемис. — Я путешествовал сквозь время, доктор. Полагаю, мне кое-что о ней известно.

— Нет. Я не об этой теории. Моя теория относительности предполагает, что все вещи магически связаны между собой, и на них влияют древние заклинания или магические горячие точки.

Артемис потер подбородок.

— Интересно. Только я полагаю, что этот ваш постулат следует назвать скорее теорией соотносительности.

— Итак, — сказал Аргон, стараясь игнорировать насмешливый тон Артемиса, — я про-

вел ряд исследований и выяснил, что Фаулы на протяжении тысячелетий были источником неприятностей для волшебного народца. Десятки твоих предков искали под землей кувшины с золотом, хотя преуспел в этом только ты.

Артеemis выпрямился в кресле: это было действительно интересно.

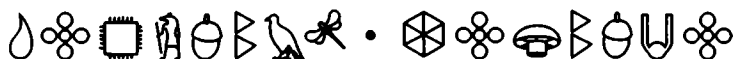
— И я никогда не знал об этом, поскольку вы стирали память у моих предков.

— Точно, — сказал Аргон, довольный тем, что ему удалось завладеть вниманием Артеemisа. — Когда твой дед был молодым, твой собственный отец своими руками связал гнома, который забрел к нему в поместье. Думаю, он до сих пор вспоминает тот день.

— Пускай, — тут голову Артеemisа внезапно посетила любопытная мысль. — А что, собственно, привлекло того гнома в нашем поместье?

— То, что там сохранилось невероятно большое количество остаточной магической энергии. Некогда в поместье Фаулов произошло нечто грандиозное — в магическом смысле.

— И эта сохранившаяся магическая сила зародила мысли в наших головах и подтолкнула Фаулов к вере в магию, — чуть слышно пробормотал Артеemis.

— Разумеется. Это ситуация гоблина и яйца. Что вернее: ты начинаешь думать о магии, а затем находишь ее? Или магия сама подталкивает тебя думать о ней?

Артемис занес несколько пометок в свой смартфон.

— А это колоссальное магическое событие, нельзя ли о нем поподробнее?

— Наши хроники не уходят так глубоко в прошлое, — пожал плечами Аргон. — Я полагаю, мы говорим о том времени, когда эльфы жили на поверхности Земли, а это было более десяти тысяч лет назад.

Артемис встал и склонился над сидящим эльфом. Он вдруг почувствовал себя должником перед доктором, открывшим теорию соотнесенности, которую действительно стоит исследовать.

— Доктор Аргон, вы вывихнули ногу в детстве?

Аргон был настолько удивлен, что честно и сразу ответил на этот очень личный вопрос, что, в общем-то, нетипично для психиатра.

— Да, именно так.

— И вас заставили носить ортопедические башмаки со специальными толстыми вкладышами?

Аргон был заинтригован. Он уже сто лет не вспоминал о тех чудовищных башмаках и, по правде, совсем забыл о них — до этой минуты.

— Только один, на правой ноге.

Артемис понимающе кивнул, и Аргону показалось, что они поменялись ролями, и теперь он сам стал пациентом.

— Я предполагаю, что ваша нога была возвращена в правильное положение, однако в ходе лечения слегка была искривлена бедренная кость. Простая скобка решит проблему с вашим бедром, — Артемис вытащил из кармана сложенную салфетку. — Я набросал чертеж, пока вы заставляли меня ожидать нескольких последних сеансов. Фоули сумеет соорудить для вас такую скобку. Впрочем, я мог ошибиться на несколько миллиметров в размерах вашего тела, поэтому лучше перепроверить.

Он оперся всеми десятью пальцами о столешницу.

— Теперь я могу идти? Я выполнил свои обязательства?

Доктор хмуро кивнул, подумав, что ему, пожалуй, придется умолчать о сегодняшнем сеансе в своей книге. Артемис широкими шагами прошел по кабинету и скрылся за дверью.

Аргон изучил чертеж на салфетке и инстинктивно понял, что Артемис прав относительно его бедра.

«Либо этот парень самое нормальное создание на всей Земле, — подумал он, — либо настолько закрыт, что все наши тесты не смогли даже поцарапать его броню».

Аргон взял со стола резиновый штамп и большими красными буквами оттиснул на обложке папки с историей болезни Артемиса. «ЗДОРОВ».

«Надеюсь, что так, — подумал он. — Надеюсь, что так».

Телохранитель Артемиса, Батлер, ожидал своего хозяина в большом кресле у двери кабинета доктора Аргона. Это кресло подарил Батлеру кентавр Фоули, технический консультант Подземной полиции.

— Я не могу стоять и смотреть, как ты втискиваешься на этот эльфийский стульчик, — сказал тогда Фоули. — Это утомляет мои глаза. Ты похож на обезьяну, пытающуюся расколоть кокосовый орех.

— Спасибо, — сказал в ответ Батлер своим низким басом. — Я принимаю подарок, хотя бы ради безопасности твоих глаз.

Но, по правде сказать, Батлер при своем двухметровом росте был безумно рад иметь большое кресло в городе, построенном для девяностосантиметровых карликов.

Телохранитель встал и выпрямился, упершись ладонями в потолок, бывший здесь, по счастью, в два раза выше, чем обычно принято у эльфов. Как хорошо, что Аргон питал слабость к помпезности, иначе Батлер не смог бы выпрямиться, находясь в клинике. Своими сводчатыми потолками, усыпанными золотыми блестками гобеленами и скользящими, из искусственной древесины, дверями в стиле ретро здание скорее напоминало не медицинское заведение, а монастырь, монахи которого поклоняются богатству. Только установленные на стенах лазерные санитайзеры для рук и время от времени суетливо пробегающие мимо медсестры-эльфийки намекали на то, что это все же клиника.

«Я так рад, что все это заканчивается». — В последнее время эта мысль посещала Батлера каждые пять минут. Ему не раз доводилось бывать в крутых переделках, но что-то в этом расположенном под землей городе впервые в жизни вызывало у него настоящую клаустрофобию.

Артеemis показался из кабинета Аргона с широкой самодовольной ухмылкой на губах. Когда Батлер увидел это выражение на лице своего босса, он понял, что тот успешно достиг своей цели и был признан излеченным от комплекса Атлантиды.

«Конец бесконечным потокам слов. Конец иррациональному страху перед цифрой четыре. Больше никакой паранойи и галлюцинаций. Слава небесам за это».

На всякий случай, чтобы быть уверенным, он спросил:

— Ну, Артеemis, как дела?

Тот застегнул куртку своего морского шерстяного костюма.

— Все в порядке, Батлер. Признано, что я, Артеemis Фаул Второй, функционален на все сто процентов, то есть примерно в пять раз больше, чем обычный человек. Или, иначе говоря, как пять Моцартов. Или три четверти Да Винчи.

— Всего три четверти? Ты слишком скромн.

— Верно, — улыбнулся Артеemis. — Такой уж я.

Батлер слегка расслабил и опустил плечи. Непомерное самомнение, невероятная самоуверенность — да, Артеemis, судя по всему, вновь стал прежним.

— Отлично. Тогда прихватываем наш эскорт и поскорее сматываемся отсюда, а? Мне хочется вновь ощутить солнечный свет на своем лице. Настоящий солнечный свет, а не лучи этих ультрафиолетовых ламп, которые здесь повсюду натыканы.

Артемис испытал прилив симпатии к своему телохранителю — чувство, которое все чаще посещало его в последние месяцы. Батлеру было весьма сложно оставаться незамеченным и среди людей, здесь же он не мог бы обратиться на себя больше внимания, даже одевшись в клоунский костюм и начав жонглировать горящими шариками.

— Хорошо, — согласился Артемис. — Мы заберем свой эскорт и смоемся. Где Холли?

Батлер ткнул пальцем в направлении холла.

— Там, где обычно. С клоном.

Капитан Холли Шорт из Разведывательно-го отдела Подземной полиции смотрела на лицо своего злейшего врага, но чувствовала при этом только жалость. Конечно, если бы она смотрела на настоящую Опал Кобой, а не на ее клона, жалость бы оказалась если и не на последнем месте в списке ее чувств, то все же

гораздо ниже гнева и отвращения, граничащего с ненавистью.

Но это был клон, выращенный заранее, чтобы обеспечить страдающую манией величия пикси двойником тела, в которое ее можно пересадить с целью предупредительного заключения в клинике Ж. Аргона, если Подземная полиция когда-нибудь лишит ее свободы — а об этом ПП мечтала уже давно.

Холли жалела клона, потому что та была жалким бессловесным созданием, которое, собственно, и не просило, чтобы его создавали. Клонирование было объявлено запретной областью медицины — как по религиозным соображениям, так и потому, что без жизненной силы, или души, управляющей их организмом, клоны были обречены на короткую жизнь при низкой активности головного мозга и с вечными сбоями в работе внутренних органов.

В частности, вот этот клон провел большую часть своей жизни в инкубаторе, отчаянно сражаясь за каждый вдох с того момента, как его вынули из кокона, в котором он был выращен.

— Еще немного, малышка, — прошептала Холли, касаясь лба эрзац-пикси стерильными перчатками, вставленными в стенку инкубатора.

Холли и сама не могла точно сказать, почему она начала посещать клона. Возможно, потому, что, как сказал Аргон, никто этого никогда еще не делал.

«Она явилась ниоткуда. У нее нет друзей».

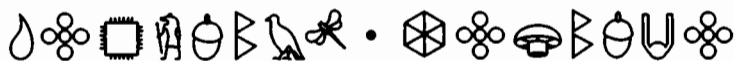
Теперь у нее было, по меньшей мере, двое друзей. Артемис тоже стал приходить вместе с Холли и мог подолгу молча сидеть рядом, что было совершенно необычно для него.

Официально клон назывался Безымянный эксперимент 14, но один из остряков в клинике назвал его Нопаль, что было злой шуткой, сочетанием «не» и «Опал».

Впрочем, жестокая это была шутка или нет, а имя прилепилось к клону, и теперь даже Холли пользовалась им, хотя и произносила его с некоторой нежностью.

Аргон уверил ее, что Безымянный эксперимент 14 абсолютно не обладает мыслительными способностями, но Холли была уверена, что иногда молочные глаза Нопаль реагируют на ее появление. Может ли на самом деле клон распознавать ее?

Холли смотрела на тонкие черты лица Нопаль, отчетливо напоминавшие о чертах лица ее генетического донора.

«Эта пикси ядовита, — горько думала Холли. — Все, к чему она прикасается, увядает и гибнет».

Артемис вошел в комнату, остановился рядом с Холли и легко положил руку на ее плечо.

— Они ошибаются относительно Нопаль, — сказала Холли. — Она чувствует. Она понимает.

— Я знаю, — кивнул Артемис. — На прошлой неделе я ее кое-чему научил. Смотри.

Он положил руку на стекло и стал медленно выбивать ритм.

— Это упражнение, которое разработал кубинский врач Парнассус. Он использует его для выработки ответной реакции у младенцев и даже шимпанзе.

Артемис продолжал медленно стучать по стеклу, и вскоре Нопаль начала отвечать — она с трудом протянула к Артемису свою руку и начала неуклюже повторять его ритм.

— Теперь видишь? — произнес Артемис. — Это проблески разума.

Холли слегка прижалась плечом к плечу Артемиса — этот жест заменял у нее объятие.

— Я знаю, что со временем твой мозг разовьется.

Завибрировал датчик в форме желудка, прикрепленный на груди полицейского комбине-

зона Холли, и она притронулась к своему на-
ушнику, принимая вызов.

Быстрый взгляд на наручный компьютер
сказал ей, что звонок поступил от техническо-
го консультанта ПП, Фоули, и что вызов кен-
тавра помечен как «срочный».

— Фоули, что случилось? Я в клинике, при-
сматриваю за Артемисом.

По беспроводной сети Хэвен-сити голос
кентавра звучал кристально чисто:

— Возвращайся на Полис-плаза, немедлен-
но. Захвати Гадкого мальчишку.

Кентавр говорил с актерскими интонация-
ми в голосе — пожалуй, он сможет стать звез-
дой театральной сцены, если вдруг оборвется
его полицейская карьера.

— Ты не прав, Фоули. Консультант не мо-
жет отдавать приказы капитанам.

— Мы принимаем со спутника изображение
Кобой. Передача идет в прямом эфире, — па-
рировал технический консультант.

— Уже идем, — сказала Холли, прерывая
связь.

В коридоре они прихватили с собой Батле-
ра. Артемис, Холли и Батлер — три товарища,
прошедших огонь и воду, — давно выработали

свою манеру разговаривать в кризисных ситуациях короткими репликами.

— Положение? — спросил Батлер, увидев озабоченность на лице Холли.

Та пронеслась вперед, увлекая остальных за собой.

— Опал, — ответила она по-английски.

Лицо Батлера напряглось.

— Изображение?

— Спутниковая связь

— Источник? — спросил телохранитель.

— Неизвестен.

Они побежали по оформленному в стиле ретро коридору к выходу из клиники. Батлер опередил остальных и придержал старомодную дверь на металлических петлях. На ее стекле был нарисован врач, заботливо утешающий плачущего пациента.

— Едем на «палке»? — спросил телохранитель, и по его тону было ясно, что ему очень не хотелось бы ехать на этой самой «палке».

— Прости, великан, — ответила Холли, проходя в дверь. — Придется.

Артемис никогда не пользовался общественным транспортом, ни человеческим, ни эльфийским, поэтому он спросил:

— Что такое «палка»?

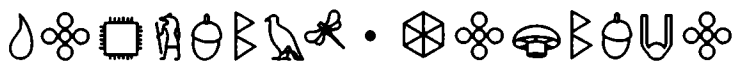

«Палками» прозвали здесь ременные петли, подвешенные к движущимся канатам, разбегавшимся параллельными рядами по всему Хэвен-сити. Это был древний и вполне пригодный вид транспорта, напоминавший чем-то багажные конвейеры в аэропортах. По всему городу были разбросаны посадочные площадки — пассажир должен был сделать шаг вперед, встать на петлю и ухватиться за торчащую из ремня палку из углеродного волокна. Отсюда, собственно, и название — «палка».

Разумеется, и Артемис и Батлер много раз видели «палки», но Артемис не собирался когда-либо пользоваться столь унижительным, на его взгляд, видом транспорта, и потому даже не потрудился узнать, как он называется. Артемис знал, что со своей известной всем плохой координацией он может опозориться, промахнувшись. У Батлера не было проблем с координацией, но он знал, как сложно ему будет уместить свои огромные ноги в узкой ременной петле.

— Ну, да, — сказал Артемис. — «Палка». А в такси не быстрее будет?

— Нет, — ответила Холли, подталкивая Артемиса к краю площадки, а затем легонько ткнула его в почки в самый нужный момент, и

Артемис невольно шагнул вперед, на ремень, ухватившись рукой за рукоятку на палке.

— Bay! — воскликнул Артемис, возможно, всего в третий раз в жизни используя это жаргонное словечко. — Я сделал это!

— Твое следующее выступление будет на Олимпийских играх, — прокомментировала Холли, вспрыгивая на следующую петлю, и бросила через плечо Батлеру: — Давай, твой босс направляется к туннелю.

Батлер бросил на эльфийку взгляд, способный испепелить быка. Холли была его близкой подругой, но эти ее шуточки... Батлер втиснул ноги в петлю и сгорбился, чтобы ухватиться за тонкую палочку. Со стороны он стал похож на самую толстую в мире балерину, пытающуюся сорвать цветочек.

Холли, наверное, рассмеялась бы, не будь ее голова забита мыслями об Опал Кобой.

Ременная дорога несла своих пассажиров от клиники Аргона вдоль края площади в итальянском стиле к низкому туннелю, вырезанному лазером в толще скалы. При виде проносящейся мимо них тройцы завтракавшие в уличных кафе эльфы застывали, не донеся до рта вилку с салатом.

Собственно, видеть на «палке» эльфийку в форме Подземной полиции было делом обычным, но земной парень, одетый как гробовщик, в черное, и скрюченный человек-гора — это нечто...

Высота туннеля была не больше метра, поэтому Батлеру пришлось вытянуться вперед, на длину трех ременных петель, сплющив сразу несколько палок. По пути Батлер, нос которого скользил всего в каком-нибудь метре от стены туннеля, заметил красивые светящиеся пиктограммы, изображавшие сцены из человеческой истории.

«Таким образом, проезжающие здесь юные эльфы каждый раз узнают кое-что о своем собственном прошлом. Круто!» — удивился Батлер, но тут же вернулся мыслями к своим обязанностям телохранителя. Он не имеет права попусту разбрасываться мыслями, пока вместе с боссом находится здесь, под землей.

«Просто нужно запомнить это, — сказал себе Батлер. — Вот вернемся, тогда можно будет спокойно обо всем вспомнить и подумать».

Площадь Полиции — Полис-плаза — сверху выглядела как мощный крест, в центре которого был аккуратнo выложен позолоченный

желудь — эмблема Подземной полиции. Возможно, такое украшательство являлось даже лишним, поскольку офицерам ПП, как правило, было не до того, чтобы любоваться из окон четвертого этажа на то, как переливается позолоченный желудь в лучах искусственного солнца.

Сегодня все обитатели этого этажа сгрудились, словно пригоршня скатившихся с наклонной доски камешков, в Оперативном зале, к которому примыкал кабинет-лаборатория Фоули.

Холли сразу направилась в самую гущу, пробиваясь своими острыми локотками сквозь странно молчаливую толпу. Батлеру достаточно было всего один раз громко прокашляться, и толпа мгновенно расступилась перед ним, словно утянутая в стороны от гиганта мощными магнитами. Артемис протолкался сквозь Оперативный зал к командору Траблу Келпу и Фоули, которые стояли возле большого, во всю стену, экрана, и неотрывно следили за разворачивающимися на нем событиями.

Фоули слышал ахи, сопровождавшие Батлера, где бы он ни появлялся в Хэвене, и оглянулся.

— Четверок с собой не притащил? — прошептал кентавр Артемису. Это была его обыч-

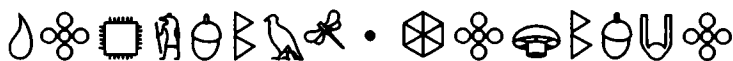
ная шутка на протяжении последних шести месяцев.

— Я вылечился, и тебе это хорошо известно, — ответил Артемис. — Что здесь происходит?

Холли расчистила себе местечко позади Трабла Келпа, который с годами начинал все больше походить на ее бывшего босса, командора Джулиуса Рута. Командор Келп настолько ревностно относился к своим обязанностям, что получил после выпуска из Академии имя Трабл — «Судорога». Известно, что однажды он, например, пытался арестовать какого-то тролля за разбрасывание мусора — задержание закончилось тем, что на кончике носа у Трабла появилась заплатка из искусственной кожи, которая, если взглянуть на нее под определенным углом, отсвечивала желтым.

— У вас новая стрижка, командир, — заметила Холли. — Битрут сделал себе очень похожую.

Командор Келп не оторвал глаз от экрана. Холли подтрунивала потому, что нервничала, и Трабл знал об этом. У нее были причины нервничать. Впрочем, в той ситуации, которая разворачивалась перед ними, более подходя-

щим чувством был бы, пожалуй, смертельный ужас.

— Взгляните на это шоу, капитан, — сурово сказал Келп. — Оно говорит само за себя.

На экране были три фигуры — стоящий на коленях пленник и двое захватчиков. Холли не сразу рассмотрела Опал Кобой, потому что искала пикси среди тех двоих, что стояли на ногах, и только потом поняла, что Опал — это пленница.

— Это трюк, — сказала Холли. — Просто трюк.

— Смотри и увидишь, — пожал плечами командор Келп.

Артемис подступил ближе к экрану, внимательно изучая картинку.

— Вы уверены, что это прямая передача?

— Передача прямая, — ответил Фоули. — Но они могут крутить для нас и запись.

— Откуда идет сигнал?

Фоули взглянул на карту на своем собственном экране. Линия сигнала тянулась от эльфийского спутника вниз к Южной Африке, оттуда на Майами, а затем разбегалась в сотне других направлений, начиная напоминать небрежные каракули ребенка.

— Они захватили спутник и подали сигнал через сеть отражателей. Он может идти откуда угодно.

— Солнце высоко, — стал размышлять вслух Артемис. — По направлению теней я сказал бы, что действие происходит около полудня. Если это действительно прямая передача.

— Превосходно, это сужает район поисков всего до четверти планеты, — саркастически заметил Фоули.

Гул голосов в зале усилился, когда на экране один из коренастых гномов, стоявших позади Опал, поднял человеческий автомат — это хромированное оружие в его тонких пальчиках казалось огромной пушкой.

Показалось, что в Оперативном зале резко похолодало.

— Мне нужна тишина, — сказал Артемис. — Попросите всех выйти.

В другой ситуации Трабл Келп ответил бы, что у Артемиса нет прав здесь командовать, и, наверное, даже позвал бы в зал еще больше сотрудников, но сегодня был не тот день.

— Все вон, — рывкнул он собравшимся в зале офицерам. — Холли, Фоули и Гадкий мальчишка остаются.

— Полагаю, что я тоже останусь, — сказал Батлер, отводя ладонью от своей головы свисающую с потолка лампу.

Никто не возразил.

Обычно, когда им предлагали убираться вон, офицеры ПП делали это враскачку, с чувством собственного достоинства, но сейчас они ринулись бегом из зала к ближайшему монитору, не желая пропустить ни малейшей детали происходящего на экране.

Фоули закрыл за ними дверь своим копытом, а затем затемнил окно, чтобы ничто снаружи не рассеивало внимание. Оставшаяся четверка собралась полукругом перед экраном, наблюдая за тем, что должно было выглядеть как последние минуты жизни Опал Кобой. Во всяком случае, одной из Опал Кобой.

На экране были два гнома в закрывающих лица, непроницаемых для ультрафиолетовых лучей масках, которые можно было запрограммировать так, чтобы они напоминали кого угодно. В данный момент маски изображали Пипа и Кипа, двух котят из популярного мультфильма, который часто крутили по ПТВ, однако тела выдавали в них гномов — с крепкими бочкообразными торсами и нака-

чанными предплечьями. Они располагались перед ничем не примечательной серой стеной, склонившись над маленькой пикси, стоявшей на коленях в чем-то вроде залитой грязью колеи — вода касалась ее ног, пачкая изящный спортивный костюм.

Запястья Опал были связаны, рот заклеен лентой, а сама пикси выглядела ужасно испуганной.

Гном с автоматом заговорил сквозь маску голосом котенка Пипа.

— Объясняю популярно, — мультяшно промывал он, отчего его слова прозвучали еще более зловеще. — Мы захватили одну из Опал, вы держите у себя вторую. Вы отпускаете свою Опал, и тогда мы не убиваем эту. У вас на все было двадцать минут, теперь осталось пятнадцать.

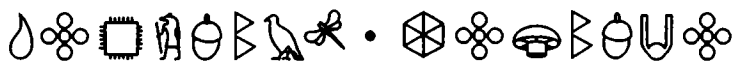
И котенок Пип взвел курок своего автомата.

Батлер осторожно прикоснулся к плечу Холли.

— Я правильно понял...?

— Да. Пятнадцать минут, или Опал умрет.

Батлер вставил в ухо наушник переводчика. Было очень важно не пропустить ни одной детали.

Трабл Келп был настроен скептически.

— Что это за сделка? Отдайте нам террористку или мы убьем террористку?

— Мы не можем допустить, чтобы кого-то убили прямо на наших глазах, — сказала Холли.

— Конечно нет, — согласился Фоули. — Мы же не люди.

Артемис прокашлялся.

— Прости, Артемис, — сказал кентавр. — Но вы, люди, ужасно кровожадное племя. Да, иногда среди нас встречаются свихнувшиеся на власти пикси, но в большинстве своем мы народец миролюбивый. Может, именно поэтому мы и живем здесь, под землей.

Трабл Келп сердито рыкнул — один из его излюбленных приемов, который действовал практически безотказно, особенно на созданий ростом меньше метра, включая ботинки на высоких каблуках. Однако и сейчас это прозвучало достаточно убедительно, чтобы прекратить болтовню.

— Внимание, народ, — сказал он. — Принять решение нужно немедленно. При любых обстоятельствах мы не можем отпустить свою Опал Кобой, но мы не можем также стоять в сторонке и смотреть, как убьют ее второе «я».

На краю экрана появилась компьютерная распечатка — досье на Кобой, на тот случай, если кому-то требовалось освежить свою память.

«ОПАЛ КОБОЙ. Дипломированная талантливая пикси, предпринимательница и изобретатель. Организатор переворота гоблинов и мятежа. Клонировала себя с целью бежать из тюрьмы и пыталась привести в Хэвен людей. Замешана в убийстве командора Джулиуса Рута. Имела имплантированный человеческий гипофиз, вырабатывающий гормоны роста (впоследствии был удален). Более ранняя версия Опал прибыла с капитаном Шорт из прошлого и по большей части продолжает оставаться в настоящем времени. Считается, что она будет предпринимать попытки освободить свое плененное «я» и возвратиться в свой поток времени. Опал занимает беспрецедентное положение — места первое и второе в списке наиболее опасных преступников, составленном ПП. Характеризуется как очень умная, целеустремленная и психически неуравновешенная личность».

«Это смелый ход, Опал, — думал Артемис. — И с потенциально катастрофическими последствиями».

Он скорее почувствовал, чем увидел стоящую у его локтя Холли.

— Что ты думаешь, Артемис?

— Моим первым впечатлением было, что это блеф, — хмуро сказал он. — Но когда Опал строит планы, она всегда принимает во внимание первую реакцию на них.

— Это может быть уловка. Представь, что гномы просто выстрелят в нее холостыми патронами.

— Нет, — покачал головой Артемис. — Это ничего не даст, только заставит нас на время ужаснуться. Опал все спланировала так, чтобы не проиграть в любом случае. Если вы освободите ее, она станет свободна. Если младшая Опал умрет... Что тогда?

— В наши дни с помощью спецэффектов можно симулировать что угодно, — вставил Батлер. — Голову Опал можно заставить разлететься и с помощью компьютерной графики.

Артемис не поддержал эту теорию, он чувствовал, что ее Опал тоже просчитала.

— Нет, Батлер. Подумай. Так она вновь ничего не достигнет.

— По-любому, если они убьют ее, мы вскоре узнаем, взаправду это было или нет, — съязвил Фоули.

— Верно, — усмехнулся Артемис. — Мы действительно будем это знать.

Батлер вздохнул. Артемис и Фоули опять завязали научный спор, предполагая, очевидно, что он должен быть понятен всем присутствующим. Подобные ситуации приводили Холли в бешенство.

— О чем вы толкуете? — вспыхнула она. — О чем мы будем знать? Как мы вообще о чем-то узнаем?

Артемис посмотрел на Холли сверху вниз и тряхнул головой, словно пробуждаясь ото сна.

— Прости, Холли. У вас имеются два дубликата одной и той же личности, занимающих место в одном и том же потоке времени. Ты ничего не знаешь о темпоральных развилках?

Гномы на экране стояли неподвижно, как статуи за спиной дрожащей пикси. Вооруженный гном — Пип — время от времени поглядывал на свои наручные часы, задирая рукав стволом автомата. Если не считать этого, гномы сохраняли полнейшее спокойствие. Опал умоляюще моргала глазами, глядя прямо в объектив камеры, по ее щекам ручьем кати-

лись сверкающие на солнце слезы. Волосы пикси казались более тонкими, чем обычно, и немытыми. Ее дорожный спортивный костюм «Джуси Кутюр», купленный, вне всякого сомнения, в детском отделе хорошего бутика, в нескольких местах был порван и запачкан кровью. Картинка была на удивление четкой, создавалось впечатление, что все происходит совсем рядом, прямо за окном. Если это и была ложная угроза, то молодая Опал не знала об этом.

Трабл ударил рукой по столу — еще одна привычка, унаследованная им от Джулиуса Рута.

— Что такое темпоральная развилка? Рассказывайте!

— Уточните, — сказал Артемис. — Вы хотите знать, что означает понятие «темпоральная развилка»? Или что это такое на самом деле?

Холли толкнула Артемиса локотком в бедро, желая поторопить его.

— Артемис, время.

— Хорошо, Холли. Тут такая проблема...

— Постой, — перебил Фоули. — Дай я объясню. Это моя епархия, и я все скажу просто и по делу, обещаю.

— Давайте же, — вздохнул Трабл. Он прекрасно знал, что у кентавра означает «просто и по делу».

Холли хихикнула. Всего один раз. Она и сама не поверила бы, что кто-нибудь может вести себя таким образом, когда на кон поставлена чья-то жизнь.

«Мы становимся такими же бесчувственными, как люди», — подумала она.

Что бы Опал ни натворила, она все еще была живым существом. Да, было время, когда Холли мечтала о том, чтобы выследить эту пикси и покончить с нею без церемоний, как это принято у людей, но те дни давно прошли.

Фоули поправил кокетливую челку на лбу.

— Все существа состоят из энергии, — начал он многозначительным лекторским тоном, который приберегал для подобных случаев. — Когда эти существа умирают, их энергия медленно рассеивается и возвращается в землю.

Фоули выдержал театральную паузу и продолжил:

— Но что, если все бытие существа неожиданно прерывается за счет аномальной квантизации?

— Стоп! — вскинул руки Трабл. — Просто и по делу, помните?

— ОК, скажу иначе. Если молодая Опал умрет, старшая Опал тоже не сможет существовать дальше.

Трабл на секунду задумался, чтобы переварить услышанное.

— Что это за кино? — спросил он. — Она перестает существовать, мы сначала удивляемся, а затем просто забываем о ней?

— Это одна из теорий, — сказал Фоули и тихонько заржал.

— А другая?

Кентавр вдруг замялся и неожиданно передал слово Артемису.

— Может, ты объяснишь? Я только что понял, что на самом деле может произойти, и решил, что мне нужно срочно сделать пару звонков.

— Хорошо, — вежливо кивнул Артемис. — Вторую теорию первым выдвинул ваш собственный профессор Баджи пять столетий назад.

Баджи считал, что если поток времени загрязнен появлением более раннего дубликата существа, и более молодой дубликат умирает, то существующая ныне копия существа спонтанно и бурно выделит всю свою энергию. И не только потому что более молодая Опал также сгорит при этом.

«Бурно» и «сгореть» — эти слова командор Келп понимал очень хорошо.

— Высвободит свою энергию? Насколько бурно?

— Это зависит от объекта или существа, — пожал плечами Артемис. — Материя при этом мгновенно преобразуется в энергию. Может произойти колоссальный взрыв. Наподобие ядерного.

— Ядерный взрыв? — Холли почувствовала, как учащенно забилося ее сердце.

— В общих чертах, — сказал Артемис. — Для живых существ. Неодушевленные предметы пострадают меньше.

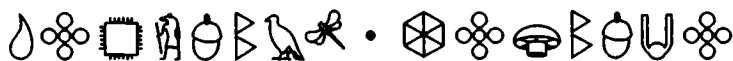
— И все, связанное с Опал, тоже взорвется?

— Нет. Только те вещи, к которым она имела отношение за последние пять лет нашего времени, после появления молодой копии, да еще возможны некоторые темпоральные волны по обе стороны.

— Ты имеешь в виду произведенное ее компанией оружие? — спросила Холли.

— И спутники, — добавил Трабл. — И каждый второй экипаж в городе.

— Ну, это только теория, — сказал Артемис. — Есть еще одна, она утверждает, что ровным счетом ничего не случится. Просто

это существо умрет, и все. Законы обычной физики окажутся сильнее законов физики квантовой, и все будет нормально.

Лицо Холли вспыхнуло от неожиданного прилива гнева.

— Вы говорите так, словно Опал уже мертва, — произнесла она.

— Мы стоим над бездной, Холли, — осторожно проговорил Артемис. — Вскоре многие из нас могут умереть. Но лично я хотел бы остаться невредимым.

— И как ты рассчитываешь шансы в процентах, Гадкий мальчишка? — спросил Фоули из-за своего компьютера.

— В процентах?

— По теории.

— А, понимаю. Насколько велика возможность взрыва?

— Точно так.

— Если все принять во внимание, то, я ска- зал бы, процентов девяносто, — немного подумав, ответил Артемис. — Если бы нашелся дурак, который заключит пари, я поставил бы на взрыв все до последней монетки.

Трабл двинулся к выходу.

— Мы должны освободить Опал. Немедленно, — сказал он.

Но теперь засомневалась Холли.

— Хорошенько подумайте об этом, Трабл.

— Ты слышала, что сказал человек? — резко обернулся к ней командор. — Взрыв! У нас может произойти подземный ядерный взрыв!

— Согласна, однако это может оказаться блефом.

— Альтернатива слишком ужасна. Мы выпустим ее, а затем снова схватим. Соедини меня с Атлантидой. Мне нужно поговорить со стражем Глубин. Это по-прежнему Винияя?

Тут заговорил Артемис — тихо, но приказным тоном, который с десяти лет сделал его признанным лидером.

— Слишком поздно освобождать Опал. Все, что мы можем сделать, это спасти ей жизнь. Она давно это замышляла.

— Спасти ей жизнь? — возразил Трабл. — Но у нас всего... — командор Келп взглянул на часы. — Десять минут.

Артемис погладил Холли по плечу, а затем отступил в сторону.

— Если эльфийская бюрократия похожа на нашу, за такое время вы Опал из тюрьмы не вытащите. Все, что вам остается, это бросить ее в ядерный реактор.

Чтобы понять, Келп начал расспрашивать Артемиса, растрачивая драгоценные секунды.

— В ядерный реактор? Какой ядерный реактор?

— Еще один вопрос, командор, — поводит пальцем Артемис, — и я буду вынужден приказать Батлеру остановить вас.

Келп уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить Артемису, как подобает, но ситуация оставалась критической, и был еще шанс, что этот человек сможет как-то помочь...

Он сжал кулаки так, что хрустнули костяшки пальцев.

— ОК. Говори.

— Глубины снабжает энергией природный ядерный реактор в слое урановой руды, лежащей на гранитной подушке, нечто похожее имеется в Окло, в Габоне, — сказал Артемис, легко извлекая эти факты из своей памяти. — Народная электрическая компания снимает энергию с помощью погруженных в уран маленьких стержней. Эти стержни сооружены с помощью науки и магии и могут выдержать небольшой ядерный взрыв. Этому учат в местных школах. Каждый эльф в этой комнате знает об этом, верно?

Все кивнули. Технически все было правильно, но что из этого следует?

— Если мы перед гибелью поместим Опал внутрь кокона, то блокируем взрыв, и теоретически, если удастся закачать достаточно антирадиационной пены, Опал может даже сохранить свою физическую целостность. Правда, на это я свои последние деньги не поставил бы. Но Опал, очевидно, готова к тому, чтобы рискнуть.

Траблзу захотелось ткнуть Артемиса кулаком в грудь, но он благоразумно воздержался.

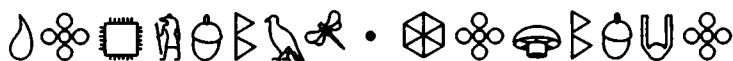
— Ты считаешь, что это и есть ее хитроумный план освобождения?

— Разумеется, — ответил Артемис. — И не только хитроумный. Опал вынуждает вас освободить ее из-за решетки. Альтернатива — полное разрушение Атлантиды и всего живого на ней, а это неприемлемо ни для кого, кроме самой Опал.

Фоули уже вывел на экран план тюрьмы.

— Ядро реактора находится менее чем в ста метрах под уровнем камеры Опал. Я сейчас же свяжусь со зрителем.

Холли знала, что Артемис — гений и как никто в мире способен предугадывать похищение детей, однако у них все еще оставался выбор.

Холли посмотрела на фигуры на экране и поразилась тому, какими ничтожными выглядят гномы перед лицом того, что они собирались сделать. Они сутулились, как подростки, и старались реже смотреть на свою жертву. Гномы пытались казаться крутыми, но не были ни капельки уверены в себе — об этом говорили их нелепые маски, передававшие выражение лиц в карикатурном, преувеличенном виде. Такие маски с лицами известных певцов были популярны среди посетителей караоке-баров, пытавшихся под фонограмму подражать своим идолам.

«Возможно, они и не догадываются о том, каковы на самом деле ставки в этой игре, — неожиданно подумала Холли. — Такие же бестолковые, какой я сама была десять секунд назад».

— Они могут слышать нас? — спросила она у Фоули.

— Они могут, но мы еще не отвечали. Просто нажми кнопку.

Это было сказано просто по традиции — разумеется, никакой кнопки на самом деле не было, только сенсор на экране.

— Погодите, капитан! — приказал Трабл.

— Я опытный переговорщик, сэр, — ответила Холли, надеясь на то, что уверенный тон

позволит ей добиться того, чего она хотела. — И я однажды... — она виновато взглянула на Артемиса, извиняясь за то, что ей придется разыграть эту карту. — Однажды я сама была заложницей, поэтому знаю, как это все делается. Позвольте мне поговорить с ними.

Артемис подбадривающе кивнул, давая знать Холли, что понял ее тактику.

— Капитан Шорт права, командор, — сказал он. — Холли переговорщица от природы. Ей даже со мной удалось договориться.

— Действуйте, — рявкнул Трабл. — Фоули, продолжайте налаживать связь с Атлантидой. И соберите Совет, мы должны немедленно начать эвакуацию обоих городов.

Хотя это были и не настоящие лица гномов, но теперь даже их маски выглядели уставшими. Усталость читалась в поникших головах, в том, как слегка согнулись колени гномов. Возможно, приключение оказалось не таким увлекательным, как они рассчитывали. Кроме того, они не видели взволнованных зрителей, для которых устраивалось это шоу, и никто до сих пор не откликнулся на их требования. То, что начиналось как сногшибательная акция, теперь все больше начинало походить на скуп-

ную уличную сценку — два гнома наехали на пикси.

Пип качнул автоматом в сторону Кипа, и значение этого жеста было понятно без слов: «Почему бы нам не пристрелить ее прямо сейчас?»

Взмахом руки Холли включила микрофон.

— Эй, вы там, привет. Это капитан Холли из ПП. Вы меня слышите?

Гномы немедленно встрепнулись, и Пип даже попытался присвистнуть, но через маску этот звук получился похожим скорее на пуканье.

— Хей, капитан Шорт. Мы слышим тебя. Я видел твои фотографии, ты классная телка, капитан.

Холли заставила себя сдержаться. Никогда не провоцируй террориста.

— Спасибо, Пип. Могу я называть тебя Пип?

— Ты, Холли Шорт, можешь называть меня как угодно, мне наплевать, — промяукал Пип и выбросил в сторону свою свободную руку, чтобы обменяться с партнером легким ударом кулаков.

Холли недоумевала. Эти двое стоят на грани того, чтобы уничтожить весь эльфийский мир, и в то же время гогочут, как два гоблина на лужайке во время фейерверка.

— ОК, Пип, — спокойно продолжила она. — Что мы можем для вас сделать?

Пип печально покачал головой Кипу.

— Почему эти милашки всегда настолько тупые? — он повернулся к камере. — Вы знаете, чего мы хотим. Мы уже сказали. Отпустите Опал Кобой, или мы отправим ее молодую копию спать — надолго. Для тупых поясню — я выстрелю ей в голову.

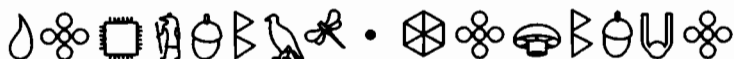
— Вы должны дать нам немного времени. Еще один час, Пип. Для меня, а?

Пип почесал затылок стволом автомата, изображая, что обдумывает слова Холли.

— Ты хитра, Холли. Но не слишком. Если я дам тебе еще час, ты найдешь какой-нибудь способ замочить нас. Нет уж, спасибо, кэп. У тебя десять минут. На твоём месте я бы поспешил открыть камеру или позвать гробовщика.

— Такие вещи требуют времени, Пип, — продолжала настаивать Холли, все время повторяя это имя, чтобы закрепить возникшую между ней и гномом связь. — Даже на то, чтобы заплатить штраф за неправильную парковку, уходит три дня.

— Не мои проблемы, крошка, — пожал плечами Пип. — Ты можешь называть меня Пипом хоть целый день, но лучшими друзьями

нас это не сделает. Тем более это не мое настоящее имя.

— Этот гном не глуп, — произнес Артемис, отключив перед этим микрофон. — Не заигрывай с ним, просто скажи ему правду.

Холли кивнула и вновь включила микрофон.

— ОК, как бы тебя ни звали. Скажу тебе прямо. Есть большой шанс на то, что если вы убьете молодую Опал, у нас здесь, внизу, произойдет серия очень сильных взрывов. Погибнет множество ни в чем не повинного народа.

— Ну, да, законы квантовой физики, — беззаботно взмахнул автоматом Пип. — Об этом нам известно, не так ли, Кип?

— Квантовые законы, — мяукнул Кип. — Как же, как же, знаем мы эти законы.

— И вам нет дела до того, что масса добрых эльфов и гномов, среди которых могут быть ваши родственники, погибнут?

Пип поднял брови так, что они взлетели к верхнему краю маски.

— Ты любишь кого-нибудь в своей семье, Кип?

— У меня нет семьи. Я сирота.

— Правда? Я тоже.

Пока гномы переговаривались, Опал ерзала в грязи, пытаясь что-то промычать с заклеенным ртом. Позднее Фоули изучит это мыча-

ние на анализаторе речи — если у них будет это самое «позднее». Но и безо всякого анализатора не нужно быть гением, чтобы понять: она умоляет сохранить ей жизнь.

— Вам что-то требуется? — спросила Холли.

— Только одно, — ответил Пип. — Номер твоего мобильного. Я заглянул бы к тебе вечером на чашечку кофе, когда все это закончится. Правда, может быть и так, что вскоре от Хэвен-сити останутся одни головешки.

Фоули вывел на экран текстовое сообщение: «Сейчас они переводят Опал».

Холли моргнула, давая знать, что поняла, и продолжила свои переговоры.

— Ситуация такова, Пип. У нас есть девять минут. За это время вывести народ из Атлантиды невозможно. Их нужно собрать, кому-то помочь, нужно выпустить через водоводы в открытое море. Девяти минут для этого мало.

— Тогда им придется поплавать, — жестко ответил Пип. — Взрыв проделает чертовски большую дыру в защитном поле.

— Неужели тебе никого не жалко? — взорвалась Холли. — Ты хотя бы представляешь, сколько будет жертв?

Пип и Кип расхохотались.

— Ужасно чувствовать себя беспомощным, верно? — сказал Пип. — Но есть ощущения и похуже. Когда тонешь, например.

— Или когда на тебя валятся стены, — добавил Кип.

Холли ударила по панели своими маленькими кулачками. Эти двое доводили ее до бешенства.

Пип приблизился к камере, и теперь его маска заняла весь экран.

— Если в ближайшие минуты Опал Кобой не позвонит мне и не скажет, что поднимается в челноке на поверхность, я пристрелю эту пикси. Можешь мне поверить.

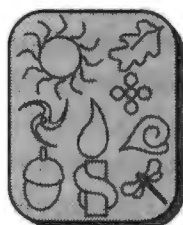
Фоули опустил голову на свои руки.

— Раньше я так любил мультик про Пипа и Кипа, — уныло сказал он.

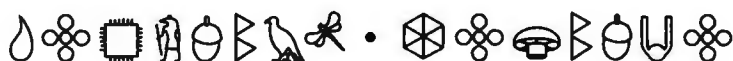
ГЛАВА 2

УБИТЬ ПРОШЛОЕ

Глубины, Атлантида

Когда за ней пришли охранники, Опал Кобой предпринимала тщетные попытки левитировать. Это она умела делать в детстве, пока не стала преступницей — после этого нарушились тонкие магические связи между ее нервными клетками, которые, как считают специалисты, являются источником магии. Ее магические силы могли вернуться, если бы не гипофиз — человеческая железа, которую ненадолго вживили в гипоталамус Опал. Левитация — искусство простое, особенно для пикси с их ограниченными возможностями. Обычно этого состояния достигают только Хей-Хей монахи Третьего уровня, но Опал овладела левитацией еще с пеленок, и именно тогда ее родители впервые поняли, что их дочь — ребенок необычный.

«Итак, — думала она, — я хотела стать человеком. Это было ошибкой, и я знаю, кто виновник. Кентавр Фоули — это он виноват. Надеюсь, он погибнет при взрыве».

Опал самодовольно хихикнула. Было время, когда она, коротая время в тюрьме, обдумывала все новые и новые казни для кентавра, но теперь великодушно была согласна на то, чтобы Фоули просто погиб вместе со всеми при предстоящих взрывах. Для жены кентавра у нее тоже имелась на примете парочка сюрпризов, но это так, дело второстепенное, которое не займет много времени.

«Это показатель того, как далеко я зашла, — продолжала думать Опал. — Пожалуй, я повзрослела. Теперь пелена с глаз спала, и я вижу свое истинное предназначение».

Когда-то Опал была просто напористой и безжалостной к конкурентам бизнес-леди с папиными деньгами, но в какой-то момент, в годы занятий запрещенными экспериментами, она позволила черной магии завладеть ее душой и стала бессердечной настолько, что готова была теперь уничтожить свой собственный город. Она хотела положить к своим ногам весь мир и готова была рискнуть всем и пожертвовать кем угодно, лишь бы исполнить это желание.

«Теперь все будет иначе, поскольку со мной будут бесстрашные воины, покорные моей воле. Древние бойцы, готовые умереть за меня».

Опал сосредоточилась и попыталась установить мысленную связь со своим вторым «я». Но в ответ получала лишь белый шум — излучение страха.

«Она знает, — решила Опал. — Бедняжка».

Но сочувствие к своей младшей половинке длилось у нее недолго, поскольку заключенная в тюрьму Опал не интересовалась прошлым.

«Я просто стираю память, — думала она, — и больше ничего».

Очень удобный способ взглянуть на все это.

Дверь ее камеры превратилась в облачко газа, и Опал не удивилась, увидев в нем Смотрителя Тарпона Винияйю, матерого чиновника, не проводшего, кстати, ни единой ночи под Луной, в окружении двух коренастых пикси-охранников.

— Смотритель, — сказала Опал, прекращая свои попытки левитировать. — Вместе с вами явилось мое помилование?

Тарпону было не до любезностей.

— Мы перемещаем вас, Кобой. Пойдемте, и без вопросов, — он сделал знак охранникам. — Свяжите ее, парни.

Коренастые пикси стремительно вошли в камеру и без единого звука связали руки Опал. Коренастые пикси были особым видом, эволюционировавшим только в Атлантиде с ее высоким давлением водной окружающей среды и очистительными сооружениями на основе водорослей — все это постепенно увеличивало количество таких существ. Они отличались сильными мускулами, но это, очевидно, шло во вред их мозгам — такие пикси становились идеальными тюремными охранниками, не считающимися ни с кем, кто был мельче их, хотя сами едва умели ставить свою подпись.

Прежде чем Опал раскрыла рот, чтобы возразить, охранники натянули на нее антирадиационный скафандр и обмотали вокруг талии тремя прочными веревками.

Смотритель облегченно вздохнул, словно опасался, что Опал сможет каким-то образом обезвредить его охранников.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, промокая свой высокий лоб платком. — Отведите ее вниз. Не прикасайтесь к трубам и постарайтесь реже дышать.

Охранники схватили Опал, словно свернутый ковер, и быстро поволокли из камеры через узкий мостик, соединявший коридор с

камерами с основным помещением тюрьмы, к служебному эскалатору.

Опал улыбнулась за толстым свинцовым окошком своего шлема.

Сегодня действительно был день, когда мужчины носят ее на руках.

Затем она послала мысленное послание своему младшему «я» на поверхности.

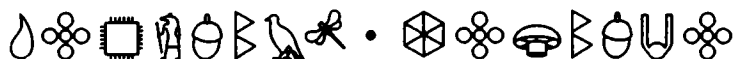
«Я чувствую тебя, сестра».

Кабинка подъемника опустилась сквозь сотни метров мягкого песчаника в маленькую камеру, выложенную из сверхпрочных материалов, добытых с поверхности нейтронной звезды.

Опал поняла, куда они прибыли, и хихикнула, вспомнив глупого эльфа, спросившего на лекции в институте, из чего сделаны нейтронные звезды.

— Из нейтронов, мой мальчик, — рявкнул тогда профессор Легуминус. — Из нейтронов! Это следует из названия!

Камера была самой дорогостоящей постройкой на планете, хотя внешне больше походила на печь для обжига цемента. На одном ее конце находилась дверь подъемника, а на другой — нечто наподобие четырех труб для за-

пуска ракет, а посередине камеры стоял невероятно толстый мрачный гном.

— Что за дела? — пробурчал он, недовольно тряся животом.

Охранники швырнули Опал на серый пол.

— Приказ, дружище, — сказал один из них. — Засунь ее в трубу.

Гном отрицательно покачал головой.

— Я никого не сую в трубу. Эти трубы предназначены для стержней.

— Нам известно, — произнес второй охранник, очень гордый тем, что сумел запомнить информацию, которую должен был передать, — что один из реакторов отключен, поэтому труба должна быть пустой.

— Звучит неплохо, крепыш, за исключением «должна быть» в конце, — проговорил гном, которого звали Колин Озкопи. — Но даже если так, мне нужно знать, будут ли последствия оттого, что я суну кого-то в трубу, хуже, чем если я его туда не засуну.

Чтобы осмыслить такое длинное и сложное предложение, охранникам потребовалось несколько минут. Но и тогда они вряд ли смогли бы что-то ответить, однако на помощь им пришел зазвонивший телефон Колина.

— Минутку, — сказал Колин и взглянул на входящий номер. — Это Смотритель.

Колин изобразил на лице улыбку и вежливо сказал в трубку:

— Алло. Инженер Озкопи слушает.

Слушал Озкопи довольно долго, иногда вставляя «ага», а затем отключился.

— М-да, — произнес он, ткнув носком ботинка в антирадиационный скафандр. — Пожалуй, лучше запихнуть ее в трубу.

*Полис-плаза, Хэвен-сити,
Нижние Уровни*

Пип помахал перед камерой своим телефоном.

— Ты слышишь что-нибудь? Потому что я — нет. Никто не отвечает, хотя у меня пять полосок — связь доступна по всей планете. Проклятье, попробую позвонить на космический корабль.

Холли тронула сенсор микрофона.

— Мы все делаем настолько быстро, насколько возможно. В настоящее время Опал Кобой в камере подъемника. Нам нужно еще только десять минут.

Пип пропел противным голосом:

Никогда не лги, просто уходи,

Не рассказывай сказки, или загремишь в тюрьму.

Фоули поймал себя на том, что тихонько подпевает — это была песенка из заставки мультика про Пипа и Кипа. Холли покосилась на него.

— Прости, — смутился кентавр и замолк.

Артемис начинал терять терпение от бесполезных переговоров.

— Они просто водят нас за нос. Они вовсе не собираются освобождать Опал. Нам нужно смываться, хотя бы в залы шаттлов — они выстроены так, чтобы выдерживать даже выбросы магмы.

— Мы и здесь в безопасности, — возразил Фоули. — Реальная опасность угрожает Атлантиде. Именно там другая Опал. Ты говорил, и я с тобой согласен, что серьезные взрывы — теоретически — могут случаться только с живыми существами.

— Теоретические взрывы остаются теоретическими, пока не подтверждены на практике, — ответил Артемис. — А со столь многими...

Он оборвал фразу на середине, что было совсем на него не похоже: Артемис терпеть не мог неправильную речь и дурные манеры. Он побледнел как мел и шлепнул себя ладонью по лбу.

— Дурак. Дурак. Фоули, мы с тобой — два идиота. Я не ожидал нестандартного мышления от офицеров ПП, но ты, ты...

Холли узнала этот тон. Она слышала его во время предыдущих приключений, и, как правило, перед тем, как дело катилось к катастрофе.

— Что такое? — спросила она, заранее опасаясь, что ответ может оказаться ужасным.

— Да, — обиженно подхватил Фоули. — Почему это я идиот?

Артемис провел указательным пальцем по диагонали вниз и на юго-запад, в направлении клиники Ж. Аргона.

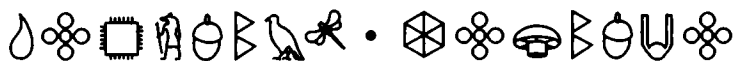
— Кислородная камера притупила мои чувства, — сказал он. — Клон. Нопаль. Она — живое существо. Если она взорвется, мало никому не покажется.

Фоули с бешеной скоростью принялся искать в компьютере файл клона на веб-сайте Аргона, а затем лихорадочно просмотрел его.

— Нет, — проговорил он. — Я думаю, все будет в порядке. Опал отдала свою ДНК до темпоральной развилки.

Артемис по-прежнему злился на себя за то, что забыл о клоне.

— Мы были на краю гибели, — проговорил он. — Если бы Нопаль создали позднее, моя тупость многим стоила бы жизни.

— Нам еще есть кого спасать, — успокоил его Фоули. — И мы должны спасти всех, кого сможем.

Кентавр приподнял плексигласовую крышку на стене и нажал находившуюся под ней красную кнопку. В ту же секунду по всему городу тревожно завывали сирены. Их звук напоминал рыдание матери, получившей кошмарное известие.

— У нас нет времени ждать санкцию Совета, — сказал он Траблу Келпу, кусая ноготь. — Многие успеют укрыться в залах шаттлов. Но нам нужно на всякий случай привести в готовность бригады реаниматологов.

Батлера ужасала мысль о том, что он может потерять Артемиса.

— Смерть никому не угрожает, — насупился он.

— Технически смерть угрожает всем! — не согласился его босс.

— Заткнись, Артемис! — крикнул Батлер, забывая о собственной профессиональной этике. — Я обещал твоей матери сохранить тебя, а ты вновь ставишь меня в положение, когда моя храбрость и мастерство ничего не стоят.

— Дело сложное, — сказал Артемис, — и я не хочу, чтобы меня обвинили в последней проделке Опал.

Таким красным лицо Батлера Артемис не видел еще никогда.

— Ты думаешь, что тебя могут обвинить, что ж, тогда я тоже тебя обвиняю. Мы едва избежали от последствий твоего последнего злоключения и тут же по горло увязли в новом.

Казалось, что этот взрыв гнева Батлера потряс Артемиса сильнее, чем смертельно опасная ситуация.

— Батлер, не понимаю, откуда такие мрачные мысли.

Телохранитель потер свою коротко стриженную голову.

— Сам не знаю, — вздохнул он. — Но в последние годы постоянно что-то случается, одно за другим. Гоблины, путешествие во времени, демоны. Теперь это место, где все такое... такое... мелкое.

Он вновь глубоко вздохнул.

— ОК. Забудем все, что я сказал. Я снова в порядке. Итак, вперед. Каковы наши планы?

— Эвакуация, — сказал Артемис. — Больше никаких переговоров с этими занимающимися захватом заложников тупицами: они выполняют свои инструкции. Закрывать двери, они примут на себя часть ударных волн.

— Мы делаем свое дело, человек, — произнес Трабл Келп. — Все население города через пять минут будет находиться в точках сбора.

Артеemis размышлял, меряя комнату шагами.

— Прикажете своему народу бросить все оружие в колодцы с магмой. Бросьте туда все, что могло быть сделано на предприятиях Кобой — телефоны, игрушки, все.

— Все произведенное Кобой оружие изъято, — проговорила Холли. — Но в некоторых старых нейтринных ружьях могла остаться пара чипов.

— Часть оружия Кобой изъята, — виновато поправил Трабл Келп. — Урезание бюджета, вы сами знаете.

Пип прервал их приготовления, буквально всунувшись в объектив камеры.

— Эй, полицаи. Мне это надоело. Скажите же что-нибудь. Даже можете соврать, нам это по барабану.

Артеemis нахмурился. Ему не нравилась такая развязность в ситуации, когда на карту было поставлено столько жизней. Он указал на микрофон.

— Можно мне?

Трабл, не переставая куда-то звонить, сделал рукой неопределенный жест, который

можно было истолковать как угодно. Артемис решил считать его утвердительным.

Он приблизился к экрану.

— Слушайте меня, отморозки. Это Артемис Фаул. Наверное, вы слышали обо мне.

Пип усмехнулся, и маска повторила его гримасу.

— О, Артемис Фаул. Вундеркинд. Да, мы слышали о тебе, верно, Кип?

— Артемис Фаул, ирландский парень, который гонялся за лепреконами, — кивнул Кип, перебирая ногами. — Уверен, что все слышали об этом остряке-самоучке.

«Эти двое тупы, — подумал Артемис. — Они тупицы и слишком много болтают. Я должен использовать их слабости».

Он попробовал применить хитрость.

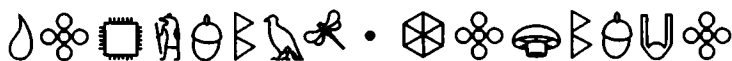
— Я полагаю, что говорил вам, чтобы вы зачитали свои требования и больше ничего не мололи.

Маска Пипа изобразила смущение.

— Ты говорил нам?

Артемис добавил в голос жесткости:

— Мои инструкции, идиоты, были таковы: зачитать требования, выждать положенное время и затем пристрелить пикси. Не помню, чтобы упоминал что-то о переговорах.

Маска Пипа нахмурилась. Как мог Артемис Фаул знать инструкции, которые они получили?

— Твои инструкции? Мы их от тебя не получали.

— В самом деле? Тогда объясните мне, откуда я знаю их до мелочей?

Маска Пипа не справилась с гримасами, которые быстро менялись на его лице, и застыла.

— Я... э-э... я не...

— И скажите, откуда я точно знаю частоту волны, по которой держать связь с вами?

— Так ты не на Полис-плаза?

— Конечно, нет, идиот. Я в точке встречи и жду Опал.

Сердце Артемиса учащенно забилося. Он подождал секунду, давая своему сознанию соединиться с подсознанием и рассказать ему о том, что он распознал на экране.

Нечто на заднем плане.

Нечто очень знакомое.

Стена позади Пипа и Кипа была неопределенного серого цвета. И грубо оштукатурена. Обычная отделка для стен на фермах во всем мире. Похожие стены были и в поместье Фаул.

Бу-бум.

Это грохотало его сердце.

Артемис сосредоточился на стене. Однообразно-серая, за исключением сети разбежавшихся по штукатурке трещинок.

Память нарисовала картинку: шестилетний Артемис гуляет с отцом по их поместью. Они проходят мимо стены сарая на верхнем пастбище, юный Артемис показывает на эту стену и говорит: «Видишь, папа? Эти трещины образуют карту Хорватии, которая когда-то входила в состав Римской, Оттоманской и Австро-Венгерской империи Габсбургов. Ты помнишь, что Хорватия объявила о своей независимости от Югославии в тысяча девятьсот девяносто первом году?»

Это была она. На стене позади Пипа и Кипа. Карта Хорватии, хотя в свои пятнадцать лет Артемис знал, что сейчас береговая линия побережья Далмации несколько изменилась.

«Они в поместье Фаул», — догадался Артемис.

Но почему?

В памяти всплыли слова доктора Аргона.

«Поскольку количество остаточной магической силы здесь зашкаливает. Некогда в поместье Фаул произошло нечто грандиозное — с точки зрения магии».

Артемис решил довериться своей интуиции.

— Я жду Опал в поместье Фаул, — сказал он.

— Так ты тоже в поместье Фаул? — воскликнул Кип.

Пип моментально обернулся и выстрелил своему напарнику прямо в сердце. Гнома откинуло назад, на стену, и от удара осыпалось облачко пыли. Струя крови хлынула из отверстия в груди гнома и, слегка пульсируя, стекала по ребрам, напоминая вытекающую из опрокинутой банки краску. Маска на лице Кипа карикатурно изобразила удивление, затем кожа на лице гнома стала остывать, и пиксели маски замерли.

Неожиданная смерть потрясла Артемиса, однако припомненные слова Аргона потрясли его еще больше.

Итак, он оказался прав дважды: за этим делом стояла Опал, а местом встречи было поместье Фаул.

Но почему? Что здесь произошло?

— Видишь, что ты наделал, человек? — закричал Пип в камеру. — Если ты, конечно, человек. Если ты действительно Артемис Фаул. Но не важно, что ты мог узнать, все равно теперь поздно.

Пип приставил все еще дымящийся ствол автомата к голове Опал, она вздрогнула, когда горячий металл обжег ей кожу, и умоляюще

замычала. Было видно, что Пип хочет нажать курок, но никак не может сделать это.

«Он выполняет инструкции, — думал Артемис. — Ему приказано ждать до указанного времени. Иначе он не может быть уверен, что Опал уже надежно спрятана в ядерном реакторе».

Артемис отключил микрофон и направился к двери, когда его за локоть ухватила Холли.

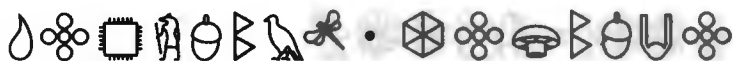
— Нет времени, — сказала она, правильно поняв, что Артемис направляется домой.

— Я должен попытаться спасти мою семью от новой стадии плана Опал, — коротко ответил Артемис. — Осталось пять минут. Если я успею швырнуть то, что нужно, в колодец с магмой, мы, возможно, избежим взрывов на поверхности.

Командор Келп быстро прикинул варианты. Он мог приказать Артемису оставаться под землей, но стратегически было выгоднее иметь на поверхности того, кто сможет выследить Опал, если ей удастся бежать из Атлантиды.

— Идите, — произнес он. — Капитан Шорт проводит вас и Батлера на поверхность. Оставайтесь на связи, если...

Он не договорил, но все присутствующие в комнате догадались, что он собирался сказать: «Оставайтесь на связи, если... будет с кем держать связь».

ГЛАВА 3

ОГОНЬ И СЕРА

Глубины, Атлантида

Опал не слишком понравилось, когда ее втискивали в трубу, словно тупой стержень, но, оказавшись внутри нейтронной коры, она почувствовала себя довольно уютно, окруженная пушистой антирадиационной пеной.

«Как гусеница в коконе, — подумала она. — Только скафандр шершавый. Я готова превратиться в божество. Я почти достигла своей цели. Склоняйтесь, создания, или проклинаяте собственную слепоту... Проклинайте собственную слепоту — не слишком ли пафосно сказано?»

Где-то в голове Опал занозой сидела мысль о том, не совершила ли она ужасную ошибку, приведя в действие свой план. Это был самый радикальный поступок в ее жизни, в результате которого могут погибнуть тысячи эльфов и людей. Хуже всего, она и сама может ис-

чезнуть или трансформироваться в какого-то выброшенного из времени мутанта. Но Опал решительно отбросила эти мысли.

Она на девяносто процентов была уверена в том, что само Провидение выбрало ее на роль первого квантового сверхсущества.

Альтернатива этому была настолько мерзкой, что Опал о ней и думать не желала — чтобы ее, Опал Кобой, до конца дней держали как простую заключенную в Глубинах, чтобы сделали из нее посмешище, персонажа нравоучительных историй и тему для школьных сочинений? Посадили, как шимпанзе, в клетку зоопарка в Атлантиде? Нет, убить всех или даже умереть самой, но только не это. Но она не умрет. Труба поможет ей сохранить энергию, достаточно энергии, чтобы стать квантовой версией самой себя.

Той, которая держит в своих руках судьбу каждого. Отныне и всегда.

Хэвен-сити

Артемис, Батлер и Холли сели на Полис-плаза в полицейский экспресс-подъемник, соединенный с колодцем, откуда из слоя магмы по геотермальным стержням поступала большая часть питавшей город энергии. Артемис ни с

кем не разговаривал, он погрузился в себя и постукивал по стальной стенке подъемника костяшками пальцев. Холли с облегчением заметила, что в этих ударах нет ритмического рисунка — если, конечно, он не был слишком сложным, чтобы она могла уловить его. Уже не первый раз мыслительный процесс Артемиса оказывался за гранью ее понимания.

Подъемник был просторным — по стандартам подземного мира, конечно.

Во всяком случае, даже Батлер мог стоять здесь во весь рост, хотя и ударялся макушкой о потолок каждый раз, когда кабину подъемника покачивало.

Наконец, Артемис заговорил:

— Если мы сможем проникнуть в шаттл до момента икс, у нас появится реальный шанс.

Артемис сказал «момент икс», но его спутники знали, что это означает «момент убийства». Когда время истечет, Пип застрелит Опал — никто из них не сомневался, что так оно и будет. Затем начнут разворачиваться последствия этого убийства, какими бы они ни были, и лучший шанс на спасение — оказаться к этому времени в челноке внутри связанного с магмой колодца, способного выдержать любой удар.

Подъемник остановился, зашипели, открываясь, пневматические двери, и снаружи ворвался нестройный шум голосов. Терминал был переполнен сходящими с ума эльфами, пробивающими себе дорогу к шаттлам через пропускные пункты, игнорируя обычный рентгеновский досмотр, перепрыгивающими через ограждение и турникеты. Сильфиды парили на запрещенно низкой высоте, и на их крылья отражались долетавшие из трубы огни. Гномы сбивались вместе, собираясь толпой проломиться через линию одетых в защитное снаряжение офицеров на контроле.

— Народ потерял голову, — пробормотала Холли. — Эта паника до хорошего не доведет.

Артемис смотрел на беснующуюся толпу — нечто похожее он видел однажды в аэропорту Д.Ф. Кеннеди, когда туда прибыла какая-то звезда телевизионного реалити-шоу. «Нам не пробиться, — подумал он. — Во всяком случае, так, чтобы никого не покалечить».

Батлер подхватил своих товарищей и перекинул каждого через плечо.

— Ада нам не надо, — сказал он, решительно устремляясь в гущу толпы.

После того как Пип застрелил своего партнера, его поведение изменилось. Он больше не болтал и не кривлялся; теперь он строго следовал своим письменным инструкциям: дожидаться сигнала таймера на телефоне, а затем пристрелить пикси.

«Ух, этот Фаул. Блефовал, верно? Ничего он не может сделать. Может, это вообще был не Фаул».

Пип решил, что никогда никому не расскажет о том, что здесь сегодня произошло. Молчание было спасением. Слова только совьются в веревку, на которой его повесят.

«Она никогда не должна узнать».

Но Пип знал, что она всего лишь раз взглянет ему в глаза и узнает все. На секунду Пип подумал о бегстве, чтобы выпутаться из этой западни и снова стать простым старым гномом.

«Я не могу это сделать. Она найдет меня. Она найдет меня и сотворит со мной нечто жуткое. И, наконец, по некоторой причине я и не хочу освобождаться от нее».

Итак, ему ничего не оставалось кроме как следовать приказам, которые он уже нарушил.

«Может быть, если я убью пикси, она простит меня».

Пип взвел курок своего автомата и прижал ствол к затылку Опал.

Атлантида

Внутри реактора Опал охватило возбуждение. Это скоро случится. Очень скоро. Она давно считала секунды, но толчки во время спуска на подъемнике сбили ее.

«Я готова, — думала она. — Готова к следующему шагу».

«Нажми! — послала она мысленный приказ гному, зная о том, что ее младшее «я» услышит эту мысль и ужаснется. — Нажми курок».

Полис-плаза

Фоули почувствовал, что его челка упала под весом пропитавшего ее пота, и попытался вспомнить свой разговор с Кабаллиной этим утром.

«Надеюсь, я сказал, что люблю ее. И всегда буду любить. Но я в самом деле сказал это сегодня утром? Или не сказал?»

Эта деталь почему-то казалась ему ужасно важной.

«Кабаллина в пригороде. Она будет в безопасной зоне. Отлично».

Но кентавр сам не верил своим мыслям. Если за всем этим стояла Опал, ее план — на-

стоящая ведьмина пряжа, которую еще распутывать и распутывать.

«Опал Кобой не строит планы, она пишет оперы».

Впервые в жизни Фоули со страхом поймал себя на мысли о том, что кто-то может оказаться круче, чем он сам.

Полис-плаза, порт шаттлов

Батлер пробирался сквозь толпу, осторожно переставляя ноги. Его появление в порту только усилило панику, но этого было уже не поправить. Некоторые неудобства, доставленные отдельным эльфам, с лихвой окупятся, если он сумеет вовремя добраться до челнока. Эльфы сновали возле его ног, словно стайка рыбешек, — некоторые тыкали в Батлера зонтиками, кто-то попытался даже отогнать его с помощью репеллента, вонючий запах которого, к великому неудовольствию гиганта, надолго застрял у него в ноздрах.

Когда они достигли контрольного турникета, Батлер попросту перешагнул через него, оставив испуганную толпу позади. У Батлера хватило соображения выдвинуть вперед Холли — так можно было попытаться пройти, не теряя времени на досмотр.

— ОК. Можете идти. Техники проверили все системы жизнеобеспечения. И мы загрузили свежий плазменный куб, его хватит на несколько месяцев. Бронированные двери закроются менее чем через две минуты, поэтому я на вашем месте поторопился бы, если вы берете с собой этих двоих Гадких парней... э-э... людей... с собой.

Батлер решил, что будет быстрее, если он оставит Артемиса у себя на плече, пока они не окажутся в шаттле, поскольку по пути им, возможно, второпях придется перешагивать через гномов. И он широкими шагами направился вниз по металлической трубе, соединявшей контрольный пункт с их шаттлом. Фоули в свое время приказал переделать этот шаттл, поэтому Батлер мог протиснуться в него почти свободно, правда, низко наклонив при этом голову. Сам шаттл на самом деле был внедорожником, конфискованным Криминальным бюро у одного контрабандиста, промышлявшего тунцом. Средний ряд сидений был снят, что позволило гиганту-телохранителю вытянуться на спине. Езда на внедорожнике была самым любимым занятием Батлера во время его визитов в подземный мир.

— Внедорожник! — фырчал тогда Фоули. — Как будто в Хэвене где-нибудь нет дорог! Символ разбазаривания топлива, вот что такое эти драндулеты.

Правда, это не помешало ему с интересом заказать переделки, после которых в напоминавший американский хаммер «драндулет» можно было сзади посадить двоих людей. А поскольку одним из этих людей был Артемис, Фоули не смог слегка не пофорсить, втиснув в маленький объем, сравнимый разве что с объемом марсианского зонда, массу дополнительных прибаамбасов: гелевые сиденья, тридцать два динамика, телевизор 3D высокой четкости, а для Холли — кислородную маску, и еще лазерный резак в фигурном колпаке, сделанном в виде дующего в длинный рог бесенка. Благодаря этому бесенку шаттлу и дали прозвище — «Серебряный Купидон». Артемис находил это прозвище слишком романтичным, а вот Холли с удовольствием повторяла его при каждом удобном случае.

Установив контакт с телом Холли, внедорожник послал сообщение на ее наручный компьютер, запрашивая разрешение закрыть двери и стартовать. Холли тут же послала подтверждение, и напоминающие крылья летучей

мышь двери плавно пошли закрываться вверх, дав Батлеру ровно столько времени, сколько ему потребовалось, чтобы переложить Артемиса, словно корзинку с котятками, со своего плеча на заднее сиденье. Холли устроилась в одиночном кресле на носу челнока и успела пристегнуться ремнем безопасности еще до того, как двери плотно закрылись.

Артемис и Батлер отклонились назад, давая упасть себе на плечи ремням безопасности, натяжение которых автоматически регулировалось с помощью сенсорных роликов.

Артемис теребил пальцами свои брюки на коленях.

Их спуск к рельсу фидера казался очень медленным. В конце выложенного металлическими панелями туннеля они могли видеть полумесяц магмы на дне колодца, грозно светившийся, словно вход в преисподнюю.

— Холли, — сказал, не разжимая зубов, Артемис. — Пожалуйста, чуть побыстрее.

— Мы пока на подающем рельсе, Артемис, — ответила Холли, отрывая от руля затянутые в перчатки руки. — Все на автоматике.

На вмонтированном в лобовое стекло дисплее появилось лицо Фоули.

— Прости, Артемис, — сказал он. — Мне очень жаль, но мы не укладываемся по времени.

— Нет! — воскликнул Артемис, подавшись вперед и натягивая ремень. — Осталось еще пятнадцать секунд. Как минимум двенадцать.

Фоули скосил глаза на расположенные перед ним датчики.

— Мы должны успеть закрыть двери, чтобы быть уверенными в том, что все, кто находится внутри защитных туннелей, уцелеют. Мне действительно очень жаль, Артемис.

Внедорожник дернулся, а затем замер — прервалась подача энергии в подающий рельс.

— Мы можем это сделать, — паническим шепотом произнес Артемис.

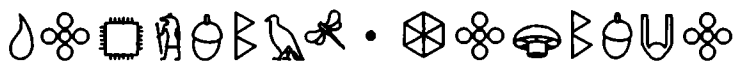
Устье ада вдали стало затягиваться — это закрывались выкованные гномами гигантские, метровой толщины, двери на роликах.

— Холли, пожалуйста, — схватил ее за плечо Артемис.

Холли широко раскрыла глаза и щелчком включила тумблеры на панели управления.

— Д'арвит, — сказала она, вдавливая в пол педаль акселератора.

Внедорожник рванул вперед, освободившись от подающего рельса, сверкая включившимися фарами и ревя клаксоном.

На экране Фоули потер указательными пальцами глаза.

— Поехали! Капитан Шорт снова сделала это. Поднимите руку, кто удивлен. Нет таких?

Холли старалась не слушать кентавра и сосредоточиться на управлении шаттлом, ведя его по ходящей ходуном трубе.

«Обычно такие гонки завершают приключения, — думала она. — Конец третьего акта. На этот раз мы что-то рановато начинаем эти штуки».

Шаттл неся по туннелю, задевая его стенки и рассыпая снопы искр. Холли опустила на глаза очки визора и автоматически настроила свое зрение так, чтобы одновременно следить за датчиками очков и видеть то, что впереди.

— Близко, — сказала она. — Совсем близко, — и успела добавить перед тем, как пропала связь: — Удачи, Фоули. Остайся живым.

Кентавр прикоснулся к экрану двумя скрещенными пальцами:

— Удачи всем нам.

Холли выиграла несколько дополнительных сантиметров, спустив воздух из навесных бамперов «Купидона», и внедорожник проскочил под опускающейся защитной дверью — еще полсекунды, и было бы поздно. Теперь они

оказались в естественном жерле. Внизу, под ними, взлетали вверх колонны раскаленной магмы шириной в десять километров — они создавали бешеные восходящие потоки, которые несли крохотный челнок по спирали все выше и выше к поверхности.

Холли установила стабилизаторы и позволила себе откинуться на подголовник кресла.

— Приготовились, — произнесла она. — Сейчас нас будет слегка трясти.

Пип подпрыгнул, услышав сигнал таймера на своем телефоне, так, словно не ожидал его, словно не считал оставшиеся до него секунды. И все же гном выглядел удивленным, когда решающий момент наконец настал. После убийства Кипа куда только подевалась его самоуверенность — теперь Пип все делал словно через силу.

Пип попытался вернуть свой боевой настрой, помахав немного стволом автомата и зловеще улыбаясь в камеру, но такими дешевыми трюками сложно создать образ героического убийцы крохотной пикси.

— Я вас предупреждал, — проговорил Пип в камеру. — Вина за это ляжет на ваш народ, не на меня.

Командор Келп на Полис-плаза включил свой микрофон.

— Я найду тебя, — грозно пообещал он. — Даже если на это потребуется тысяча лет, я найду тебя и брошу за решетку до самого конца твоей поганой жизни.

Эти слова, казалось, слегка развеселили Пипа.

— Ты? Найдешь меня? Прости, коп, но это мне до лампочки, и я знаю кое-кого, кто пугает меня намного больше, чем ты.

И без дальнейших разговоров он выстрелил в Опал. Один выстрел, в голову.

Пикси свалилась вперед, словно ее сзади двинули лопатой. Ударившая пуля прижала ее к земле, однако крови почти не было, только тоненькая струйка из уха — так, как если бы молодая Опал просто свалилась с велосипеда, катаясь на школьном дворе.

На Полис-плаза в обычно шумном Оперативном центре наступила гробовая тишина — все ожидали, какими окажутся последствия только что совершившегося у них на глазах убийства. Какая из квантовых теорий окажется правильной?

Может быть, вообще ничего не произойдет, и ограничится только смертью пикси.

— ОК, — сказал Трабл Келп после долгого напряженного молчания. — Продолжаем ра-

ботать. Как скоро народу можно будет выбираться из берлог?

Фоули лихорадочно просчитывал что-то на компьютере, как вдруг его экран раскололся на кусочки, и из него в комнату заструился зеленоватый газ.

— Ухватитесь за что-нибудь, — посоветовал кентавр. — Начинается.

Атлантида

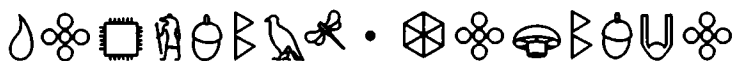
Опал Кобой показалось, что она умерла, и это было странное ощущение, тревожное.

«Вот на что это похоже, — подумала она. — Но ничего, я уверена, что справлюсь».

Ноющая боль вскоре сменилась бурным восторгом, когда Опал представила, кем она становится.

«Наконец я трансформируюсь. Вылезаю из своего кокона самым могущественным существом на всей планете. Теперь никто не сможет встать у меня на пути».

Все это звучало весьма мелодраматично, но Опал решила, что, учитывая все обстоятельства, ее будущие биографы смогут описать этот момент именно так, как нужно.

Пикси не допускала мысли о том, что ее теория парадокса времени может просто оказаться ложной, и она застрянет в ядерном реакторе, убив перед этим свою единственную союзницу.

«Я чувствую пощипывание, — подумала она. — Начинается».

Пощипывание перешло в неприятное жжение у основания черепа, которое быстро распространилось и охватило всю голову Опал раскаленными клещами. Теперь Опал уже не могла тешить себя мыслями о победе, все ее тело превратилось в клубок страха и боли.

«Я совершила ошибку, — в отчаянии думала она. — Кроме этой боли, я ничего не получаю».

Опал завозилаь внутри антирадиационного скафандра, сражаясь с мягким сопротивлением пены, колеблемой ее движениями. Боль разливалась по нервной системе, превращаясь из просто непереносимой в не поддающуюся воображению. Последние нити сознания Опал лопались одна за другой, как швартовы судна под натиском урагана.

Опал почувствовала, что к ней возвращается магическая сила, подавляющая оставшуюся в нервных окончаниях боль. Безумная и мстительная пикси сражалась за то, чтобы

удержать свою энергию и не быть окончательно разрушенной своей собственной силой. Опал чувствовала, как в атомах ее тела сходят с орбит электроны и спонтанно расщепляются ядра. Ее тело превратилось в сгусток чистой золотистой энергии, переливающейся внутри скафандра Опал и прожигающей каналы в расступавшейся пене, рикошетирующей от стен нейтронной камеры и возвращающейся в помутненное сознание пикси.

«Вот, — думала она. — Вот, начинается мое возрождение, и я творю себя по собственному образу и подобию. Я — своя собственная богиня».

И одним только усилием мысли Опал собрала себя заново. Ее внешность осталась прежней, поскольку пикси не сомневалась в том, что она и так прекрасна. Но сознание Опал раскрылось и расширилось, позволяя новым силам создавать магические мосты между ее нервными клетками.

Она сфокусировалась на древних мантрах черной магии так, чтобы новая магическая сила помогла ей поднять воинов из их вечного покоя. Такая сила была слишком велика для одного тела, и Опал понимала, что должна будет избавиться от него, как только закончит свой

побег, иначе атомы ее тела оторвутся и разлетятся в стороны, словно светлячки на ветру.

«Как сложно воссоздавать ногти, — подумала она. — Придется пожертвовать ногтями на руках и ногах».

Волнообразный эффект, возникший после убийства молодой Опал на краю поля, оказался мощнее, чем мог себе вообразить Артемис, хотя в самом деле глагол «вообразить» здесь можно считать неуместным, поскольку Артемис Фаул вообще не имел привычки воображать что-либо. Даже в детстве он никогда не воображал себя скачущим на спине огнедышащего дракона. Артемис всегда предпочитал мысленно представить себе достижимую конкретную цель, а затем неуклонно стремиться к ней.

Его мать, Анджелина, заглянула как-то через плечо восьмилетнего Артемиса и увидела, как он рисует в своей тетрадке.

— Ах, милый, это чудесно! — воскликнула она, очень обрадованная тем, что ее сын наконец-то проявляет интерес к художественному творчеству, хотя нарисованная им картинка и выглядела немного жутковато. — Ты нарисовал гигантского робота, который разрушает город?

шоколадные батончики, а затем начали излучать ослепительный золотистый свет, который сжег все местные кабельные системы, после чего последовал взрыв силой в несколько мегатонн. Реакция деления ядер не началась, но масштаб разрушений был огромен. Склады просто-напросто испарились, и, словно спички, сломались несколько опорных колонн, поддерживавших подземный город.

Хэвен-сити сложился внутри, и миллионы тонн земной коры рухнули на эльфийскую столицу, ломая защитные барьеры и увеличивая атмосферное давление почти на тысячу процентов. Все, что оказалось под падающими камнями, было мгновенно сплющено в лепешку. Погибли восемьдесят семь жителей, а все имущество и постройки были уничтожены полностью.

Основание Полис-плаза просело, и в образовавшуюся яму рухнули три нижних этажа управления полиции. К счастью, верхние этажи зацепились за вершину ямы крыши, которая удержала их — это спасло многих остававшихся на своих постах офицеров.

Шестьдесят три процента эльфийских автомобилей имели в двигателях произведенные на предприятиях Кобой клапаны, которые

взорвались практически одновременно. Этот взрыв был записан видеокамерой на крытой стоянке — камера каким-то чудом уцелела, и впоследствии этот клип несколько лет оставался самым популярным в Подземном Интернете.

Нелегальные лаборатории Кобой много лет продавали устаревшие эльфийские технологии человеческим компаниям — они считались у людей самыми передовыми. Ее маленькие чипы, например, можно было найти почти в любом компьютерном устройстве, выпущенном за последние несколько лет. Их устанавливали в ноутбуках, мобильных телефонах, телевизорах и даже тостерах — теперь все эти устройства взрывались как поставленная на огонь закрытая банка с пивом. В один миг перестало существовать восемьдесят процентов электронных коммуникаций планеты Земля. В мгновение ока человечество было отброшено назад, в век бумажных документов и книг.

Системы жизнеобеспечения выбрасывали шлейф энергии и умирали. Были утеряны драгоценные манускрипты. Банки лопнули, поскольку вся финансовая отчетность за последние пятьдесят лет была уничтожена. Сошли с орбит и сгорели многие спутники, другие,

например, космическая станция «Граум II», улетели в открытое пространство, третьи вообще исчезли.

Люди выбегали на улицы, крича в свои омертвевшие мобильные телефоны, словно пытаясь криком оживить их. По всем континентам прокатилась волна грабежей, подобная компьютерным вирусам — а сами компьютерные вирусы умерли вместе со своими носителями. Кредитные карточки превратились просто в кусочки ярко раскрашенного пластика. Парламенты беспрерывно заседали, а люди обвиняли свои правительства в серии невиданных катастроф.

На поверхности Земли появились трещины, из которых вылетал огонь и облака серы. Они били из лопнувших труб, однако люди кричали о том, что наступил Армагеддон. Хаос царил в мире, а сёрвайвелисты — участники движения за выживание — лихорадочно снимали кожаные чехлы со своих арбалетов.

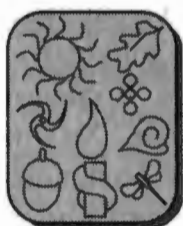
Первая стадия плана Опал была завершена.

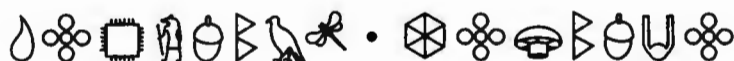
ГЛАВА 4

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ИНЖЕНЕРА ОЗКОПИ

К счастью для капитана Холли Шорт и пассажиров «Серебряного Купидона», Фоули был настолько подозрительным ко всему, имевшему отношение к Опал, и настолько тщеславен, когда дело касалось его собственных изобретений, что настоял на том, чтобы при переделке шаттла использовались только придуманные им самим устройства, и тщательно избегал любых компонентов, изготовленных на предприятиях Кобой или дочерними их компаниями. Но даже несмотря на эту паранойю, Фоули все же пропустил наполнитель в амортизаторе бампера, который содержал адгезив «Киллер Филлер», разработанный в лабораториях Кобой. По счастью, когда этот адгезив зашипел

и взорвался, его реактивная струя просто вылетела в отверстия бампера по пути наименьшего сопротивления, рассыпав искры, напоминавшие рой разъяренных пчел. Ни одна из операционных систем при этом не пострадала, только осталось непрозрачное пятно грунтовки на спойлере, но любой из сидевших в шаттле охотно подтвердил бы, что это гораздо лучше, чем быть мертвым.

В восходящих воздушных потоках шаттл поднимался вверх, словно семечко одуванчика внутри Большого Каньона — если допустить, конечно, что в засушливом районе Большого Каньона могут расти одуванчики. Холли старалась держать шаттл по центру большого кратера, поскольку в отсутствии отсветов магмы имелся шанс удариться о стену. Сидевший сзади Артемис окликнул ее, но Холли не расслышала его из-за рева ветра.

— Наушники, — показала она, постукивая по приспособлению на своем шлеме. — Надень наушники.

Артемис потянул висевшую под потолком пару громоздких наушников и приладил их к ушам.

— Есть сообщения о предварительной оценке разрушений от Фоули? — спросил он.

— Ничего. — Холли на всякий случай еще раз взглянула на дисплей бортового компьютера. — Совершенно ничего. Даже помех от статических зарядов.

— Хорошо, вот ситуация, какой я ее вижу. Поскольку наши коммуникации отказали, я полагаю, что убийство молодой Опал повергло всю планету в хаос. Должно быть, такой неразберихи мир не знал со времен последней мировой войны. Наша Опал, без сомнения, намерена восстать из пепла этого мирового пожара наподобие некой пикси-феникса. Как она собирается сделать это, я не знаю, но это как-то связано с моим домом, поместьем Фаул, поэтому нам нужно направляться именно туда. Сколько это займет времени, Холли?

Она взглянула на датчики визора.

— При обычных условиях пятнадцать минут, но сейчас, пожалуй, займет пару часов.

«Два часа, — подумал Артемис. — Сто двадцать минут на то, чтобы выработать приемлемый способ, как нам втроем расстроить планы Опал».

Батлер включил свой микрофон.

— Артемис. Я знаю, тебе в голову пришло то же, что и мне.

— Я предсказывал, дружище, — сказал Артемис, — что ты попал в точку, говоря о том, что мы несемся сломя голову туда, где Опал сильнее всего.

— Точно, Артемис, — подтвердил телохранитель. — Или, как мы говорили в Дельте: суемся с завязанными глазами в смертельный капкан.

Лицо Артемиса помрачнело. В смертельный капкан?

Холли пронзила Батлера испепеляющим взглядом. «Любезно сказано, великан. В этом капкане живет семья Артемиса».

Она размяла пальцы, а затем прочно взялась за рукоятки управления.

— Может быть, мне удастся выиграть минут двадцать, — произнесла она, включая датчики шаттла на поиск самых сильных воздушных потоков, которые помогут им добраться до поверхности раньше, чем сумасшедшая Опал Кобой переделает мир на свой лад.

Атлантида

Опал потратила несколько мгновений, чтобы поздравить себя с тем, что ее теория вновь оказалась верной, а затем замерла, чтобы посмотреть, сможет ли она уловить просачивающиеся сверху волны паники.

«Кто-то что-то чувствует, — заключила Опал. — И это отчетливая волна страха с примесью отчаяния».

Было, конечно, приятно просто полежать вот так немного, накапливая силу, но она не могла надолго задерживаться, ведь ей предстояло столько сделать!

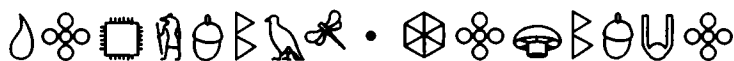
«За работу, за работу, — подумала Опал, поворачиваясь лицом к горловине туннеля. — Пора уходить».

Легким усилием мысли она создала вокруг своей головы ореол интенсивного света и жара, прожигая с его помощью путь в окружавшей ее антирадиационной пене, и левитировала к крышке трубы, сквозь которую прошла так же легко, как сквозь пену. Теперь она могла изменять молекулярную структуру любого вещества.

«Сила уже убывает, — заметила она. — Я теряю магическую силу, и мое тело вскоре начнет дезинтегрировать».

Гном стоял в камере возле шипящей крышки люка и казался невозмутимым, несмотря на разворачивающиеся перед ним чудеса.

— Сумасшедший дом, — провозгласил Колин Озкопи, выдвигая вперед свой подбородок. — Настоящий сумасшедший дом. Вначале отключился мой телефон, и поэтому я не

знаю, кто выиграл матч по кранчболу, а теперь в мою камеру залетела эта золотая пикси. Скажите мне, пикси-леди, что происходит? И где ваши ногти?

Опал с удивлением отметила, что ответить на последний вопрос, оказывается, не так-то просто.

— Вырастить ногти трудно, гном. Я решила отказаться от них, чтобы не тратить время.

— Да, наверное, в этом есть смысл, — сказал Озкопи, совершенно не испытывая, по мнению Опал, достаточного благоговения перед нею. — Хотите знать, в чем мои трудности? Стоять здесь, обжигаясь о вашу ауру, вот что трудно. Для этого на мне должен быть жароупорный скафандр.

По правде говоря, Озкопи на самом деле не был таким уж заторможенным.

Он находился в шоке и прекрасно понимал, кто такая Опал и что он, скорее всего, вскоре умрет, и потому пытался валять дурака.

Опал нахмурила свою золотистую бровь, ставшую от этого похожей на волну лавы.

— Тебе, гном, выпала великая честь: последним, что отпечатается на сетчатке твоих глаз, будет мой блистающий образ.

Опал не очень понравилось, как она закончила фразу — опять слишком напыщенно получилось, — но гном все равно сейчас умрет, и никто об этих ее словах не узнает. Озкопи же был не очень счастлив умереть, запечатлев на своей сетчатке блистающий образ Опал.

— Мои бедные сетчатки! — забормотал он. — Их дал мне мой отец... нет, не то чтобы он прямо-таки вынул их из своей головы, но передал... ну, вы понимаете, — теперь Озкопи решил разбавить свою запутанную речь капелькой развязности. — Кстати, раз уж мы начали оскорблять друг друга, то замечу: во-первых, мне казалось, что вы выше. А во-вторых, у вас бедра обвислые.

Опал гневно ошетибилась — внешне это выразилось в том, что ее радиоактивная корона увеличилась до трех метров в радиусе, разлагая на атомы все, что оказалось внутри ее сферы, включая Колина Озкопи. Но хотя сам гном и исчез, его последние слова занозой засели в памяти Опал и сохранятся там до самого конца ее жизни. Если у Опал и был один недостаток, который она готова была признать, так это привычка поспешно уничтожать тех, кто мешал ей — вот и этот гном умер слишком легко и сорвался с крючка —

отомстить ему по-настоящему она не сможет уже никогда.

«Все он солгал, этот гнусный гном, — успокаивала она саму себя, мчась с огромной скоростью к поверхности. — Мои бедра безупречны, и вовсе они не обвислые».

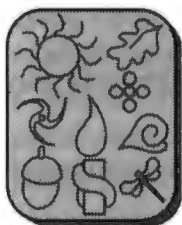
Внешне появление Опал выглядело ослепительно и божественно, оно походило на взрыв сверхновой звезды, вырвавшейся из глубин на поверхность океана. Яростный жар черной магии Опал пронзил с одинаковой небрежной легкостью и стены Атлантиды, и толщ океанской воды, изменяя атомную структуру любого вещества, оказавшегося на пути пикси.

Она устремила ореол своей черной магии вперед и вверх, в направлении поместья Фаул. Ей не требовалось следить за дорогой, Опал летела на зов замка, ключом к которому она была.

ГЛАВА 5

АРМАГЕДДОН

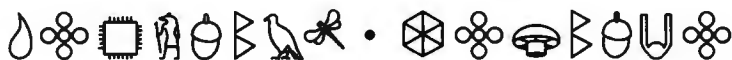
Эриу, вблизи поместья Фаул

Погребенные в виде восходящей спирали вокруг замка берсерки возбуждались все сильнее, поскольку в мире наверху магическая сила вырвалась на свободу.

«Что-то приближается, — понял Оро, капитан берсерков. — Вскоре мы станем свободны, и наши мечи вновь испробуют на вкус человеческую кровь. Мы испедем их сердца и вызовем к жизни древние силы зла. Мы заставим людей трепетать и бежать от нас. Они не смогут убить нас, потому что мы уже мертвы, и нас удерживают только магические нити.

Наше время будет недолгим. Всего одна ночь после столь долгого небытия, но мы успеем покрыть себя славой и кровью перед

тем, как навсегда соединимся в посмертии с богиней Дану».

— Вы чувствуете изменения? — мысленно окликнул Оро своих воинов. — Будьте готовы рвануться вперед, как только распахнутся ворота.

— Мы готовы, — ответили его воины. — Как только свет упадет на нас, начнем захватывать всех — собак, барсуков и людей.

«Я бы предпочел барсуку человека», — невольно подумал Оро.

Он был гордецом, и его гордость стоила ему жизни — десять тысяч лет назад.

Лежавший слева от него Гобдоу откликнулся на это зловещей шуткой.

— Согласен, — мысленно просигналил он. — Но барсук все же лучше крысы.

Если бы у Оро было сердце из плоти и крови, оно затрепетало бы от прилива гордости — в этот раз за своих воинов.

«Мои солдаты готовы к войне. Они будут сражаться до тех пор, пока не рассыплются в прах их тела, и они наконец попадут в объятия света.

Наше время близко».

Форт защищала Джульетта Батлер, и не потому, что присматривала за всем, пока родители Артемиса уехали на экологическую конференцию в Лондон; она защищала его в самом буквальном смысле слова.

Форт, о котором идет речь, был старой сторожевой башней Мартелло, стоявшей на холме, выходившем на Дублинский залив. Стены форта потемнели от времени и местами покрылись странным черным плющом, тянувшим свои усики так, словно пытался утянуть камни, из которых были сложены стены, назад, в землю. Кроме плюща форт регулярно пытались захватить братья Артемиса Фаула: четырехлетний Майлс и его брат-близнец Беккет. Мальчики несколько раз налетали на башню со своими деревянными мечами, но Джульетта отбивала их атаки и отсылала кувыркатся в высокой траве. Беккет, катаясь, заливался смехом, а вот Майлс, как заметила Джульетта, с каждой новой неудачной попыткой осадить башню расстраивался все сильнее.

«Совсем как Артемис, — подумала Джульетта. — Еще один криминальный гений».

Последние десять минут мальчики возились за кустом, наверняка замышляя новую атаку. Джульетта слышала приглушенное хихиканье

и четкие команды, которые отдавал Майлс, очевидно, наставляя Беккета.

Джульетта улыбнулась. Она легко могла представить сценарий будущей битвы. Наверняка Майлс говорит сейчас примерно так:

— Ты нападаешь с одной стороны, Бек, я с другой. Это называется окружение.

На что Беккет может ответить как-нибудь совершенно неожиданно, вроде:

— Я люблю гусениц.

Не ошибаясь, можно было сказать, что каждый из братьев любит другого больше, чем самого себя, но Майлс постоянно испытывал раздражение оттого, что Беккет не мог или не хотел выполнять его простейшие инструкции.

«В любой момент Беккету может надоест это тактическое занятие, — подумала младшая сестра Батлера, — и он уйдет прочь от куста, размахивая своим игрушечным мечом».

Спустя несколько секунд Беккет действительно вынырнул из-за куста, но размахивал он отнюдь не мечом.

Джульетта перекинула ногу через низкий паранет и подозрительно спросила:

— Бек, что это у тебя?

— Трусики, — честно ответил он и помахал ими в воздухе.

Джульетта присмотрелась: действительно, этот треугольный предмет был трусиками. Надетая на Беккете длинная, до колен, и изрядно протертая за последние сорок восемь дней футболка не давала возможности точно сказать, свои трусики держит он в руке или нет, но, пожалуй, что свои, потому что сквозь дырки в футболке просвечивало только голое тело.

Беккет отличался непослушным характером — за несколько месяцев няня-телохранитель Джульетта повидала вещи и покруче трусиков, например, ферму червей, которую Беккет соорудил в нижнем туалете и лично «удобрял».

— ОК, Бек, — крикнула она от башни. — Положи трусики, малыш, я дам тебе чистые.

Беккет решительно приближался.

— Нет. Беккета уже тошнит от глупых трусиков. Это тебе. Подарок.

Лицо мальчика лучилось невинным восторгом, убеждая в том, что Беккет действительно считал лучшим подарком для девушки эти трусики — между прочим, со спрятанной внутри них пригоршней жуков.

— Но сегодня у меня не день рождения, — попыталась отшутиться Джульетта.

Беккет был уже в полуметре от башни и продолжал, покачивая трусиками, словно флагом:

— Я люблю тебя, Джул, возьми подарок.

«Он любит меня, — подумала Джульетта. — Дети всегда находят у взрослых их слабое место».

И все же она предприняла еще одну отчаянную попытку.

— А ты не боишься простудить попку?

У Беккета был ответ и на это:

— Нет. Ей совсем не холодно.

Джульетта нежно улыбнулась. Этому легко поверить. В маленьком тельце Беккета было столько энергии и жара, что ее хватило бы, чтобы вскипятить воду в озере. Обнимать его было все равно, что обнимать горячую батарею.

В такой ситуации избежать соприкосновения с трусиками Джульетта могла только с помощью невинной лжи.

— Старые трусики любят кролики, Бек. Почему бы тебе не зарыть их в подарок Папе Кролику?

— Кроликам не нужны трусики, — зловеще произнес голос у нее за спиной. — Они теплокровные млекопитающие, и их меха им вполне хватает в нашем климате.

Джульетта почувствовала прижатый к своему бедру деревянный меч Майлса и поняла,

что он использовал Беккета как отвлекающий маневр, а сам подкрался сзади.

«А я ничего не услышала, — удивилась Джульетта. — Майлс хорошо научился подкрадываться».

— Отлично, Майлс, — сказала она. — Как ты заставил Беккета выполнять твои инструкции?

Майлс самодовольно усмехнулся, став в этот миг очень похожим на Артемиса.

— Я не заставлял. Просто сообщил, что на-
даю ему как следует.

«И этому мальчику нет еще пяти, — подумала Джульетта. — Посмотрим, что скажет мир, когда ему явится Майлс Фаул».

Уголкем глаза она заметила летящий в нее сзади по воздуху треугольник, похожий на парус, схватила его и только тогда поняла, что она держит в пальцах.

«Потрясающе, — подумала она. — Меня провели два четырехлетки».

— Ладно, парни, — произнесла она вслух. — Пора идти домой, обедать. Что хотите на обед?

— Я хотел бы бутерброд крок-мадам, — сказал Майлс, засовывая свой меч в ножны. — С охлажденным виноградным соком.

— Жуки, — сообщил Беккет, припрыгивая на одной ножке. — Жуки в кетчупе.

Джульетта посадила Майлса к себе на плечо и пошла по тропинке, ведущей вниз от башни.

— Значит, то же, что вчера, джентльмены.

«И не забыть всем вымыть руки», — добавила она про себя.

Когда вдаль начался хаос, мальчики уже зашли по пояс в траву. Беккет не обратил на далекий шум никакого внимания, потому что в голове у него и так постоянно гремели воображаемые взрывы и крики, но Майлс тут же понял, что что-то не так. Он бросился назад, к башне Мартелло, и взобрался наверх по каменным ступеням, демонстрируя ту же ловкость, что и Артемис, — эта ловкость очень восхищала Беккета, более крепко сложенного, чем его братья.

— Армагеддон, — объявил сверху Майлс. — Конец света.

— Не Диснейленд? — испуганно спросил Беккет.

— Нет, — сказала Джульетта, поправляя его выгоревшие на солнце волосы. — Похоже, это не Диснейленд.

Она почувствовала холодок под сердцем. Откуда идет этот шум? Такое ощущение, что они оказались вблизи зоны военных действий.

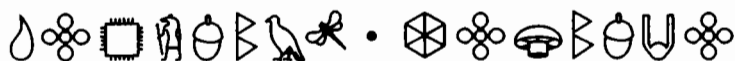
Джюльетта взобралась вслед за Майлсом на вершину башни. Отсюда можно было отчетливо рассмотреть соседний городок вдали. Обычно ветром оттуда, с севера, доносило только редкие гудки автомобилей, пролетавших по окружной дороге. Но сегодня шоссе на Дублин походило на ад. Даже издали было видно, что на всех полосах движение полностью остановилось. Двигатели нескольких машин взорвались, а один пикап отшвырнуло вперед.

Еще дальше, в самом городке, над зданиями вырастали грибы более мощных взрывов, и клубы дыма все гуще затягивали предвечернее небо, тоже ставшее опасным — они видели, как один маленький самолет буквально свалился на поле стадиона, а на крышу отеля рухнул из космоса спутник связи.

Беккет тоже взобрался на башню и взял Джюльетту за руку.

— Это Армагеддон, — тихо сказал он. — Мир рушится.

Джюльетта сильнее прижала мальчиков к себе. Хотя разрушения выглядели слишком большими, чтобы быть направленными специально против семьи Фаулов, список людей, охотно уничтоживших бы все графство Дублин ради

того, чтобы только добраться до Артемиса, был угрожающе большим.

— Не бойтесь, мальчики, — произнесла Джульетта. — Я сумею защитить вас.

Она сунула руку в карман. В ситуации, подобной этой, когда положение становится отчаянным, первое, что она должна сделать — позвонить Артемису.

Джульетта пробежалась по списку сетей на своем телефоне и была сильно удивлена тем, что единственной доступной оставалась ФОКС — система, которую Артемис сам установил для неотложных звонков.

«Представить только, Артемис — единственный подросток в мире, который смог сконструировать и запустить свой собственный спутник», — промелькнуло у нее в голове.

Джульетта уже готова была выбрать имя Артемиса в списке контактов, когда в каких-то трех метрах от нее откуда-то возникла мускулистая рука, держащая эльфийский бластер.

— Попалась, Гадкая девчонка, — сказал голос ниоткуда, и из ствола бластера с треском вырвался синий луч энергии.

Джульетта была достаточно хорошо знакома с эльфийским оружием, чтобы знать, что переживет удар синего луча, но при этом на-

верняка получит ожоги и свернется в клубок от боли.

«Простите, мои мальчики, — успела подумать она. — Я подвела вас».

Затем луч из бластера Пипа ударил Джульетту в грудь и свалил девушку с башни.

Берсерка Оро на секунду охватило сомнение.

«Быть может, предчувствие свободы — это всего лишь мираж?» — подумал он.

Нет. Это был не мираж. Ключ приближался. Оро чувствовал, как волна силы катится к их могиле.

«Приготовьтесь, — мысленно послал он приказ вниз, своим воинам. — Когда ворота откроются, хватайте всех. Все живое должно стать нашей добычей».

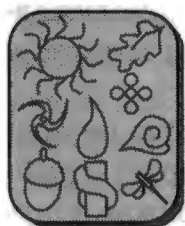
Оро почувствовал, как затряслась земля от восторженного рева его воинов.

А может, просто от их страстного желания мстить.

ГЛАВА 6

ВСТАВАЙТЕ, МОИ КРАСАВЦЫ

Порт шаттлов Тара, Ирландия

Когда капитан Холли Шорт попыталась припарковаться в предназначенном для нее доке, она **обнаружила**, что электромагнитные захваты Тары не работают, и потому ей пришлось импровизированно совершить вынужденную посадку во входных воротах туннеля. Возможно, диспетчер Тары и написал докладную о непредвиденной ситуации в порту, но это сообщение не было доставлено в общей суматохе.

При подлете приборы Холли уверяли ее, что все отлично, но, как только она повернула «Серебряного Купидона» к доку с захватами, диспетчерский компьютер Тары издал звук, похожий на шлепок быстро летящего куска сырого мяса о стену, а затем замолк, не оста-

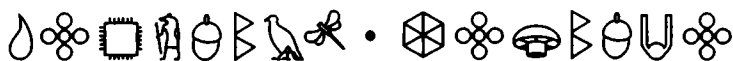
вив Холли иного выбора, кроме как вернуться во входной туннель порта, молясь о том, чтобы там не оказалось нештатного персонала.

От удара металл смялся, полетели осколки триплекса, а опто-волоконные кабели натянулись подобно мягкой жвачке и лопнули. Усиленная обшивка «Серебряного Купидона» выдержала это испытание, но гордость машины — фигурный колпак — улетел (действительно, как купидон) и был найден лишь три месяца спустя внутри автомата для продажи прохладительных напитков, и при этом проржавевшим до неузнаваемости.

Холли выпустила тормоза, полетели искры и осколки, оставляя отметины на лобовом стекле. Гидравлические амортизаторы пилотского кресла поглотили большую часть ударной энергии, но Артемис и Батлер сзади крутились, словно горошины в погремушке.

— Все живы? — спросила Холли через плечо, и стоны на разные голоса дали знать, что ее пассажиры живы, хотя, может быть, и не совсем невредимы.

Артемис выкарабкался из-под защитной сбруи Батлера и взглянул на показания датчиков шаттла. Из рассеченной брови Артемиса капала кровь, но он, казалось, не замечал этого.

— Нужно найти выход, Холли.

Холли едва удержалась, чтобы не хихикнуть. Вывести «Купидона» отсюда означало добровольно разрушить все сооружение. Она не просто наплюет при этом на Устав Подземной полиции, она раздерет его страницы на клочки, смешает их с испражнениями тролля, разведет костер и испечет на нем оладьи.

— Дерьмовые оладьи, — пробормотала она. Совершенная бессмыслица, если вам неизвестен ход ее мысли.

— Можешь испечь на Уставе дерьмовые оладьи, — сказал Артемис, сумевший четко проследить мысли Холли, — но мы должны любой ценой остановить Опал.

Холли заколебалась.

Артемис воспользовался ее замешательством.

— Холли, это чрезвычайные обстоятельства, — веско проговорил он. — Ты помнишь выражение Батлера? «Смертельный капкан». В нем в эту минуту находятся мои братья. В смертельном капкане. И ты знаешь, что Джульетта пожертвует всем, чтобы спасти их.

Батлер наклонился вперед, ухватившись за ременную петлю, которую почти уже вырвал с корнем.

— Размышляя по-боевому, — произнес он, инстинктивно поняв, каким образом можно подтолкнуть к действиям капитана эльфийской полиции, — нужно исходить из того, что лишь мы являемся силой, стоящей между Опал и ее планами, которые она отшлифовала, сидя в одиночной камере тюрьмы. Помните: она была готова пожертвовать собой. Она все продумала. Мы должны идти. Ну же, солдат!

Батлер был прав, и Холли знала это.

— ОК, — сказала она, вводя параметры в дорожный компьютер «Купидона». — Если вы уж так просите.

Вдоль туннеля летел эльф в светящемся жилете и торопился так, что задевал своими крыльями о его закругленные стены. Как известно, на кончиках крыльев эльфов имеются чувствительные биосонары — в случае повреждения их приходится лечить очень долго, не один год. Так что такой безрассудный полет свидетельствовал о том, что эльф находится в крайне угнетенном состоянии.

— Это Нандер Фалл, — простонала Холли. — «Мистер Инструкция».

Фалл был помешан на том, чтобы не дать людям оказать пагубное воздействие на Хэвен или украсть что-нибудь оттуда, поэтому он

требовал полного досмотра при каждой посадке «Купидона».

— Двигаем, — поторопил Батлер. — У нас нет времени на формальности.

Нандер Фалл крикнул им в мегафон:

— Остановитесь, капитан Шорт. Что вы делаете? Я знаю, что у вас есть пропуск, но сейчас непредвиденная ситуация.

— Нет времени, — сказал Артемис. — Нет времени.

Фалл повис в метре от лобового стекла.

— Я смотрю вам в глаза, Шорт, и вижу в них смятение. Мы здесь заперты. Защитное поле разрушено, вы понимаете это? Остается ждать, пока какой-нибудь землянин с лопатой не откопает весь порт. Все брошены на подкрепление. Выключайте двигатель, Шорт, это приказ.

Глаза Нандера Фалла выкатились из глазниц словно гусиные яйца, крылышки его прерывисто шевелились. Эльф находился на грани срыва.

— Если мы попросим разрешения, он нас пропустит? — спросил Артемис.

Холли сомневалась в этом. Позади Фалла виднелся выходной туннель, и там в отсветах аварийных огней нервно суетились пассажи-

ры. Ситуация была достаточно сложной, чтобы сдерживать ее, не допуская паники.

Раздался сигнал бортового компьютера, который вывел на дисплей оптимальный маршрут движения, и этот звук подстегнул Холли.

— Сожалею, — твердо сказала она Нандеру Фаллу. — Но нам пора.

Крылья Фалла нервно затрепетали.

— Нечего мне «сожалеть»! И никуда вам не пора.

Но Холли действительно сожалела, и ей действительно было пора. И она двинулась.

Впереди над их головами тянулся застекленный желоб, вдоль которого по роликовому конвейеру проплывал багаж, а на встроенном в стекло дисплее высвечивалось имя владельца багажа. Сейчас конвейер стоял, а чемоданы и сумки валялись на нем в беспорядке, словно брошенные на берегу лодки.

Холли нажала на рукоять управления, направляя «Купидона» в этот желоб — компьютер уверял, что его ширины будет достаточно для их машины. Однако с каждой стороны до дуг с колесиками оставался зазор не более двух сантиметров.

Потрясенный Нандер Фалл бросился за ними в погоню. Он скакал вдоль желоба — остатки

прически болтались позади его головы словно ветроуказатель на аэродроме — и кричал в свой маленький мегафон.

Холли театрально пожала плечами.

— Не слышу вас, — заявила она. — Простите.

И она оставила на чем свет стоит ругавшегося эльфа позади, в туннеле, который плавно закруглялся по направлению к залу прибытия.

Холли вела «Купидона» по изгибам туннеля в свете фар, освещавших стены, окруженные километрами вышедших из строя электрических сетей. В распределительных коробках, где дымились оплавившиеся конденсаторы и предохранители, возились неясные тени.

— Гномы, — сказала Холли. — Они лучшие электрики. Могут работать при полной темноте и в любом, даже самом тесном пространстве. К тому же они съедают вышедшие из строя компоненты.

— Ты серьезно? — удивился Батлер.

— Абсолютно. Мулч убеждал меня, что медь хорошо дезинфицирует желудок.

Артемис в этом разговоре участия не принимал. Он был погружен в размышления, рисуя перед собой всевозможные сценарии дальнейшего развития событий, которые могут поджидать их, когда они достигнут поместья

Фаул, и прикидывал, как им выйти победителями из любой ситуации.

В этом смысле метод Артемиса напоминал манеру американского шахматного гроссмейстера Бобби Фишера, умевшего заранее просчитать будущий ход соперника и найти ответ на него. Правда, в случае с Артемисом противник мог сделать ход, который просто невозможно предусмотреть — обдумывание таких неопределенных сценариев он решил отложить напоследок.

Итак, он размышлял, все глубже понимая, что по большому счету все его прикидки бесполезны, поскольку ему не известны многие константы этого уравнения, не говоря уже о возможных вариантах.

Сквозь логические размышления все чаще на поверхность прорывалась мрачная клятва:

«Если те, кого я люблю, пострадали, Опал Кобой должна заплатить за это».

Артемис пытался отгонять эту ненужную сейчас мысль, но жажда мести не желала отступать от него.

«Купидоном» Холли управляла в общей сложности несколько сотен часов — маловато для того, что она собиралась предпринять. Впрочем, для этого не хватило бы и целой жизни, проведенной в кресле пилота.

«Купидон» неся по туннелю, визжа шинами по желобкам триплекса — дополнительное ускорение придавала ему маленькая ракета, замаскированная под выхлопную трубу. По пути «Купидон» крушил сумки и чемоданы или разбрасывал их в стороны — они сваливались с желоба, как лепешки раствора с мастерка каменщика, и плюхались вниз, рассыпая в воздухе одежду, косметику и провозившиеся землянами контрабандой памятные вещицы. Таможенники конфисковывали большую часть таких артефактов, но не все — например, так никто никогда и не выяснил, каким образом был вывезен в чемодане большой картон Гандальфа.

Холли вела «Купидона» вперед, прищулив глаза и стиснув зубы. Багажный желоб нес их теперь через материковый грунт. Они поднимались по спирали вверх, сквозь археологические слои — страты, мимо костей динозавров и кельтских могил, через поселения викингов и норманнские стены, пока не оказались в большом зале прибытия с Небесным окном — прозрачной крышей, открывавшейся непосредственно на поверхность. Зал напоминал логово злодея из фильма о Джеймсе Бонде с паутиной строительных металлических балок и подводящими шаттлы рельсами.

Обычно Небесное окно было закамуфлировано с помощью проекторов и защитных полей, но сейчас они не действовали, поскольку взорвались все детали, произведенные на предприятиях Кобой. Близился полдень, и за стеклом по ирландскому небу плыли дождевые облака. Сверху, с поверхности Земли, был виден весь зал прибытия, при желании можно было даже сфотографировать его со всеми деталями — тележками и подъемниками, замершими с дымящимися рваными отверстиями в корпусах, словно сраженные пулями снайпера. Только некому было сейчас любопытствовать.

Холли запросила компьютер, есть ли другой способ выбраться наружу кроме того, который она предполагала. Бортовой аватар бесстрастно доложил ей, что такой способ действительно есть, но выход наружу находится в трех сотнях километров отсюда.

— Д'арвит, — пробормотала Холли, решив, что больше ей не следует беспокоиться ни о нарушении инструкций, ни о порче имущества. Нужно смотреть шире, а тех, кто плачет и сдается, не любит никто.

«Плакс никто не любит», — так всегда говорил ей отец.

Он каждую свободную минуту посвящал своему любимому саду, поливая водоросли, расту-

щие под лампами искусственного света. Холли словно услышала, как он говорит ей:

«Это твоя часть дела, Маковка. Мы с твоей мамой работаем сверхурочно, чтобы поддержать нашу семью, — здесь он обязательно сделает паузу и потрет свой подбородок. — Берсерки давным-давно принесли решающую жертву Народу. Никто не просит тебя заходить слишком далеко, но то, что нужно, ты должна делать, причем с улыбкой на лице. — Теперь он выпрямится и скажет «сержантским» тоном: — Вперед, Солдат Маковка. Плакс не любит никто».

Холли заметила свое отражение в лобовом стекле. Ее глаза затуманились грустью. В их семье всех дочерей называли Маковками. Никто не помнил уже почему.

— Холли, — окликнул Артемис. — Охрана приближается.

Холли виновато моргнула и осмотрелась по сторонам. Несколько охранников приближались к «Купидону», пытаясь запугать ее своими бесполезными нейтринными ружьями и держась под прикрытием дымящегося корпуса перевернутого шаттла.

Один из охранников пару раз выстрелил — пули отлетели от переднего крыла «Купидона».

«Кустарное оружие, — догадалась Холли. — Сам, наверное, сделал».

Эти выстрелы не нанесли «Купидону» никакого вреда, но если бы охранник взял на себя труд вспомнить о патронташе, он мог бы пальнуть и бронебойным.

Словно прочитав ее мысли, охранник потянулся к поясу с амуницией.

«Вот в чем разница между мной и тобой, — подумала Холли. — Я быстрее соображаю».

Она дала полный газ и направила «Купидона» вверх, прямо в Небесное окно, предоставив охранникам целиться в шаттл из бесполезных ружей. Кто-то из охранников даже крикнул: «Бам-бам!», хотя эльфийское оружие уже сотни лет было беззвучным.

«Небесное окно сделано из броневоего стекла, — думала Холли. — Или мы его разобьем, или оно разобьет «Купидон». А может, разобьются оба».

Знай Холли о Небесном окне чуть больше, она, наверное, не рискнула бы пойти на эту, оказавшуюся в конечном итоге удачной, авантюру. Дело в том, что Небесное окно могло выдержать прямое попадание ядерной боеголовки средней мощности — об этом громкоговорители терминалов с гордостью объявляли

по сто раз на дню. Даже странно, что Холли умудрилась не услышать этого.

Но к счастью для капитана Шорт, пассажиров «Купидона» и, строго говоря, всего мира, Фоули в свое время продумал ситуацию, при которой эльфийский корабль по какой-то причине на скорости врежется в окно, которое работает по универсальному принципу отражения какашки: когда в тебя летит какашка, подставь ладонь так, чтобы она отлетела в того, кто ее бросил.

Но нужно было сделать так, чтобы в аварийной ситуации Небесное окно не отшвырнуло шаттл, как какашку, а открылось. В качестве сенсоров, реагирующих на приближение шаттла, Фоули выбрал маленькие организмы с собственной биобатареей — сердцем, которые он вырастил из стволовых клеток подходящих для этого эльфийских крыльев.

Установка таких аварийных сенсоров была делом сомнительным, если не сказать незаконным, поэтому Фоули не стал составлять кипу чертежей, а просто объяснил, как нужно установить сенсоры. Кучки этих маленьких жучков были размещены вдоль краев панели небесного окна, и если их антенны улавливали приближение сбившегося с пути челнока,

жучки выбрасывали на стекло облачко кислоты и быстро разъедали панель. Потребляемая при этом жучками энергия была настолько большой, что, уничтожив панель, жучки сворачивались и погибали. Это выглядело впечатляюще, но, по сути, это был одноразовый трюк.

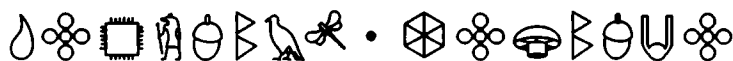
Итак, уловив приближение «Купидона», жучки ринулись в бой, словно кавалеристы, и меньше чем за четыре секунды съели оконную панель. Когда их работа была закончена, они съежились и бусинками осыпались на капот шаттла.

— Однако это оказалось легко, — сказала в микрофон Холли, когда «Купидон» вылетел сквозь окно в прогрызенное жучками отверстие, имевшее точные размеры и форму челнока. — Вот тебе и знаменитое Небесное окно великого Фоули.

Невежество принято считать пагубным, однако иногда оно бывает и полезно.

Холли включила защитное поле «Купидона», хотя все человеческие спутники слежения были к этому времени выведены из строя, и взяла курс на поместье Фаул.

«Через пять минут мы будем там, где Опал желает нас увидеть».

Эту неприятную мысль она не стала произносить вслух, но, взглянув в зеркальце бокового вида на выражение лица Батлера, Холли поняла, что он думает о том же.

— Я знаю, — произнес он, поймав ее взгляд. — Но разве у нас есть выбор?

Воздушное пространство над Ирландией

Опал стремилась к замку, готовясь бросить на выполнение задачи всю свою гигантскую магическую силу. Она была ключом, который неразрывно связан с замком. Их соединение было неизбежным, как ход самого времени. Опал чувствовала, что кожа на ее лице вытягивается по направлению к замку, и руки тоже тянутся вперед так, что трещат суставы.

«Эльфийский колдун действительно был могущественным, — думала она. — Его заклинание действует, хотя столько времени уже прошло».

Она летела по правильной дуге над поверхностью Атлантики, по полуденному небу, к Ирландии. Затем спикировала, словно шаровая молния, в направлении поместья Фаул, ни секунды не медля и не задумываясь о том, что ее ждет, полностью веря в истинность своей теории.

«Я подниму мертвых, — как часто она ле-
ляла эту мысль в своей тюремной камере. —
Таким даже Фоули не может похвастать».

Опал свалилась на поместье Фаул, словно
комета на Землю, прямо на истертую време-
нем, увитую странным плющом башню Мар-
телло.

Подобно вынюхивающей кость собаке, ос-
лепительная корона ее магической силы раз-
рушила башню и, прокладывая себе дорогу,
спиралью ввинтилась на шесть метров в зем-
лю, где под толстым слоем отложений обна-
ружилась другая, более древняя, башня. Маги-
ческая энергия отыскала замок на ее крыше и
повисла над ним, как сияющее нестерпимым
блеском облако.

Опал опустила голову, внимательно следя
за тем, что происходит. Ее пальцы вытяну-
лись и согнулись, с губ полетели снопы искр.
Она увидела, как сдвигается верхний слой с
того, что на первый взгляд казалось обычным
булыжником, и на грубой поверхности камня
обнажаются высеченные на нем сложные, пе-
реплетающиеся руны. Магическая эктоплазма
вливалась в вырезанные руны, электризовала
их, разливалась по каменным желобкам огнен-
ными ручейками.

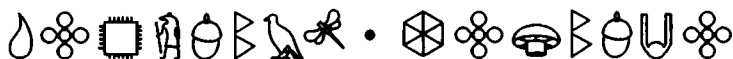
Эриу, возле поместья Фаул

Берсерки вылетали на воздух из отверстия в земле, как пушечные ядра. Посмертная удавка лопнула, и воины вырвались на свободу, чтобы завершить свою миссию. Они знали, что следующая смерть будет для них последней, и она откроет перед ними врата в Нимх. Так было обещано; они жаждали этого. Хотя тело боится смерти, душа создана для неба и не успокоится, пока не достигнет его. Эльфийский колдун кое-чего не знал, создавая замок и ключ. Он не знал, что такое пролежать в земле десять тысяч лет, не видя света. А тот, кто слишком долго не видит света, начинает терять свою душу.

Но теперь все обещания, что нашептал колдун в их умирающие уши, засыпая их лежащие в яме тела комьями тяжелой липкой глины, были готовы исполниться. Теперь пришла пора сражаться, и следующая смерть откроет перед ними врата в рай. И берсерки смогут наконец уйти домой.

Но вначале прольется человеческая кровь.

Почва шаталась и вспучивалась, когда эктоплазма сотни эльфийских воинов прорывалась сквозь нее. Берсерки стремились наверх, к свету. Их как магнитом притягивало к лежавшему

на замке ключу — Опал — и они проходили один за другим сквозь ее магический ореол.

Оро был первым.

«Это пикси, — с удивлением отметил он. С удивлением потому, что, как известно, пикси обычно не обладают магическими способностями. — И к тому же женщина! Но, что ни говори, магическая сила у нее громадная».

Когда воины один за другим проходили сквозь Опал, она чувствовала их боль и отчаяние и впитывала боевой опыт каждого из них. Это потребуется, когда одним своим приказом она пошлет их в решающую битву.

«Повинуйся мне. Теперь ты мой воин».

Так Оро и его шайка берсерков вступили в «геаса», или магическую связь с Опал, теперь они были готовы выполнить любой ее приказ. Сейчас они стояли, оглядываясь, ища любое живое существо внутри магического круга, чтобы перенести в него свое «я».

Как вожак Оро имел право первым выбрать для себя новый облик. Тысячи часов он обдумывал, лежа под землей, какое существо наилучшим образом подойдет для воплощения его талантов. Идеальным мог показаться эльф, но это существо было слишком слабым и мелким

для доброй схватки на мечах, да и как-то стыдно взять одного эльфа и заменить его другим.

В конце концов Оро остановился на тролле.

«Представь себе тролля с мозгами эльфа. Вот это был бы воин!»

Но здесь не было троллей, единственными волшебными существами поблизости были хилые гномы с защитными рунами на груди. Ну, уж нет.

Рядом были еще люди, три ненавистных существа. Двое мальчиков и одна женщина. Женщину он оставит для Беллико, одной из всего лишь двух эльфиек в их рядах. Остаются мальчишки.

Душа Оро кружила над ними. Два любопытных маленьких мальчика, которых, казалось, вовсе не пугало происходящее. Их мир во имя Дану разрушен вихрем магии. Станут ли они дрожать от страха, хлюпать носом и умолять о пощаде, которой не будет?

Однако их поведение удивляет. Темноволосый мальчишка поспешно подбежал к упавшей девушке и вполне уверенно проверяет ее пульс. Второй, блондинчик, вырвал пучок тростинки и, демонстрируя недюжинную для своего роста силу, нападает на глуповатого гнома, оттесняя его к канаве.

«А это интересный парень, — подумал Оро. — Совсем юный и маленький, но его тельце налито силой. Пожалуй, возьму его».

Все оказалось очень просто. Оро стоило подумать, и его желание исполнилось. На одну секунду он навис над Беккетом Фаулом, а в следующую уже стал им, все еще продолжая гнать гнома пучком тростинок.

Оро громко рассмеялся, ощутив капельки пота в складках своих пальцев, гладкую поверхность тростинок, запах мальчишеского, переполненного жизненной энергией тела, напоминавший о сене и лете. Он чувствовал, как сердце уверенно и сильно барабанит в его груди.

— Ха! — воскликнул он, продолжая лупцевать гнома, получая от этого огромное удовольствие и думая: «Солнце греет, слава Белену. Я снова живу, но с радостью умру этим днем, глядя на поверженных вокруг меня людей».

Как известно, мысли восставших воинов слегка напыщенны и благородны, но, увы, у них нет чувства юмора.

— Хватит, — сказал он на гномском, с трудом перемалывая слова непривычным к таким звукам человеческим языком. — Нам нужно собраться вместе.

Оро посмотрел на небо, в котором кружили облачка эктоплазмы его воинов, похожие на призрачно-прозрачных обитателей морских глубин.

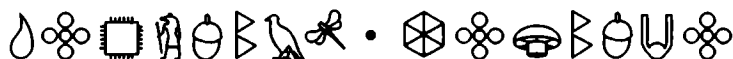
— Как давно мы этого ждали, — произнес он. — Найдите себе тела внутри магического круга.

И воины разлетелись туманными облачками искать в поместье Фаул свои новые тела.

Самыми желанными для них являлись тела людей.

Однако это был неудачный день для охоты на новые человеческие тела в поместье Фаул. В обычный будний день людей здесь находилось довольно много, и прежде всего, это были Артемис Старший и Анжелина Фаул — хозяин и хозяйка поместья.

Но в этот судьбоносный день в поместье было пусто — приближались рождественские каникулы. Родители Артемиса находились в Лондоне, на экологической конференции, и с ними поехали один личный секретарь и две горничных. Остальной персонал рано разошелся по домам — никаких гостей в поместье не предвиделось. Старшие Фаулы планировали подобрать своих отпрысков на перроне в

дублинском аэропорту — как только Артемис Младший закончит курс лечения, — а затем направить нос своего личного реактивного грин-джета в сторону мыса Феррат и встретить Рождество на Кот-д'Азуре.

Итак, сегодня дома не было никого, кроме Джульетты и ее подопечных. Отсутствие свободных тел удручало кружащие души тех, кто так долго ждал этого момента. Пока что выбор ограничивался только животными, включая восемь ворон, двух оленей, барсука, пару охотничьих собак — английских пойнтеров, которых Артемис Старший держал на конюшне, да нескольких хорошо сохранившихся трупов, которых, впрочем, оказалось намного больше, чем вы можете подумать. Конечно, трупы — не идеальные тела-носители, поскольку быстро разлагаются, что мешает наезднику-берсерку быстро мыслить и совершать мелкие точные движения. Кроме того, от них в самый неподходящий момент начинают отваливаться куски.

Первые из трупов сохранились на редкость хорошо для своего возраста — это были мумии китайских воинов. Коллекцию этих мумий Артемис Старший украл, еще когда был гангстером. Позднее он искал способ вернуть их на место, в музей, но никак не мог найти подходящий предлог для этого и потому хра-

нил обернутые тканью мумии в тайнике, в подвале. Китайцы были весьма удивлены, обнаружив — когда их мозги восстановились, а высушенные тела заново пропитались жидкостью — что в них поселились другие воины, старше, чем они сами.

Они начали с того, что разгромили застекленные витрины, чтобы вернуть свои лежащие на полках мечи и пики, стальные наконечники которых были любовно, до блеска отполированы хозяином поместья. Затем дверь подвала разлетелась в щепки, и мумии хлынули через главный холл дома на свет и ненадолго остановились, наслаждаясь прикосновением солнечных лучей к их приподнятым бровям, а затем потянулись на луг. Вождю китайцев приходилось то и дело подгонять своих бойцов — просыпавшиеся чувства заставляли их то и дело останавливаться, чтобы понюхать какой-нибудь цветок или травинку. Они с удовольствием нюхали даже кучи компоста.

Следующими реанимировали трупы нескольких пиратов. В конце восемнадцатого века их завалило в пещере, в которой они собирались припрятать золото, похищенное из пробитого ими корпуса королевского галеона «Октагон», чтобы позднее перегрузить его на свою бригадину. Опасного пирата, капитана Эйсебиуса

Фаула и десятерых его головорезов не раздавило камнями, но замуровало в нише пещеры, в маленьком каменном кармане, где они почти сразу умерли от удушья — воздуха в кармане оставалось меньше, чем нужно воробью, чтобы чирикнуть.

Ожившие пираты затряслись, как наэлектризованные, скинули с себя налипшие водоросли и протиснулись сквозь недавно появившуюся в стене их могилы узкую щель, не обращая при этом внимания на вывернутые суставы и треснувшие ребра.

Наконец, было еще и несколько других трупов, которые были закопаны на территории поместья — последний резерв воинства Опал Кобой.

Души некоторых трупов уже отлетели, но рядом с теми, кто умер насильственной смертью или не завершив своего дела, оставались призраки, сопровождавшие трупы и горько плакавшие над тем, как грубо обращаются с их бывшими телами берсерки.

Опал Кобой опустилась на древний камень, и руны, расползавшиеся прежде, как огненные змеи, вновь застыли, собравшись вокруг сде-

ланной Опал от руки надписи в центре магического ключа.

«Первый замок открыт, — подумала она. Ощущения возвращались к ней, вызывая приступы тошноты. — Теперь только я могу запечатить его».

Гном, известный до этого как Пип, но которого на самом деле звали куда более громоздко — Готтер Даммерунг, приковылял в кратер, забрался по ступеням башни и обернул плечи Опал блестящей шалью.

— Звездный плащ, мисс Опал, — сказал он. — Как заказывали.

Опал потрогала материал и была удовлетворена. Она отметила, что магической силы в ее пальцах было достаточно, чтобы сосчитать все нити ткани.

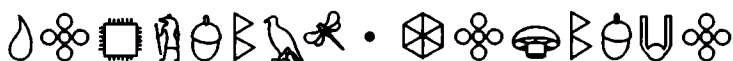
— Хорошая работа, Гантер.

— Меня зовут Готтер, мисс Кобой, — осторожно поправил гном.

Пальцы Опал замерли, а затем сжали шелковистую ткань так сильно, что та задымилась.

— Да, Готтер. Это ты застрелил мое молодое «я»?

— Да, мисс, как было приказано, — выпрямился гном. — Устроил ей достойные похороны, как было написано в шифровке.

Опал подумала, что этот гном будет вечно напоминать ей о том, что она принесла в жертву свое младшее «я» ради власти.

— Это верно, я приказала убить молодую Опал, но перед смертью она была напугана, Готтер. Я чувствовала это.

Готтер был озадачен. Сегодня все шло совсем не так, как представлялось гному. Он рисовал в своем воображении ярко одетых эльфийских воинов с развевающимися лентами на сверкающих костяных пиках у них за спиной, а вместо этого оказался в окружении человеческих детей и диких животных.

— Не нравятся мне эти кролики, — пробормотал он, и это была едва ли не самая глубокая мысль, высказанная им за всю жизнь. — Они странные какие-то. Посмотрите, как у них уши трясутся.

Опал не сочла нужным для себя комментировать подобную чушь, поэтому просто испарила Готтера плазменным лучом, не оставив от преданного глупого гнома ничего, кроме темной обгоревшей лепешки на ступени. Не лучшее, впрочем, применение плазмы, ведь теперь срочно нужно заряжать второй луч, поскольку над ограждающей стеной неожиданно появился эльфийский шаттл. Он был укрыт

защитным полем, но у Опал было достаточно магической силы, чтобы рассмотреть то, что находится в середине этой сияющей сферы. На появление шаттла она отреагировала слишком поспешно, послала в него недостаточно сильный луч, да к тому же и не очень точно — луч отклонился влево и лишь вскользь задел корпус, не разрушив весь корабль. Отразившись от шаттла, луч сбил башенку со стены поместья, рассыпался на огненные шары и унесся в небо.

Хотя «Купидон» был задет лучом лишь вскользь, даже такого контакта хватило, чтобы расплавить ракетный двигатель, вывести из строя оборудование шаттла и заставить его круто спикировать на землю — и не нашлось бы на свете пилота, способного смягчить эту очень жесткую посадку.

«Новые аватары для моих солдат», — подумала Опал, ту же заворачиваясь в звездный плащ и проворно спускаясь по ступеням башни. Она взобралась на стенку кратера и последовала по канавке, прорытой на лугу смертельно раненным шаттлом. Ее воины шли следом, еще не очень уверенно шагая в своих новых телах, пытаясь выговаривать слова непослушными языками.

Опал перевела взгляд вверх и увидела три души, спешащих к дымящемуся кораблю, неуклюже уткнувшемуся в оградительную стену.

— Возьмите их, — сказала Опал берсеркам. — Это мой подарок вам.

Почти все берсерки к этому времени более или менее освоились со своими новыми телами и теперь с огромным наслаждением потягивались, или скребли лапами землю, или жадно вдыхали осенний воздух. Все они были довольны, за исключением трех душ, которые вынуждены были перевоплотиться в уток, в телах которых им было тесно и неудобно — тут-то, как по заказу, в круг прибыли новые тела-носители. И как раз трое.

Два человека и эльфийка. Души трех берсерков-уток воспарили на крыльях — в буквальном смысле.

Холли пережила катастрофу легче остальных, хотя и сидела ближе всех к месту удара. Правда, «легче остальных» было понятием относительным — вряд ли Холли назвала бы свое нынешнее состояние иначе, чем отвратительным.

И назовет не скоро.

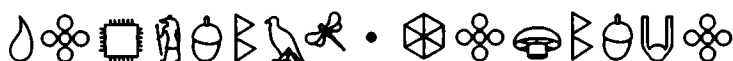

«Итак, у меня пробито легкое и сломана ключица. Плохо, но не смертельно. Надо посмотреть, как там парни».

К счастью для Холли, не погибнуть ей вновь помог отсутствующий друг. Так же, как помогли ей избежать катастрофы в порту установленные Фоули в небесное окно биосенсоры, ее близкий друг, колдун Номер Первый, спас Холли мощным зарядом своей магической силы.

Как он это сделал? Это случилось два дня назад, когда они, как всегда раз в неделю, встретились, чтобы выпить искусственного кофе в Стирбоксе, модном кафе в Джазовом квартале. Номер Первый был возбужден сильнее, чем обычно — быть может, благодаря двум чашкам двойного эспresso, циркулировавшим в его коренастом сером теле. Украшавшие нагрудный панцирь колдуна руны светились от избытка энергии.

— Мне не советуют пить кофе, — признался он. — Кван говорит, что кофе нарушает мое «ци», — маленький демон моргнул, на мгновение прикрыв один свой оранжевый глаз. — Я, конечно, мог бы рассказать ему, что у демонов нет «ци», у нас есть «ква», но не уверен, что учитель готов узнать это.

Кван был учителем Номера Первого, и маленький демон так гордился этим, что скромно умалчивал о том, что превзошел своего наставника еще много лет назад.

— А кофе великолепно действует на «ква». Придает правильную энергию. Я чувствую, что могу превратить жирафа в жабу. Правда, останется много лишней шкуры. В основном от шеи.

— Волнующая идея, — сказала Холли. — Если ты хочешь проделать ряд полезных магических трюков с амфибиями, почему бы тебе не сделать что-нибудь со сквернословящими жабами?

Сквернословящие жабы были выходкой группы молодых магов-аспирантов, наградивших один вид жаб способностью говорить. Причем выражались жабы исключительно нецензурными словами. Поначалу это было забавно, но вскоре эти жабы стали размножаться со страшной скоростью и теперь встречались повсюду, осыпая неприличными эпитетами все, что двигалось, включая эльфов-детсадовцев и почтенных бабушек.

Номер Первый негромко рассмеялся.

— А я люблю сквернословящих жаб, — произнес он. — У меня дома две такие жабы.

Я назвал их Блип и Д'арвит. Они круто поливают меня, но я-то знаю, что они не всерьез.

Маленький демон прихлебнул кофе.

— Лучше поговорим о твоих магических проблемах, Холли.

— Каких магических проблемах? — озадаченно спросила она.

— Я вижу магическую силу как дополнительный цвет в спектре, и твоя магическая сила напоминает сейчас протухший сыр, который начал пованивать.

Холли посмотрела на свои ладони, словно хотела увидеть этот самый сыр.

— Вот как?

— Твой скелет — это батарея, в которой хранится твоя магическая сила. Одно время ты расходовала эту силу слишком безрассудно. Сколько раз ты за последнее время исцеляла кого-то? Сколько залечила травм?

— Раза два, — ответила Холли, думая про себя «девять-десять».

— Раза два только за этот месяц, — усмехнулся Номер Первый. — Не лги мне, Холли Шорт. Твоя электродермальная активность сильно возросла. От этого начали потеть кончики твоих пальцев. Я же вижу это, — маленький серый демон передернул плечами. — Иногда я вижу

вещи, которые не имею ни малейшего желания увидеть. На днях в мой офис пришел эльф, и я увидел кучу личинок кольчатого червя, которые извивались у него внутри подмышки. Бр-р-р! Что происходит с народом?

Холли не ответила. Не стоит перебивать Номера Первого.

— Каждую неделю ты отдаешь искру-другую своей магической энергии клону Опал в клинике Аргона, пытаясь скрасить ей жизнь. Ты попусту тратишь свое время, Холли. У этого создания нет души, и магия ей не поможет.

— Ты ошибаешься, Номер Первый, — тихо заметила Холли.

Номер Первый протянул свои грубые лапы.

— Дай мне ладони, — сказал он.

— Будем петь морскую песенку? — попыталась пошутить Холли.

— Нет, — коротко ответил Номер Первый и предупредил: — Будет немножко больно.

«Немножко больно» нужно было понимать как «будет очень больно», но прежде чем Холли успела перевести это для себя, руна на лбу Номера Первого изогнулась спиралью — это случилось только тогда, когда он собирался использовать большое количество своей магической силы. Холли успела только пролепе-

тать: «Погоди», но тут же словно два электрических угря обернулись вокруг ее запястий и поползли вверх, проникая ей в грудь. Ощущение, прямо скажем, было не из приятных.

Холли утратила контроль над своими конечностями, дергаясь словно марионетка на веревочках в руках кукольника. Все это продолжалось не более пяти секунд, но что это были за секунды!

Холли закашлялась, как от дыма, и, как только перестал дрожать ее подбородок, спросила:

— Обязательно нужно было делать это в кафе?

— Я предвижу, что мы увидимся теперь не скоро, и решил позаботиться о тебе. Ты слишком безрассудна, Холли. Слишком спешишь прийти на помощь кому угодно, но только не себе.

Холли пошевелила пальцами — было ощущение, что все ее суставы смазаны маслом.

— Теперь, когда боль прошла, я чувствую себя просто классно. — Неожиданно ей припомнились последние слова Номера Первого, и она спросила: — Почему мы с тобой долго не увидимся?

Лицо друга посерьезнело.

— Я получил приглашение на Лунную станцию. Они хотят, чтобы я взглянул на кое-какие микроорганизмы и определил, нельзя ли извлечь информацию из их клеток.

— Ого, — протянула Холли, которая целиком поняла только первую фразу, а из второй только отдельные слова. — И надолго ты улетишь?

— На два ваших земных года.

— Два года, — прошептала Холли. — Скорее возвращайся, Номер Первый. Ты мой последний эльфийский друг. Фоули не в счет. Трабл Келп по уши влюбился в Лили Фронд, хотя не понимаю, что он в ней нашел.

— Она хорошенькая и заботится о нем, — лукаво ответил Номер Первый, — а больше я ничего не знаю.

— Кто такая Фронд на самом деле, он поймет, когда она бросит его ради кого-нибудь постарше.

Номер Первый подумал, что лучше не вспоминать о трех катастрофических для Холли свиданиях с командором Келпом. Последнее закончилось тем, что их обоих вышвырнули с матча по кранчболу.

— Всегда есть Артемис.

— Да, — кивнула Холли. — Артемис хороший парень, согласна, но каждая наша встреча

с ним заканчивается то перестрелкой, то путешествием во времени, то отмиранием мозговых клеток. Мне нужен спокойный друг, Номер Первый. Такой, как ты.

Номер Первый вновь взял ее за руку.

— Два года пролетят быстро. Может, за это время и ты окажешься на Луне, заглянешь ко мне.

— Может быть. Но давай сменим тему. Что ты сделал со мной?

— Магический апгрейд. Теперь твои кости стали прочнее, суставы подвижнее. Я укрепил твою иммунную систему и очистил синапсы, которые слегка забились магическими шлаками. Я заправил твой бак своей собственной смесью и сделал твои волосы еще более пышными, а также активировал твою защитную руну, чтобы ты впредь безрассудно не тратила свою магическую энергию. Я хочу увидеть тебя живой и невредимой, когда вернусь назад.

— Не беспокойся обо мне, — сжала Холли пальцы своего друга. — Только рутинные операции, обещаю.

«Только рутинные операции», — подумала Холли сейчас, приходя в себя от удара и чувствуя, как магическая сила разливается по ее

телу, сращивая сломанную ключицу и затягивая раны на коже.

Магическая сила была способна на время отключить ее сознание, но Холли не могла допустить этого. Она достала из кармашка своего пояса аптечку, вколола в запястье тубик адреналина и сразу почувствовала пощипывание сотен тоненьких иголочек — адреналин всасывался в кровь. Адреналин поможет ей продержаться, пока магическая сила делает свое дело. Кабина «Купидона» была смята, и только бронированный экзоскелет шаттла предотвратил его полное разрушение и уберег пассажиров от гибели. Да, «Купидон» отлетал свое. Сзади, приходя в себя, зашевелился Батлер, а Артемис лежал на полу между сиденьями, как сломанная кукла.

«Я люблю тебя, Артемис, — подумала Холли, — но мне нужен Батлер».

Итак, Батлер первым получил заряд целебной магической силы — луч подействовал на охранника, словно разряд дефибриллятора, и выбросил гиганта сквозь разбитое заднее окно на лужайку.

«Вау, — подумала Холли. — Отличное варено, Номер Первый».

С Артемисом она обошлась осторожнее — нанесла капельку магической силы на его лоб

кончиком пальца. Но и этого оказалось достаточно, чтобы по коже Артемиса пошли круги, как по воде.

Что-то надвигалось. Сквозь разбитые стекла и свой треснувший визор Холли видела лишь какие-то размытые фигуры. Много фигур. Они выглядели маленькими, но двигались очень целенаправленно.

«Не готова. Я еще не готова».

Магическая сила, которую дал ей Номер Первый, закончила свое целительное путешествие по организму Холли, кровь отлила от ее левого глаза, и теперь она могла рассмотреть то, что приближалось к ним.

«Зверинец, — подумала она. — С ним-то Батлер управится».

Но затем внедренная Номером Первым магическая сила позволила ей рассмотреть мерцающие души, плывущие по небу, словно клочья прозрачных облачков, и Холли припомнила легенду, которую столько раз рассказывал ей отец.

«Храбрейшие из храбрых. Оставленные защищать Врата».

«Берсерки, — догадалась Холли. — Легенда подтвердилась. Если они захватят Батлера, мы пропали».

Она переползла через Артемиса, выскочила сквозь заднее окно и свернулась в пропаханной «Купидоном» канавке, чувствуя, как ей на голову посыпались кусочки влажной земли. На секунду Холли испытала безотчетный страх от того, что ее может завалить заживо, но затем земля сыпаться перестала.

Холли ощущала пульсирующую боль в залеченной ключице — словно заморозка отходит — но в целом была в порядке.

«Я все еще плохо вижу, — подумала она. — Почему?»

Но дело было не в ее зрении, просто треснули линзы визора на шлеме. Она подняла визор и кристально-отчетливо увидела атакующих, во главе которых выступали младшие братья Артемиса. За ними следовала фаланга древних вооруженных воинов и стая диких животных.

Батлер стоял на четвереньках, отряхиваясь, словно вылезший из воды медведь. Холли нашла в аптечке еще один тюбик адреналина и вколола его в обнаженную шею охранника.

«Прости, дружище. Мне нужно, чтобы ты был в форме».

Батлер вскочил на ноги, словно ударенный током, но покачнулся, на секунду потеряв равновесие.

Надвигающиеся фигуры неожиданно остановились, выстроились полукругом и приготовились к атаке, но почему-то не начинали ее.

Маленький Беккет Фаул стоял впереди, но был сейчас похож не на ребенка, а на уверенного в себе бойца, покачивающего в руке пучок окровавленных тростинок.

Остатки магической силы, данной Номером Первым, позволили Холли распознать внутри тела мальчика душу Оро.

— Я эльфийка, — крикнула она на гномском. — Эти люди мои пленники. Не нужно с нами ссориться.

Над воинами прокатился голос Опал Кобой.

— Пленники? Этот, большой, не очень-то похож на пленника.

— Кобой, — сказал Батлер, окончательно пришедший в сознание. Затем он заметил среди врагов свою собственную сестру. — Джульетта, ты жива!

Джульетта шагнула вперед, но как-то неуверенно, словно тело плохо подчинялось ей.

— Браддур, — сказала она странным надтреснутым голосом. — Обними меня.

— Нет, старина, — предупредила Холли, рассмотрев внутри сестры Батлера душу воина. — Джульетта захвачена.

Батлер моментально все понял. Они уже сталкивались с эльфийскими похищениями, когда Артемис был захвачен в комплексе Атлантиды.

Плечи Батлера опустились, а на лице появились жесткие морщины.

— Ты ли это, Джул?

Королева воинов, Беллико, просмотрела воспоминания Джульетты, чтобы ответить, но еще не вполне овладела ее голосовыми связками. Ее слова были неразборчивыми, словно доносились из плохих динамиков, и звучали со странным акцентом — смесь скандинавского и южноамериканского.

— Йе, Бррадур. Это йя. Зуульетт.

Батлер все понял. Это было тело его сестры, но внутри него находился кто-то чужой.

К ним присоединился Артемис. Он положил ладонь на плечо Холли. На футболке Артемиса темнело пятно крови, которой он откашлялся.

Как обычно, он сумел задать самый насущный вопрос:

— Почему они не нападают?

Холли пожала плечом.

«Почему? — подумала она. — В самом деле, почему?»

— Почему они не нападают? — повторил Батлер. — Их больше, а мы еще находимся в смятении. И что с моей сестрой, черт побери?

Холли вспомнила легенду и поняла, почему враги медлят.

«Мы — новые тела-носители внутри Круга. Им нужны наши тела».

Души кружили над их головами, готовясь спикировать вниз.

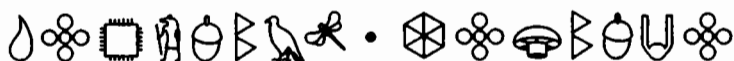
«Я не успею объяснить, что собираюсь делать, — подумала Холли. — Я просто должна сделать это».

Проще поступить так и надеяться, что позднее для ее поступка найдутся оправдания.

Она повернула колесико настройки на стволе своего нейтринного пистолета и выстрелила в открытую шею Батлера, а затем в руку Артемиса.

«Теперь им нас не украсть, — подумала она. — Но с другой стороны, берсерки, возможно, просто убьют нас».

Души спикировали на предполагаемые тела-носители, словно обрывки мокрого полиэтилена. Холли почувствовала, как эктоплазма лезет ей в рот, но чужое «я» не может овладеть ее телом из-за находящейся под воротничком защитной руны.

«Держись, — твердила себе Холли. — Держись».

Холли ощущала привкус глины и желчи. Она слышала эхо криков, раздававшихся десять тысяч лет назад, и знала теперь о битве при Тайллте столько, словно сама стояла на той равнине, где кровь лилась рекой, где волны воинов накатывали друг на друга, и трава темнела, примята их сапогами.

«Все было так, как рассказывал мне отец», — поняла Холли.

Чужая душа в последний раз попыталась проникнуть в Холли, но не смогла и улетела назад в небо.

Души двух берсерков боролись за то, чтобы войти в Артемиса и Батлера, но были отброшены. Батлер лежал подобно поваленному дереву, а Артемис — сжав кулаки, пораженный тем, что его подруга Холли собирается обжечь его обнаженную кожу нейтринным лучом. Артемис быстро и ошибочно заключил, что Холли уже захвачена одним из врагов. Кое-что он узнал и от души, которая пыталась овладеть им самим.

Артемис поднялся на колени, глядя сквозь застилающую глаза боль на то, как приближаются берсерки. Кто теперь Холли — друг

или враг? Ни в том, ни в другом нельзя быть уверенным. Внешне она выглядит собой и поводит своим оружием в сторону приближающейся орды.

Из-за толпы воинов долетел приглушенный массой тел голос Опал.

— Они сумели защититься. Тогда убейте их, мои воины. Притащите мне их головы.

Артеemis закашлялся.

«Притащите мне их головы? Раньше Опал выражалась деликатнее. Правду говорят: тюрма людей не красит. И пикси тоже».

Его собственные младшие братья наступали на него, и в их глазах читалась жажда крови. Двое четырехлетних мальчишек, двигавшихся все увереннее и быстрее.

«Кем они стали? Неужели Майлс и Беккет на самом деле смогут убить нас?»

А если не они, то, возможно, вон те пираты с заржавленными абордажными саблями.

— Батлер, — жестко приказал Артеemis. — Отойди и оцени обстановку.

Ничего другого им не оставалось.

«Нам совершенно ничего не известно».

Эта неизвестность раздражала Артеемиса, хотя он и находился в смертельной опасности.

— Отойди и попытайся ранить кого-нибудь за исключением пиратов. Китайцы — мумии, а если пострадают несколько животных, я тоже не слишком огорчусь. Вопрос простой: мы или они.

Но Батлер не слушал необычно сбивчивую для Артемиса речь, его череп раскалывался после выстрела Холли. Да, выстрел был что надо.

Защищать группу выпало Холли. Отлично. Все, что капитан Шорт могла сделать, это послать в толпу нападавших широкий нейтринный луч, и это помогло им выиграть какое-то время. Но затем из высохших как скелет пальцев одного из пиратов вылетела дубинка и ударила Холли прямо в нос, отчего она повалилась на Батлера.

Артемис смотрел на подходящих все ближе врагов и сожалел о том, что последний их контакт будет физическим — проще говоря, все закончится дракой.

«Я всегда считал, что мой интеллект убережет меня, но теперь мне предстоит быть убитым собственным младшим братом. Он разнесет мне голову камнем. Последний акт соперничества между братьями».

Затем земля разверзлась под его ногами и поглотила всех троих.

Опал Кобой подошла, расталкивая локтями своих подданных, к краю расселины, так неожиданно появившейся и поглотившей тех, кто ожидал ее мести.

— Нет! — воскликнула она, грозя небу своими маленькими кулачками. — Я хотела получить их головы. На пиках. Для вас это привычное дело, не так ли, мои воины?

— Сажать головы на пики? Конечно, — согласился Оро, шевеля губами Беккета. — И руки-ноги тоже.

Опал готова была поклясться, что земля под ее ногами вздрогнула.

ГЛАВА 7

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

*Поместье Фаул, в нескольких метрах
под землей*

Артемис падал все ниже и ниже, ударяясь локтями и коленями о корни и острые края камней, торчавших из земли, словно закопанные в нее книги. Комья мокрой земли сыпались отовсюду, пачкая его футболку и штанины. По бокам было темно, но наверху ясно виднелся свет. Но и внизу тоже? Как это может быть?

Артемис пребывал в замешательстве и от удара деревяшкой по уху, и от того, что видел внизу свет. Свет действительно идет снизу, разве нет?

«Я чувствую себя Алисой, падающей в Страну чудес».

Ему припомнилась фраза из этой книги: «Как хорошо бывает для разнообразия разобратся в чем-нибудь».

Если действует гравитация, ни одно падение не бывает бесконечным, и падение Артемиса постепенно замедлилось, поскольку дальше кратер сужался, как бутылочное горлышко, в котором бесчувственные тела Батлера и Холли вначале застряли, а затем провалились в отверстие.

Шершавые грубые ладони ухватили Артемиса и потянули вниз.

Артемис приземлился на грудь тел и смахнул с ресниц прилипшую к ним глину. Перед ним стояла обнаженная фигура кого-то — или чего-то — и светилась с головы до пят неземным светом. Фигура протянула сверкающую руку и сказала низким знакомым голосом:

— Потяни меня за палец.

Артемис расслабил напряженные мышцы шеи.

— Мулч.

— Единственный и неповторимый. В очередной раз спасаю знаменитого умника. Подскажи мне, кого здесь следует назвать гением?

— Мулч, — повторил Артемис.

Мулч выставил пистолетом свой палец и сказал:

— Ага. Ты повторяешься. Однажды ты сказал мне, что повторяться — это упражняться в излишествах. Ну, так кто из нас упражняется

в излишествах, Гадкий мальчишка? Помог тебе твой гений справиться с теми фриками наверху?

— Нет, — согласился Артемис. — Может, поговорим попозже?

— Потому что тебе нечем возразить, — усмехнулся Мулч.

— Нет, потому что эти фрики сидят у нас на хвосте. Нам нужно отступить и перегруппироваться.

— Об этом не беспокойся, — сказал Мулч, засовывая руку в отверстие в стене и выдергивая толстый корень. — Никто сюда не проникнет, когда я завалю устье туннеля. Ты не мог бы передвинуться вперед на метр-другой?

Земля над ними грохотала, как гроза над вершиной низкой горы, и Артемис стал опасаться, что их в самом деле завалит. Он поспешно передвинулся вперед и прижался к холодной глиняной стене, как будто была какая-то разница, где находиться.

Но туннель Мулча устоял, оказался заваленным только тот пяточок, на котором раньше находился Артемис.

Мулч ухватил Батлера за лодыжку и потащил потерявшего сознание охранника по полу туннеля.

— Ты носи Холли. Осторожно. Судя по твоей руке, Холли отогнала духов прочь и спасла тебе жизнь. До того, как я спас вас всех. Видишь, Артемис, узор появляется? Ты понимаешь, кто из вас настоящий герой?

Артемис посмотрел на свою руку. Там, куда пришелся выстрел Холли, проявилась спиральная руна. Последние крупницы эктоплазмы берсерка слетели с волос Артемиса, и он передернулся, увидев их.

Защитная руна. Холли заклеямила их с Батлером, чтобы спасти. Подумать только, а ведь он засомневался в ней!

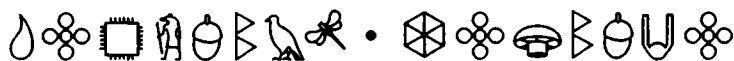
Артемис подхватил Холли и последовал за светящимся гномом, осторожно ощупывая дорогу подошвами ботинок.

— Помедленнее, — попросил он. — Темно здесь.

Голос Мулча эхом отразился от стен туннеля.

— Следи за катышками, Арти. Я покрыл их дополнительным слоем магической смеси, она заставляет их светиться в темноте и отгоняет всякую нечисть. Следи за катышками.

Артемис покосился на удаляющееся свечение и действительно вскоре рассмотрел в темноте два пятнышка, которые светились ярче остальных.

Поняв, где находятся катышки, Артемис решил не слишком приближаться к ним. Он уже видел такие катышки в действии, после чего они до сих пор навещали его время от времени в кошмарных снах.

Туннель был бутристым и то и дело поворачивал, так что вскоре внутренний компас Артемиса отказал — теперь он не имел представления о том, в каком направлении движется. Он тащился за светящейся спиной Мулча, поглядывая время от времени на лежащую у него на руках без сознания Холли. Она казалась сейчас такой маленькой и хрупкой, хотя Артемис однажды своими глазами видел, как она, защищая его, справилась с целой ордой троллей.

— Обстоятельства пока что против нас, если с нами так часто случаются неприятности, подруга, — шептал он скорее для себя, чем для Холли. Он вчерне сделал расчеты, учитывая отчаянные ситуации, в которых они побывали за последние несколько лет, вычислил относительный коэффициент умственного развития Опал Кобой и приблизительное количество соперников, которых он видел на поверхности.

«Я бы сказал, что наши шансы выжить меньше пятнадцати процентов. Но, с другой стороны, мы пока что с честью вышли из по-

ложения, даже против превосходящих сил. Правда, только один раз».

Очевидно, шепот Артемиса разносился по туннелю, потому что в ответ раздался голос Мулча.

— Перестань терзать свою голову, Гадкий мальчишка, и начни думать своим сердцем.

Артемис вздохнул. Сердце — это орган для перекачивания насыщенной кислородом крови к клеткам. Оно способно думать не больше, чем яблоко — отбивать чечетку. Он уже соби-
рался объяснить это гному, но тут туннель от-
крылся в пещеру, и у Артемиса захватило дух.

Пещера была размером с небольшой сарай со скошенными кверху стеками. Здесь были воздушные, расположенные на разной высоте, туннели и комья какой-то светящейся слизи, разложенные на голых камнях — эта слизь освещала пещеру. Артемису уже доводилось встречать такие светильники.

— Гномская слизь, — сказал он, кивая на кучку комков, каждый размером с теннисный мяч. — Затвердевает, когда ее сплюнут, и светится за счет необычайно сильной люминесценции.

— Это не только слизь, — загадочно произнес гном, но Артемис не испытал желания

приблизиться к разгадке тайны Мулча, поскольку у его тайн было не одно дно.

Артемис осторожно положил Холли на постель из искусственных шкур — на одной из них он даже рассмотрел лейбл изготовителя.

— Это шкуры из дома моей матери.

— Угу, — Мулч потрепал Батлера по ноге. — Хочешь забрать их и отнести наверх, а заодно потолковать о незаконном присвоении мной твоего имущества с существом, которое называет себя Опал Кобой?

Это был хороший выстрел. Артемис не испытывал ни малейшего желания вылезать из этого убежища.

— Здесь, внизу, мы в безопасности? Они за нами не сунутся?

— Могут попытаться, — сказал Мулч, выплевывая комочек светящейся слизи на угасающий светильник. — Но на это им потребуется пара дней, промышленные буры и сонар. Но и тогда я смогу все обрушить с помощью одного хорошо рассчитанного взрыва гномского газа.

— Серьезно? — Артемису трудно было в это поверить. — Один взрыв, и все это сооружение рухнет?

Мулч принял героическую позу — одна нога на камне, руки на поясе.

— По моим расчетам, вы должны быть готовы двигаться дальше. Отходить.

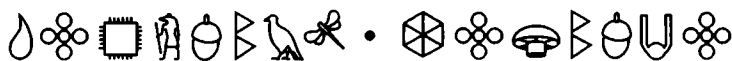
Артеemis не оценил по достоинству героическую позу гнома.

— Мулч, пожалуйста. Умоляю тебя. Надень какие-нибудь штаны.

Мулч с ворчанием согласился и натянул на свои мясистые бедра какие-то вылинявшие рабочие брюки. На большее он был не согласен, поэтому его заросшая шерстью грудь и огромный живот остались голыми и светящимися.

— Штаны я натянул только ради Холли, — пояснил он. — А вообще-то здесь вы в гостях, а я дома, и хожу, как хочу.

Капли воды капали со сталактитов в маленькую мерцающую лужицу. Артеemis окунул в нее руку, а затем приложил ладонь ко лбу Холли. Она все еще оставалась без сознания после своей второй физической травмы, и только одна последняя искра магической силы держалась на ее раненой голове и жужжала, словно трудолюбивая золотая пчела. Эта пчела, казалось, заметила приближение ладони Артемиса и бросилась на магическую руну, которая оставалась у него на руке, успокаивая его кожу, но оставляя при этом выпуклый шрам. Когда эта работа была закончена,

магическая сила возвратилась к Холли и растеклась, словно целебная мазь, по ее лбу. Дыхание Холли стало глубоким и ровным, теперь она уже выглядела не потерявшей сознание, а спящей.

— Как давно ты здесь, Мулч?

— Зачем это тебе? Хочешь взыскать с меня арендную плату?

— Нет, просто мне нужна информация. Любая. Чем больше я знаю, тем всестороннее могу планировать.

Мулч открыл дверцу переносного холодильника, в котором Артемис узнал давно пропавшего старого знакомого, не раз послужившего на пикниках, которые устраивала их семья, и вытащил из него палку кроваво-красной салями.

— Ты что-то говорил о всестороннем планировании и так далее, а между тем мы по уши сидим в заднице тролля без рессор.

Артемис давно уже зарекся просить Мулча объяснять его метафоры. Сейчас он отчаянно нуждался в любой информации, которая даст толчок его мыслям и поможет ему взять под контроль эту безвыходную ситуацию.

«Сосредоточься, — приказал он себе. — Ставка слишком высока. Больше, чем когда-либо».

Артемису было не по себе. Его грудь давило от недавних травм и напряжения. А самое главное, он совершенно не знал, что делать, кроме того, чтобы ждать, когда очнутся его друзья. Он подтащился к Батлеру проверить его зрачки на признаки мозговой травмы. Холли выстрелила Батлеру в шею, а затем они еще грохнулись вниз. Артемис с облегчением обнаружил, что оба зрачка Батлера одинаковы по размеру.

Мулч сидел рядом с ним на корточках, мерцающая, словно полубог-коротышка — это может слегка раздражать, если вы представляете, как на самом деле выглядит гном. Мулч Диггамс был похож на бога не больше чем еж на Колобка.

— Как тебе моя берлога? — спросил гном.

— Э-э... — Артемис обвел вокруг рукой. — Прикольно. И все это ты сам выкопал? Ты давно здесь?

— Пару лет, — пожал плечами гном. — Появляюсь время от времени, знаешь ли. У меня здесь десяток таких маленьких берлог. Я устал быть законопослушным гражданином, поэтому краду у вас немного энергии — подключился к кабелю.

— А почему ты вообще живешь здесь?

— Не живу. Я же сказал, что время от времени здесь отсиживаюсь. Когда начинает при-

пекать. Я только что провернул одно хорошенькое маленькое дельце, и мне нужно было ненадолго скрыться.

— Хорошенькое маленькое дельце, говоришь? — Артемис огляделся по сторонам. — А где же добыча?

Мулч повел пальцем, мерцавшим, как светящаяся указка.

— Настал момент, когда, как сказал бы мой кузен Норд, моя импровизированная ложь разлетелась в клочья.

Артемис сложил два и два, и получилась очень непривлекательная четверка.

— Ты был здесь, чтобы ограбить меня!

— Нет, ну, как ты можешь?

— Ты хотел проскользнуть по туннелю в поместье Фаул. Опять.

— «Проскользнуть» некрасивое слово. Напоминает мне морскую змею. Лучше сказать: «Я укрылся в тени». Клево, напоминает кота.

— «Укрылся»! Как вор-домушник! А кошек, между прочим, ты жрешь, Мулч!

— Ладно, — поднял ладони гном. — Признаюсь. Да, я собирался наведаться в вашу подвальную сокровищницу. Но взгляни на это с другой стороны. Обокрасть знаменитого преступника — это же прикольно. Ты, умник, умеешь ценить юмор?

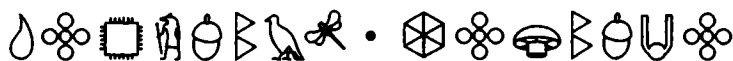
— Разве можно здесь хранить ценности? Сырость, грязь, — ужаснулся Артемис.

— Фараоны хранили, и ничего, — возразил Мулч.

Лежавшая на земле рядом с ними Холли открыла глаза, закашлялась, а затем с огромным трудом поднялась на ноги.

На гнома это произвело впечатление, но только до тех пор, пока Холли не попыталась задушить Мулча его же собственной бородой — тут он перестал быть впечатленным и начал задыхаться.

С пробуждением после магического исцеления часто возникают проблемы: мозг, как правило, бывает неповрежденным, но сознание остается спутанным. Это странное ощущение — одновременно быть в трезвом уме и обкуренным. Добавьте в эту смесь временной провал в памяти и поймете, как трудно перейти из призрачного состояния в реальный мир. Таких пациентов врачи рекомендуют держать в постели, создать им спокойную обстановку, может быть, даже положить возле подушки несколько мягких игрушек. К несчастью для Холли, она потеряла сознание в тот момент, когда сражалась не на жизнь, а на смерть, а очнувшись, увидела прямо над собой светяще-

гося монстра. Ее реакция на это была соответственной.

Потребовалось секунд пять, чтобы она поняла, что перед ней Мулч.

— Ох, — виновато пробормотала она. — Это ты.

— Да, — подтвердил Мулч, отхаркнув что-то пискнувшее и попытавшись отползти подальше. — Будь так любезна, отпусти мою бороду, я только что из парикмахерской.

— В самом деле?

— Шутка. Я живу в пещере. Ем всякую гадость. А как ты думала?

Холли слегка расчесала бороду Мулча своими пальцами, а затем отпустила плечи гнома.

— Я все еще сижу в канаве? — спросила она, поморщившись.

— Не совсем в канаве, — уточнил Артемис.

— Хорошо, Артемис, — произнесла она, потирая бледное красное пятнышко на лбу. — Какие у нас планы?

— Добро пожаловать, — сказал Мулч. — И не нужно меня благодарить. Снова спасти тебе жизнь было для меня в удовольствие. Просто еще одна из многих услуг, предлагаемых «Диггамс Эрлайнс».

Холли сердито посмотрела на Мулча.

- У меня есть ордер на тебя.
- Тогда почему бы тебе меня не арестовать?
- Службы безопасности в данный момент не работают.

Мулч обработал в мозгу эту информацию, и вечная бравада сошла с его лица, обнажая на нем одну за другой жесткие морщины. Даже светиться, казалось, он стал заметно слабее.

— Ох, святой владыка Вортекс, — сказал он, ощущая, как от дурного предчувствия у него раздуваются кишки в животе. — Что сейчас делает Опал?

Холли присела на бугорок, потыкала в наружный компьютер и убедилась, что тот не работает.

— Она отыскала и открыла Врата берсерков.

— И это еще не самое плохое, — добавил Артемис. — Она убила свое молодое «я», отчего взорвалось все, что изобрела или к чему имела отношение Опал за последние годы. Хэвен разрушен, а люди отброшены в каменный век.

В свете люминесцирующей слизи лицо Холли выглядело еще более угрюмым.

— На самом деле, Артемис, хуже всего то, что она нашла Врата берсерков, поскольку там два замка. Первый освобождает берсерков...

— А второй? — подпрыгнул от нетерпения Мулч. — Ну же, Холли, не время выдерживать театральные паузы.

Холли обхватила коленки, как потерявшийся ребенок.

— Второй выпускает Армагеддон. Если Опал удастся открыть его, все люди на поверхности Земли будут убиты.

У Артемиса пошла кругом голова, когда ему стал ясен размах плана Опал.

В этот момент пришел в себя Батлер.

— Джульетта на поверхности вместе с мистером Беккетом и мистером Майлсом, поэтому, как я полагаю, мы не можем допустить этого.

Они уселись рядком вокруг костра из светящейся слизи, и Холли пересказала всем то, что раньше считалось легендой, но теперь превратилось в абсолютно точный исторический факт.

— Большую часть из этого вы уже сами узнали от духов, которые пытались проникнуть в вас.

— Только не я, — сказал Батлер, потирая свою обожженную шею. — Я вырубился. Все, что запомнил, это неясные картинки. Очень мощное варево, даже для меня. Отрезанные ноги-руки, люди, погребенные заживо. Гномы,

едущие на бой верхом на троллях. Это на самом деле было?

— Это все было, — подтвердила Холли. — Был корпус гномов верхом на троллях.

— Угу, — кивнул Мулч. — Они называли себя Наездниками троллей. Прикольное название, верно? И там был один эскадрон — он выезжал по ночам — так они называли себя Ночные наездники троллей.

Артеemis не сдержался, чтобы не полюбопытствовать:

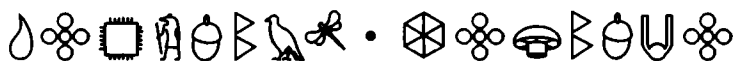
— А те, дневные, как назывались?

— Те гаучо называли себя Дневными наездниками троллей, — беззаботно откликнулся Мулч. — С ног до головы в коже. Воняло от них, как от тухлого мочевого пузыря, но дело свое они знали.

Холли могла бы прийти от этой болтовни в отчаяние, но за тот короткий период, что она была частным сыщиком, а Мулч ее партнером, она успела узнать, что этот гном заткнется, только когда сам того пожелает. Артемису, в свою очередь, это должно быть известно еще лучше.

— Артемис, — резко сказала она. — Не заводи его. Время.

Артеemis в мерцающем свете выглядел почти беспомощным.

— Да, конечно, — согласился он. — Больше никаких комментариев. Правду сказать, я чувствую себя слегка уставшим. Продолжай, Холли, прошу тебя.

И Холли, сидящая в ореоле идущего снизу необычного света, продолжила свой рассказ. Батлеру невольно вспомнились ужастики, которые рассказывал ему и другим скаутам мастер Прунс во время их воскресных походов в пещеру Дан-юр-Огоф, в Уэльсе. В сравнении с теми красочными историями рассказ Холли звучал как сухой отчет, но от ее слов по спине пробежал холодок.

«А ведь меня не так-то просто напугать», — думал гигант, ерзая на неудобном грязном корне, служившем ему стулом.

— Когда я была маленькой, мой отец рассказывал мне историю о Тайллте почти каждый вечер, поэтому я никогда не забуду о жертве, которую принесли наши предки. Многие отдали свои жизни, но некоторые пошли еще дальше и отсрочили свое посмертие, — Холли закрыла глаза и старалась рассказывать историю слово в слово так, как слышала ее когда-то. — Десять тысяч лет назад люди задумали стереть семьи эльфов с лица Земли. У них не было никаких причин делать это. Эльфы,

в большинстве своем, миролюбивый народец, обладающий талантом к целительству и особой связью с почвой.

Казалось бы, это выгодно всем, но среди людей нашлись такие, кто хотел подмять под себя все, что видят их глаза, и кого пугало то, чего они не понимают.

Артемис хотел напомнить, что к эльфийскому народу принадлежит и та особа, которая стремится в данный момент уничтожить весь мир, но решил повременить со своими замечаниями.

— И тогда волшебный народец нашел себе пристанище на туманном острове Эриу, родине магических сил, где они были самыми могущественными. И эльфы вырыли свои целебные ямы и собрали свою армию на равнине Тайллт, на последнем рубеже обороны.

Все слушали Холли молча, поскольку могли теперь видеть эту сцену и в своих воспоминаниях.

— Эта битва была короткой, — горько продолжила Холли. — Люди были немилосердны, и уже в первую ночь стало ясно, что волшебный народец стоит на грани полного уничтожения. Тогда Совет решил, что нужно уходить в катакомбы под землей, откуда эльфы выш-

ли еще до того, как на Земле появились люди. Все, кроме демонов, которые с помощью магии выдернули свой остров из потока времени.

— ОК, — сказал Мулч. — Я тащусь от этого, но потом ты сказала «откуда», поэтому мне надо слазить в холодильник.

Холли сердито зыркнула на него, а затем продолжила. Все давно знали, что еда помогает Мулчу пережить и плохие вести, и хорошие, и просто никакие. Любые.

— Но Совет решил, что даже подземному убежищу от людей будет грозить опасность, и потому построили ворота с заколдованным замком. Если этот замок когда-нибудь будет открыт, души воинов-берсерков, похороненных вокруг ворот, восстанут и вселятся в захваченные новые тела, чтобы не дать людям проникнуть во Врата.

Артеemis до сих пор помнил кислую вонь от эльфа-берсерка, пытавшегося захватить его мозг.

— А если Врата берсерков будут открыты рукой эльфа, берсерки будут готовы воевать под его командованием и выполнять все его приказы. В нашем случае это Опал Кобой. Заклятие должно было действовать не менее ста лет, чтобы за это время Народ смог надежно укрыться, а о Вратах просто забыли.

Когда Холли произносила последние слова, ее губы сжались, и Артемис немедленно все просчитал.

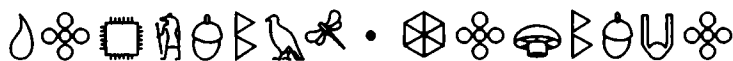
— Но случилось предательство? — спросил он.

— Вау! — округлила глаза Холли. — Да, действительно, ты угадал, Артемис. Мы были преданы презренным гномом-колдуном по имени Шейден Фруйд, известным раньше как Шейден Болт, а с момента предательства его стали называть Шейден Позор Тайллта. В часовне Хей-Хей есть перевернутая статуя Шейдена, а висящая вверх ногами статуя — это отнюдь не комплимент, можете мне поверить.

— А как это случилось, Холли? — спросил Артемис, подгоняя ее.

— Шейден Фруйд спрятался в колдовском тумане и дождался, когда умирающие берсерки будут похоронены вокруг Врат, а Народ спустится в подземный мир, а затем попытался взломать замок. Он хотел не только открыть дорогу людям, но и направить подчиненных ему берсерков против их собственного народа.

— Тот пацан действительно был милашка, — заметил Мулч, снова залезая в холодильник. — Легенда гласит, что однажды он собственную матушку продал в рабство. И в

данном случае меня нужно понимать не в переносном, а в самом прямом смысле. Он действительно посадил однажды свою мать в лодку и продал ее в соседней деревне, находящейся внизу по течению. Одно это должно было стать предупреждающим знаком.

— Но план Шейдена провалился, не так ли? — сказал Артемис.

— Да, потому что тайная часть плана требовала, чтобы кто-нибудь обрушил стены долины на верхушку Врат. Сильный колдун, способный навести туман до тех пор, пока ворота не будут погребены, а затем исчезнуть под прикрытием того же тумана. Поскольку демоны уже ушли, эту миссию мог выполнить только эльфийский колдун Брюн Фадда, отличавшийся легендарной ненавистью к людям. Итак, он должен был взобраться на край подготовленной инженерами-гномами долины и обрушить ее стены.

Чувствовалось, что Артемис, Батлер и Холли знали, что произошло дальше. Возможно, это было последним напоминанием, оставшимся в их головах от плазмы берсерков — они вдруг услышали тяжелое дыхание Брюна Фадда, когда он поспешно спускался вниз со склона, приказывая Шейдену отойти от замка.

— Они сражались яростно, и каждый из них смертельно ранил другого. В конце Брюн, умирающий и сходящий с ума от боли, ненависти и отчаяния, запечатал второй замок своей кровью и с помощью запрещенной черной магии. Если этот замок будет открыт, Дану — Мать-Земля — выбросит в небо свою магическую силу, взрыв которой уничтожит всех людей на поверхности планеты, и волшебный народец будет навеки спасен.

— Только людей?

Холли вышла из забытья.

— Только людей. Ненавистных угнетателей. Брюн потерял всех членов своей семьи во время налета людей. Его можно понять.

— Каждое оружие имеет свой срок годности, Холли, — потирая подбородок, сказал Батлер. — Это было десять тысяч лет назад. Могло ли это заклинание пройти период полураспада или что-то в этом роде?

— Возможно. Но берсерки на свободе, и первый замок сработал отлично.

— Почему Опал хочет открыть второй замок?

Ответ на этот вопрос знал Артемис.

— Это вопрос политики. В Хэвене есть многочисленное лобби, годами выступающее за

полномасштабную войну. Для них Опал будет героиней.

— Верно, — кивнула Холли. — Плюс к тому Опал уже так далеко зашла, что всерьез поверила, будто ее предназначение — стать новым мессией. Ты видел, что она готовилась сделать только ради одного побега.

— Расскажи, — попросил Мулч.

— У нее было ее младшее «я», которое она похитила, а потом организовала фальшивое требование о выкупе, чтобы ее — нынешнюю — поместили внутрь природного ядерного реактора, что помогло ей выработать достаточно черной магической силы, чтобы открыть первый замок.

Мулч хлопнул дверцей холодильника.

— Очень сожалею, что спросил. Это типичное дельце из тех, в которые ты нас постоянно впутываешь, Артемис.

— Эй, — огрызнулась Холли. — Сейчас не время обвинять Артемиса.

— Спасибо, — сказал Артемис. — Наконец-то.

— Обвинять Артемиса у нас хватит времени потом, когда все закончится.

Артемис резкими движениями сложил руки.

— Это неуместно, Холли. Я здесь такая же жертва, как и все остальные. И даже эти берсерки, которых используют в войне, закончившейся десять тысяч лет назад. Не можем ли

мы просто сказать им, что война окончена? Они охраняют Врата, которые, как я полагаю, уже никуда не ведут.

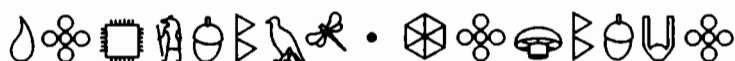
— Это верно. Мы не пользовались старыми ходами тысячу лет.

— Можешь ли ты как-то сообщить им об этом?

— Нет. Они во власти чар пикси. Любые наши слова не подействуют.

— Сколько у нас времени? — спросил Артемис.

— Точно не знаю, — призналась Холли. — Мой отец рассказывал мне эту легенду как сказку на ночь. Он узнал ее от своего отца. Первоисточник — воспоминания колдуна-эмпата, который синхронизировал свое сознание с мозгом Брюна Фадда в последние мгновения его жизни. Мы только знаем, что второй замок — сложная магическая конструкция. Чтобы справиться с ним, Опал сейчас использует свою магическую силу, много силы, и та быстро ослабевает. Думаю, что Опал нужно открыть замок до прихода зари, пока эльфийская Луна еще высоко. Потом, по легенде, ее берсерки превратятся просто в облачка своих бывших «я» и перестанут существовать. Их призовет к себе посмертие.

Артемис повернулся к Батлеру, чтобы обсудить с ним тактические детали. В этом телохранитель был большим экспертом.

— Как Опал будет разворачивать свои силы?

— Опал должна будет собрать большинство берсерков у себя за спиной, чтобы те видели, как она взламывает этот волшебный замок. Остальные будут охранять стены и патрулировать вокруг поместья — без сомнения, вооруженные до зубов. Возможно, с моим оружием.

— А у нас есть оружие? — спросил Артемис.

— Я потеряла свое нейтринное ружье после крушения, — сообщила Холли.

— Свой автомат я в последний раз видел в Хэвене, — произнес Батлер. — У меня не было времени его поднять.

К огню возвратился Мулч.

— Ты сказала, что все люди будут убиты на поверхности Земли. Хочу заметить, что вы находитесь под землей. Поэтому вы можете, как вам известно, просто оставаться здесь.

Холли ответила ему ядовитым взглядом.

— В этом нет необходимости. Нужно искать другие варианты.

— Если Опал действительно откроет второй замок, это не только уничтожит миллиарды людей, но и породит небывалую гражданскую

войну между эльфийцами. В результате которой Опал Кобой, очевидно, объявит себя владычицей мира.

— Значит, ты тоже считаешь, что нам следует остановить ее?

— Я говорю, что мы обязаны остановить ее, но только не знаю как.

Артемис задрал голову, словно надеясь на озарение свыше, но увидел лишь мерцающие стены подземной берлоги Мулча и чернильную темноту устья туннеля.

— Мулч, — спросил он, — куда ведет этот туннель?

ГЛАВА 8

СТАРИНА ГРАФФ

Остров Далки, Южное графство Дублин

Существует распространенное заблуждение, что тролли тупые. На самом деле тролли тупые лишь относительно.

Астрофизикам и продвинутым Хей-Хей монахам тролли, конечно, и в подметки не годятся, однако даже самый средний тролль способен сложить несложный пазл быстрее любого шимпанзе или дельфина на планете. Тролли умеют изготавливать примитивные инструменты, могут освоить язык жестов и даже построить несколько простейших фраз. В раннем Средневековье, когда троллей еще было разрешено показывать в ярмарочных балаганах, один гном-укротитель накачивал медовым пуншем знаменитого тролля-исполнителя по имени Графф Амос

Лунный Луч до тех пор, пока тот не научился более-менее сносно рычать «Балладу о Тингли Смоллз».

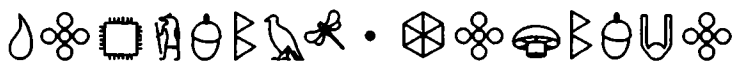
Так тупые тролли или нет?

Совершенно очевидно, что нет. Во всяком случае, не совсем.

То, что тролли упрямы, это да. Просто патологически. Если тролль заподозрит, что кому-то хочется, чтобы он вышел через дверь А, он обязательно выберет дверь В, возможно, снеся по дороге с петель дверь А.

Из-за этого троллям трудно интегрироваться в Нижние Уровни. В ПП имеется целое подразделение специально подготовленных дрессировщиков, которые большую часть свободного времени тратят на отслеживание беглых троллей, собирающихся в пригородах Хэвена. В любое время здесь можно отыскать сотню с лишним троллей, сжевавших и выплюнувших свои контрольные чипы и пробирающихся сквозь земную кору вверх, упрямо стремясь попасть в магические горячие точки на поверхности планеты.

Троллей притягивают отходы магии — так же, как гномов привлекает все, что плохо лежит. Тролли с удовольствием питаются отходами магии. Это успокаивает их и продлевает

срок жизни. С возрастом тролли становятся более умелыми.

Самым известным долгожителем среди троллей считался один, сменивший за свою жизнь немало имен. Матушка назвала его Графф — возможно, так она произносила слово «Get off» — «Отвали». В ПП тролль числился просто как «Подозреваемый Ноль», а люди называли его Абдоминаль, Снежный человек, Бигфут и Чупакабра — в зависимости от той местности, где он им встречался.

Графф уже прожил несколько столетий и исколесил всю планету в поисках магических отходов. Не осталось ни одного континента, который он не посетил бы под покровом темноты, а его сероватая шкура была сплошь покрыта шрамами и рубцами, оставшимися после драк с ПП и встреч с земными охотниками. Если бы Графф умел связно говорить, он, наверное, сказал бы:

— Может быть, я и выгляжу избитым, но посмотрели бы вы на других пацанов.

В настоящее время Графф обитал в пещере на острове Далки, у южного побережья Дублина, откуда мог доплыть до частного эллинга на берегу и украсть какую-нибудь живность с ближайших ферм. Несколько раз его видел хозяин эллинга — эксцентричный ирландец,

горланивший для тролля по ночам через залив песни. Графф знал, что должен либо сменить место, либо в ближайшую пару дней сожрать этого человека, но сегодня вечером он склонялся к тому, чтобы подремать, опустив голову на овечью тушу, которая сейчас служила ему подушкой, а позднее станет завтраком.

Сон тролля нарушило включившееся шестое чувство, занимавшее в его мозгу место где-то между вкусом и обонянием. Где-то поблизости наблюдалась магическая активность — тролль ощущал ее как щекотку внутри черепа, словно в нем вылупились светлячки. А там, где магия, там непременно найдутся и ее отходы. В достаточном количестве, чтобы вылечить боль в спине и залечить кровоточащую рану в ляжке, которую оставил ему своим клыком морж.

Чтобы подкрепиться перед путешествием, Графф выгреб из туши овцы потроха и проглотил их. Погружаясь в воду, чтобы совершить короткий заплыв через залив, он чувствовал усиливавшийся зов магии, и это поднимало ему настроение.

Графф давно мечтал о сладком нектаре магических отбросов, который излечит все его болячки. А когда тролль что-то задумал, мало что может помешать ему сделать это.

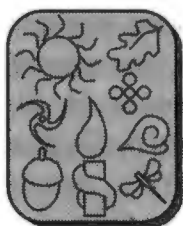

ГЛАВА 9

ИЗРЫГАЯ ГОРЬКИЙ ЯД

Поместье Фаул

Опал стояла на краю обрушившегося туннеля — слегка расстроенная, но не павшая духом. В конце концов, она была настоящей динамо-машиной, вырабатывавшей черную магическую энергию, самой мощной машиной из всех, что когда-то существовали в этом мире, а Артемис Фаул был погребен в туннеле под тонной щебня, и если он даже не мертв, то наверняка потрепан и беспомощен. Это должно больше всего раздражать Грязного мальчишку.

Мертвый он или нет, ее план остается прежним.

Оро опустился на колени и вытащил из раскрошенной глины оружие Холли.

— Что это, госпожа?

Опал обхватила автомат своими тоненькими пальчиками и оставалась на связи с его энергией до тех пор, пока эта энергия не согласилась перелиться в пикси. Внешне это выглядело малоинтересно: автомат просто разрядился и покорежился.

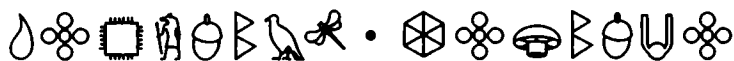
— Я должна открыть второй замок, — сказала она Оро, освеженная приливом энергии. — Времени у меня до утра. Потом моя магическая сила испарится с утренней росой, и я окажусь беззащитной.

— Второй замок? — переспросил Оро, с трудом произнося голосовыми связками Беккета слова на гномском. — Вы уверены, госпожа?

— Королева, — поправила его Опал. — Ты должен называть меня королева Опал. Открыв первый замок на Вратах берсерков, я подчинила тебя себе. Но я предпочитаю, чтобы ты как можно реже обращался ко мне — твой глупый человеческий голос раздражает меня. И прекрати хмуриться. Это выражение выглядит идиотским на твоем лице маленького мальчика. Мамочке хочется тебя отшлепать.

— Но второй замок? — не отставал Оро. — Он же освободит силы Дану.

— Во-первых, разве я не сказала только что, как ко мне следует обращаться? А во-вторых,

покопайся в мозгу у твоего человека-носителя. Маленькая волна энергии Дану — именно то, что требуется этой планете.

Оро выглядел озадаченным, но заклятие не позволяло ему вступать в спор, а Опал знала, что даже если берсерк и начнет возражать, то в помпезной средневековой манере с ее примитивной логикой.

— Дай мне поговорить с человеческим мальчишкой, — сказала Опал, полагая, что ребенок из семьи Фаулов, даже маленький, сможет оценить, что она здесь совершила. К тому же прикольно будет понаблюдать за тем, как станет корчиться этот человек.

Оро вздохнул, мысленно пожелав, чтобы его старый друг Брюн Фадда оставил в эльфийских чарах хотя бы маленькую лазейку, а затем вздрогнул, дав на время сознанию Беккета Фаула заместить его сознание.

Тень столетий покинула лицо Оро, и оно вновь стало лицом Беккета — сияющим и улыбающимся.

— Я спал, — произнес он. — Мне снилось, как будто я — это я, но у меня стало больше пальцев.

Опал широко раскинула руки, между ее ладонями пульсировали оранжевые шнуры магической энергии.

— Ты не напуган, мальчик?

Беккет подскочил, как обезьянка, и принял позу, которую считал стойкой ниндзя.

— Нет. Это ты должна бояться.

— Я? — рассмеялась Опал. — Ты не можешь причинить мне вреда. Этого не позволят волшебные чары.

Беккет с разворота ткнул Опал кулаком в живот — точно так, как учил его Батлер.

— Йе! Я очень быстрый. Быстрее твоих дурацких волшебных чар. Батлер говорит, что я способный.

У Опал перехватило дыхание, и она грохнулась назад, ударившись локтем о приподнятое основание Врат берсерков. К счастью для нее, волшебные чары все же действовали, и Оро перехватил контроль над телом, иначе четырехлетний Беккет Фаул мог положить конец планам Опал прямо здесь, на месте.

Оро кинулся поднимать Опал.

— Моя королева, вы ранены?

Опал говорить не могла, она лишь взмахнула рукой. Ей пришлось пережить несколько позорных секунд, пока Оро накачивал, словно кузнечные мехи, ее торс, чтобы восстановить дыхание.

— Отпусти меня, дурак, — сказала она, наконец. — Позвоночник мне хочешь сломать?

Оро повиновался.

— Какой шустрый мальчишка. Разорвал чары. Немногим это удастся.

Опал потеряла свой живот и поморщилась.

— А ты, случаем, не помогал мальчишке? — подозрительно прищурилась она.

— Конечно, нет, моя королева, — ответил Оро. — Берсерки никогда не помогают людям. Хотите снова поговорить с тем мальчишкой?

— Нет! — испуганно взвизгнула Опал, а затем повторила, стараясь вновь выглядеть величественно, как подобает королеве: — Нет. Мальчишка выполнил свою миссию. Продолжаем выработать план.

Оро опустил на колено и набрал пригоршню земли.

— Мы должны хотя бы пуститься в погоню за нападавшими. Эльфийка — искусный боец, да и большой человек тоже грозный воин. Они вполне могут устроить какую-нибудь диверсию.

Опал была готова согласиться с Оро.

— Хорошо, нудный эльф. Пошли своего лучшего лейтенанта с несколькими воинами. Включи в эту группу второго мальчишку. Артемис, возможно, не решится убить своего младшего брата.

Опал выдохнула сквозь губы — это показало, что она-то сама, не задумываясь, убила бы

любого родственника, окажись на месте Артемиса Фаула. По ее мнению, нежелание убить родственника можно рассматривать только как саботаж и невыполнение приказа.

«И потом, — подумала она, — разве я сама не убила уже свое второе «я», чтобы бежать из тюрьмы?»

Но эльфы слабаки, а люди еще слабее. Возможно, Артемис на секунду замешкается, и этого хватит, чтобы младший братик засадил ему в бок свой кинжал.

— Не трать слишком много времени или ресурсов. Я хочу, чтобы меня за спиной окружали берсерки, пока я буду работать над вторым замком. Там есть в чем покопаться.

Оро на секунду прикрыл глаза, наслаждаясь прикосновением ветерка к своему лицу. Издалека доносился треск бушующего пламени, а открыв глаза, он увидел и дым пожара, высоко поднимающийся в вечернее небо.

— Мы рвемся в бой, моя королева. Но врагов маловато. Новые враги будут?

— Не раньше утра, — Опал издала звук, похожий на кудяхтанье. — Мои враги столкнулись с определенными трудностями. Мамочка позаботилась об этом.

Часть сознания Оро по-прежнему принадлежала ему самому и не была поработчена чарами пикси. Вот эта часть и подумала:

«Она говорит о себе как о нашей матери. Издевается над нами».

Но все же пути геассы, или чар, были настолько сильны, что даже эта мятежная мысль причинила капитану берсерков физическую боль.

Опал заметила, как поморщился Оро, и спросила:

— О чем ты думаешь, капитан? Ничего крамольного, я надеюсь?

— Нет, моя королева, — ответил Оро. — Просто это тщедушное тельце не способно вместить в себя всю мою жажду крови.

Эта ложь обернулась новым приступом боли, но Оро уже был готов к этому и перенес его, не моргнув глазом.

Опал нахмурилась. У Оро есть собственные мысли, но это не имеет значения. Энергия Оро уже убывает. Но и это не страшно. Главное, чтобы берсерки продержались эту ночь, пока не будет открыт второй замок и не начнется подлинная эра Кобой.

— Так иди, — огрызнулась Опал. — Выбери отряд охотников, но помни, что твоя обязан-

ность — охранять Врата. Я сделала так, что пока что всем людям не до нас, но лишь восстанет солнце, как они волной хлынут сюда, дабы истребить последних из нашего рода, — к концу фразы Опал окончательно сбилась на средневековый язык, считая, быть может, что он дойдет до Оро лучше, чем современный. — Без искры жалости в своих хладных сердцах они явятся за нами.

Похоже, Оро проникся этой готической речью. Он повернулся и поспешил собирать отряд охотников.

В целом, заключила для себя Опал, все идет превосходно. Берсерки будут охранять периметр, наивно веря в то, что их большие мрачные Врата действительно ведут куда-то. А потом они просто испарятся в свое посмертие, так и не узнав, что их просто использовали как орудие в бессмысленной бойне.

«Призраки — не самые надежные свидетели на суде», — с ухмылкой подумала Опал.

Но ухмыляйся не ухмыляйся, впереди ждала работа, для выполнения которой Опал придется пустить в ход все свои умственные способности. Второй замок остается закрытым, и главное, что она должна сделать — это любыми способами удержать в себе черную магиче-

скую силу, пока та не уничтожила физическое тело Опал. Она уже чувствовала, как у нее надуваются пузырьки между лопатками. Это значит, что магическая сила вскоре покинет Опал, но перед этим разрушит ее. С помощью своей силы Опал залечивала пузырьки, но на это тратилась магическая энергия, а пузырьки... пузырьки снова появлялись.

«Почему бы мне не решить эту проблему, убив кого-нибудь?» — раздраженно подумала она, а затем принялась успокаивать себя мантрой, которая поддерживала ее в тюрьме.

— Вскоре все люди умрут, — нараспев заговорила она, подражая проверенным временем интонациям гуру. — И тогда Опал станет всеми любима.

«А если я и не стану всеми любима, — подумала она, — то, по крайней мере, все люди умрут, и то хорошо».

Оро спускался на маленьких ножках по древним ступеням, которые вели вокруг Врат берсерков, и вдруг отчетливо вспомнил тот день, когда помогал строить эту низкую башню. Во время строительства было положено не столько труда на поднятие тяжестей, сколько магической энергии. Старый Брюн Фадда и его команда загрузили в замок все свои ма-

гические силы, до последней капли. Оро помнил, как колдуны стояли кругом, вбивая в камень светящиеся молнии, струившиеся из их ладоней.

«Открывший эти Врата получит больше, чем ожидает», — пообещал Брюн позднее на той же неделе, когда Оро и его люди лежали, умирая. Брюн ошибался. Опал получила именно то, чего ожидала.

«Как она узнала? — удивлялся Оро. — Было же совершенно очевидно, что весь мир забыл о нас».

Берсерки свирепели от подавляемой злобы и сгорали от желания нанести как можно больший вред людям. Слушая обращение Оро, они пытались стоять смирно, но это было так сложно сделать, особенно пиратам, которым никак не удавалось не трещать своими голыми костями.

Оро залез на пень, откуда всем должно было быть видно маленькое мальчишеское тело, в котором он пребывал, и вскинул сжатый кулак, призывая к молчанию.

— Мои воины! — закричал он, и его голос раскатился над рядами берсерков. — Наш день наконец настал!

В ответ раздался нестройный гул — это была смесь воплей, гиканья, лаянья, свиста. Каждое тело, которое занимали берсерки, выражало восторг на свой лад. Оро не смог не поморщиться. Это были не те воины, которых он помнил, которые сражались и получали смертельные раны в долине Тайллта, хотя и этим не терпелось броситься в битву.

Сражаться они жаждут, но смогут ли? Вон, в их рядах лисы. Святая Дану, разве лиса удержит меч в своих лапах? Пожалуй, стоит слегка подбодрить воинов. В том, что он сумеет это сделать, Оро не сомневался, он считал себя превосходным оратором.

— Мы выпьем горький яд своего поражения и выплюнем его на наших врагов! — прокричал он.

Берсерки захлопали, заревели, завопили в знак одобрения. Все, кроме одного.

— Простите? — сказал лейтенант Гобдоу.

— В чем дело? — недовольно откликнулся Оро.

Бледное лицо второго Грязного мальчишки, в теле которого сидел лейтенант, сделалось удивленным. На самом деле удивление было совершенно непривычным чувством для Гобдоу. Раньше он ничему не удивлялся и никогда

не задавал вопросов. Гобдоу был из тех эльфов, которые разговаривают только своим мечом.

— Послушай, Оро, — сказал Гобдоу, сам удивляясь словам, вылетавшим у него изо рта. — Как это правильно понять? «Выплюнем горький яд своего поражения на наших врагов»?

Этот вопрос озадачил Оро.

— Ну, я просто хотел сказать...

— Поскольку, если позволишь заметить, слово «поражение» в мотивационном обращении делает его смысл несколько противоречивым.

Теперь Оро пришел в полную растерянность.

«Мотивационное обращение»? «Противоречивый смысл»? Что, черт побери, все это означает?

Гобдоу, казалось, был готов заплакать.

— Это не я, капитан. Это мой человек-носитель. Он сильнее меня.

— Соберись, Гобдоу. Ты всегда охотно выслушивал мои речи.

— Да, да, капитан. Но мой мальчишка не хочет заткнуться.

Оро решил, что Гобдоу следует отвлечь каким-нибудь делом.

— Тебе выпала честь возглавить отряд, отправляющийся на поиски наших врагов. Возьми собак, Беллико и этих матросов тоже. Всем

остальным окружить Врата. Королева Опал трудится над вторым замком. Все понятно?

— Так точно, капитан, — взревел Гобдоу, размахивая кулаком. — Все будет выполнено.

Оро кивнул. Так-то лучше.

Гобдоу, Беллико и охотничьи собаки окружили обрушившийся туннель. Беллико превосходно чувствовала себя в теле Джульетты Батлер. О таком замечательном теле она не могла и мечтать — молодое, сильное, знакомое с различными боевыми искусствами, которые, благодаря памяти Джульетты, Беллико могла отлично пустить в дело.

Беллико увидела свое отражение на лезвии пиратского ножа, и оно ей очень понравилось.

«Совсем не уродина по человеческим меркам. Даже жаль, что моих жизненных сил хватит всего лишь на одну ночь. Возможно, если бы нас позвали из-под земли всего лет через пятьдесят после того, как зарыли, магической силы хватило бы на подольше, но, увы, за столь долгое время наши души ослабели. Заклятие не предполагало, что мы столько веков будем оставаться в могиле».

В памяти Беллико сохранились карикатурные изображения Опал Кобой, но она была

предупреждена, что для волшебного народца людские образы отвратительны. Такие, как образ Грязного мальчишки, которого эльфы будут ненавидеть, даже если исказить их память.

Намного меньше своими оживленными труппами были довольны пираты, тела которых рассыпались буквально на ходу.

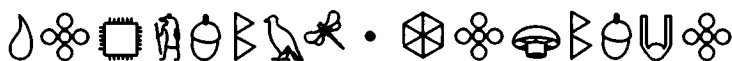
— У меня все магические силы уходят на то, чтобы не дать развалиться этому кожаному мешку с личинками, — пожаловался бывший воин-великан, овладевший трупом Эйсебиуса Фаула с пробитыми легкими.

— По крайней мере, у тебя хотя бы есть ноги, — проворчал его бывший боевой товарищ Дж'Хиз Наньон, ковылявший на паре деревянных протезов. — И как только этот парень мог передвигаться на этих штуковинах? Я сам себе напоминаю упившегося вдрызг гнома, который вот-вот свалится.

Еще хуже приходилось английским пойнтерам, которые могли выталкивать из пасти только отдельные простейшие слова.

— Фаул, — пролаял один из них, хорошо знакомый с запахом Артемиса. — Фаул, Фаул.

— Хороший мальчик, — сказал Гобдоу, протягивая руку, чтобы потрепать пойнтера по голове маленькой рукой Майлса. Это очень не

понравилось пойнтеру, и он с удовольствием укусил бы эту руку, если бы не знал, что перед ним старший по званию офицер.

— Воины! — обратился Гобдоу к своим солдатам. — Наши доблестные братья, находящиеся внутри этих созданий, учуяли след. Наша задача — найти людишек.

Никто не спросил: «А дальше что?». Все и так знали, что делать с людьми, когда они найдут их. Потому что если этого с ними не сделать, они сделают то же самое с тобой и всей твоей расой, а может быть, и со всеми другими расами, с представителями которых ты не раз сиживал за кружкой пива.

— А эльфийка? — спросила Беллико. — Что будет с ней?

— Она сама должна будет сделать свой выбор, — ответил Гобдоу. — Если она отойдет в сторону, мы оставим ее в живых. Если нет, будем считать ее одной из людишек.

Хотя с приближением ночи стало прохладнее, по бровям Гобдоу скатилась капелька пота — ему большого труда стоило говорить сквозь стиснутые зубы, из последних сил сдерживая сознание Майлса Фаула, бурлившее в нем, вызывая какое-то несварение мозгов.

Разговор оборвался, когда английские пойнтеры рванули от устья обрушившегося тунне-

ля через лужайку к большому человеческому жилищу, стоявшему на вершине холма.

— Ага! — воскликнула Беллико, пускаясь вслед за собаками. — Люди в том каменном храме.

Гобдоу попытался прикусить себе язык, но не сумел.

— Он велел передать, что это называется не храм, а поместье. И что все девчонки — дуры.

Артеemis, Холли и Батлер с трудом проти-скивались по туннелю, который, если верить Мулчу, заканчивался в винном погребе, позади стеллажа с «Шато-Марго» урожая 1995 года.

Узнав об этом, Артеemis пришел в ужас.

— Разве ты не знаешь, что твой туннель по-влияет на температуру в погребе? Не говоря уже о влажности! Это вино — наше вложение капитала.

— Не переживай за вино, глупый Грязный мальчик, — покровительственно сказал Мулч тоном, который он специально придумал и отрепетировал только для того, чтобы силь-нее досадить Артеемису. — Вино я выпил еще несколько месяцев назад и заменил его. Это было единственным приемлемым решением. Иначе подвал выглядел бы опустошенным.

— Причем тобой! — огрызнулся Артемис. — Чем ты заменил вино?

— Тебе действительно хочется это знать? — спросил гном, и Артемис отрицательно покачал головой, решив, что в данном случае спокойнее будет ничего не знать, чем услышать правду.

— Мудрое решение, — одобрил Мулч. — Тогда продолжим. Туннель ведет к задней стене подвала, но сама стена законопачена.

— Чем законопачена? — спросил Артемис, который, несмотря на свою гениальность, иногда реагировал с небольшим запозданием.

— Повторяю свой последний вопрос, — сказал гном, почесывая пальцами бороду. — Ты действительно хочешь это знать?

— Проломиться сможем? — коротко спросил прагматичный Батлер.

— О, да, — ответил Мулч. — Такой большой, сильный человек, как ты? Без проблем. Я сделал бы это и сам, но, кажется, у меня будет другое задание.

Холли взглянула на свой наручный компьютер, который по-прежнему не подавал признаков жизни, и подтвердила предчувствия гнома.

— Ты нам будешь нужен, чтобы добраться до оружия в шаттле, Мулч. У Джульетты есть

немного оружия в доме, но она уже ведет туда берсерков. Нам нужно действовать быстро и разделиться. Это называется взять врага в клещи.

— Клещи, — вздохнул Мулч. — Клешни. Я люблю крабов. И лобстеров тоже. Правда, от них у меня пучит живот, но они того стоят.

Холли хлопнула себя по коленям.

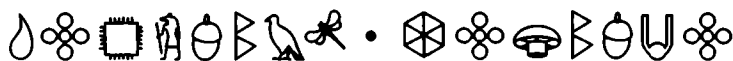
— Пора двигать, — сказала она. Никто из людей не возражал.

Мулч посмотрел, как они заползают в ведущий к подвалу в поместье туннель, затем повернулся назад, в ту сторону, откуда они все пришли.

«Не люблю возвращаться по своим следам, — думал он. — Потому что обычно кто-нибудь охотится за мной».

Итак, они ползли, извиваясь, по давящему со всех сторон туннелю, в котором тяжело пахло землей, и ощущая всем телом нависшие над ними тонны и тонны породы — обвалившись, она раздавила бы их, как молот на гигантской наковальне.

Холли знала, что о том же думает сейчас каждый из них.

— Этот туннель выдержит, — сказала она, поймав паузу между вздохами и ворчанием. — Мулч лучший диггер на свете.

Туннель то и дело поворачивал, а единственным источником света для них служил мобильный телефон, примотанный ко лбу Батлера. Артемису на миг представилось, что они останутся здесь навсегда, словно три крысы в змеином животе, и эта змея медленно переварит их, и от них не останется и следа.

«И никто никогда не узнает, что с нами случилось».

Артемис знал, что мысль эта была пустой, потому что если они не выберутся отсюда, то на Земле не останется никого, кто захотел бы узнать, что произошло с их маленькой группой. И он никогда не узнает, сам он не смог спасти своих родителей или они погибли каким-то образом в Лондоне.

Тем не менее Артемиса не покидало чувство, что они близки к тому, чтобы умереть в этой огромной безымянной могиле, и оно только крепло с каждым сантиметром, на который он подтягивался, все дальше и дальше продвигаясь в недрах земли.

Артемис в очередной раз подтянулся в темноте и наткнулся пальцами на ботинок Батлера.

— Мне кажется, мы сделали это, — сказал телохранитель. — Достигли преграды.

— Преграда прочная? — долетел сзади голос Холли.

Затем слышались звуки, похожие на удары кулаком по холодцу, и потянуло вонью, как из лопнувшей канализационной трубы.

Батлер несколько раз кашлянул, длинно и затейливо выругался и сказал коротко, но с жутким подтекстом:

— Только корочка прочная.

Они протиснулись сквозь дыру на сбитый Батлером стеллаж с разбитыми винными бутылками. В обычных обстоятельствах Батлер, как и положено телохранителю, отодвигал бы стеллаж медленно, сантиметр за сантиметром, с оглядкой, но на этот раз проломился сквозь затычку Мулча так, словно за ним черти гнались. Не менее быстро проскочили в подвал и остальные двое, счастливые до небес от того, что туннель наконец закончился.

Артемис поднял отвалившееся донышко разбитой бутылки и понюхал оставшуюся в нем жидкость.

— Это точно не «Шато-Марго» урожая тысяча девятьсот девяносто пятого года, — заметил он.

— И даже не змеиное вино, — сказал Батлер, усердно чистивший себя найденной в подвале железной щеткой. — Хотя, пожалуй, я знаю пару наемников, которые смогли бы это выпить.

Холли взобралась по высоким каменным ступеням старинного — семнадцатого века — подвала и прижала ухо к двери.

— Ничего не слышу, — произнесла она немного погодя. — Только ветер снаружи дует, и все.

Батлер решил отвлечь Артемиса от разоренного стеллажа.

— Пойдем, Артемис. Нам нужно найти мое оружие, пока им не завладел пассажир, который едет в теле Джульетты.

Холли чуть-чуть приоткрыла дверь и заглянула в щелку. За дверью начинался коридор, а дальше, примерно в середине коридора, стояла группа пиратов с автоматами. Они стояли смирно, очевидно, пытаясь остановить свои трясущиеся, гремящие кости.

— Как дела? — спросил подкравшийся к Холли сзади Батлер.

Холли затаила дыхание и осторожно прикрыла дверь.

— Не ах, — ответила она.

Они сгрудились позади стеллажа с бутылками калифорнийского красного урожая 1990-х годов и заговорили взволнованным шепотом.

— Что мы имеем? — спросил Артемис.

— У меня есть вот это, — показал Батлер свои кулаки.

Холли порылась в карманах своего комбинезона.

— Пластиковые наручники. Пара сигнальных ракет. На этом список закрыт.

Артемис по очереди прикоснулся кончиком каждого пальца к подушечке своего большого пальца — один из его излюбленных жестов.

— У нас есть кое-то еще, — сказал он. — У нас есть дом.

льетты личностью. Гобдоу вооружился маленьким револьвером и несколькими клинками, а Беллико выбрала автоматический пистолет и лук из углеграфита с колчаном алюминиевых стрел к нему. Пираты забрали практически все остальное и, приплясывая и гремя костями, отправились вниз, в засаду.

— А мы пойдем на поиски, — сказал Гобдоу.

Беллико, зная дом благодаря Джульетте лучше, чем он, возразила.

— Нет. Артемис сам придет сюда, поскольку его кабинет примыкает к этой комнате. Наши в подвале и вокруг дома. Предоставим возможность собакам и пиратам пригнать их прямо к нам.

Гобдоу был достаточно опытным командиром, чтобы по достоинству оценить и принять предложенный другим хороший план.

— Отлично, — проговорил он. — Будем ждать здесь, но если я не разряжу свой пистолет до рассвета, это станет для меня самым большим разочарованием.

— Не беспокойся. На большого человека тебе все пули понадобятся.

Беллико ухватила собак за ошейники и выдернула пойнтеров из пальто.

— Вам двоим должно быть стыдно, — сказала она. — Не теряйте себя внутри этих тварей.

Один пойнтер сердито ткнул головой другого так, словно только тот был виноват во всем.

— Проваливайте, — похвалила Беллико, давая псам пинка под зад. — И найдите нам Грязных людишек.

Гобдоу и Беллико встали у рабочего стола — одна натягивая тетиву лука, второй вынимая предохранитель из ворованного револьвера.

— Дом — это фактически крепость, — объяснил Артемис. — В панель безопасности была заложена осадная функция, и потребуется целая армия, чтобы преодолеть все защитные приспособления, которые были спроектированы и установлены до того, как Опал выпрыгнула из своего потока времени, поэтому нет ни малейшего риска, что какой-нибудь защитный компонент может взорваться.

— А где эта панель? — спросила Холли.

Артемис постучал по своим часам.

— Обычно я могу получить удаленный доступ с помощью моих часов или телефона, но информационная сеть Фаула отказала. Недавно я обновлял хост-контроллер, и, возможно,

в нем оказался компонент, произведенный Кобой, поэтому нам придется воспользоваться панелью в моем кабинете.

Батлер знал, что обязанность выступать в роли адвоката дьявола лежит на нем.

— А не получится ли так, что мы окажемся запертыми здесь один на один с шайкой пиратов?

— Или запрем их здесь вместе с нами, — улыбнулся Артемис.

Салтон Финнакр жаловался о потере своего тела своему другу Дж'Хизу.

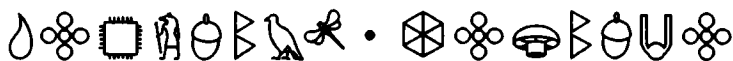
— Помнишь, какие у меня были бицепсы? — тоскливо спросил он. — Как стволы деревьев. А посмотри на меня сейчас.

Он качнул левой рукой, чтобы показать, как свисают с костей дряблые лоскуты подгнившей плоти.

— Я едва удерживаю эту огненную палку.

— Это не огненная палка, — назидательно сказал Дж'Хиз. — Они называют это «пистолеты». Не слишком сложное слово, чтобы запомнить его, а?

Салтон посмотрел на автоматический пистолет, который держал в своих высохших костяных пальцах.

— Да, наверное. Так, говоришь, просто целься и нажимаешь?

— Беллико так сказала.

— Слышали, берсерки? — обратился Салтон к полудюжине пиратов, столпившихся на лестничной клетке позади него. — Просто целься и стреляй. И не бойся задеть того из своих, кто стоит перед тобой, потому что мы и так уже мертвецы.

Они стояли в выложенном красным кирпичом коридоре, молясь о том, чтобы поблизости появились люди.

Было бы стыдно прождать столько времени и не убить хоть кого-нибудь.

Тремя метрами ниже, в винном погребе, Батлер покачивал в ладонях две бутылки редкого и дорогого виски «Макаллох» 1926 года.

— Твой отец будет не в восторге, — сказал он Артемису. — Тридцать тысяч евро за один снаряд.

— Уверен, что он поймет, учитывая обстоятельства, — ответил Артемис, берясь пальцами за дверную ручку.

— О, — коротко хохотнул Батлер. — На этот раз мы расскажем твоему отцу про обстоятельства? Это будет впервые.

— Ну, может быть, не обо всех обстоятельствах, — внес поправку Артемис и широко распахнул дверь.

Батлер шагнул в проем и швырнул бутылки в потолок над головами пиратов. Обе разлетелись вдребезги, окутав берсерков облаком крепкого алкоголя. Холли шагнула между ног Батлера и выстрелила в это облако. Не прошло и секунды, как вся кучка пиратов была охвачена голубыми и оранжевыми языками пламени, оставившими на потолке черное пятно. Это, казалось, не слишком обеспокоило врагов, не считая одного, на деревянных протезах — он вскоре остался без ног и стоять уже не мог. Остальные обгорели до скелетов, но продолжали двигаться, направляя свои стволы в сторону подвальной двери.

— Дом спасет нас? — нервно спросила Холли. — Ты так говорил.

— Три, — считал Артемис, — два... один.

Датчик противопожарной системы зарегистрировал повышение температуры и дал команду восьми из двух сотен форсунок погасить пламя замороженной пеной.

Под ударом мощных струй пираты свалились с ног и палили вслепую — пули, звеня,

рикошетом отскакивали от стен и лестничных ступеней. Ударяясь о стальные перила, пули теряли свою кинетическую энергию и, дымясь, падали вниз. В коридоре температура пиратских скелетов за неполных десять секунд понизилась больше чем на сотню градусов, отчего кости стали хрупкими, как прессованные листья.

— Идем, — сказал Батлер и рванул вверх по ступенькам, врезаясь в дезориентированных пиратов, как разящий кегли шар боулинга. Невезучие берсерки рассыпались при первом ударе, разлетевшись на миллионы костяных кристалликов, круживших в воздухе, словно снежинки. Холли и Артемис последовали за телохранителем, мчась по коридору, круша ногами осколки костей и даже не задерживаясь, чтобы подобрать оружие — все равно пираты уже успели расстрелять все патроны, и оно стало бесполезным.

Как обычно, Артемиса во время бегства с боков прикрывали Батлер и Холли.

— Шевелитесь, — кричала приотставшая Холли. — Там должны быть еще, не расслабляйтесь.

Действительно, несколько пиратов находилось в бункере, и они были очень довольны собой.

— Это самая хитроумная штука, которую мы когда-либо проворачивали, — сказал старший группы, Пронк О'Чтейл. — Они явятся сюда, чтобы спрятаться от нас, а мы уже здесь.

Он собрал вокруг себя свою костяную команду.

— Повторим еще раз. Что мы делаем, когда услышим их?

— Мы прячемся, — ответили пираты.

— А что мы делаем, когда они явятся?

— Неожиданно выпрыгиваем, — радостно ответили пираты.

— Что поручено именно тебе? — спросил Пронк, указывая костяным пальцем.

Стоявший у стены и одетый в истлевшие остатки деревянного бочонка маленький пират, на которого указал Пронк, бодро отрапортовал:

— Хлопаю по этой кнопке, стальная дверь закрывается, и все мы будем заперты здесь.

— Хорошо, — похвалил его Пронк. — Очень хорошо.

В бункер из коридора и с лестницы донеслось звонкое стаккато выстрелов, отраженное сводчатыми потолками.

— Они приближаются, камрады, — сказал Пронк. — Помните: каждого из них следует убить несколько раз — для гарантии. Так что режьте их, пока у вас руки не отвалятся.

Пираты присели на корточки и затаились в темноте. Падавший снаружи свет тускло поблескивал на их клинках.

Покопайся Беллико поглубже в воспоминаниях Джульетты, она могла бы узнать, что бункер можно открыть или заблокировать снаружи, дистанционно или с помощью активируемой голосом программы. Но если бы и знала она об этом, что с того? Какой смысл людям отрезать себя от своего убежища? Бред сумасшедшего.

Батлер приостановился, проходя мимо двери бункера, и отчетливо сказал в маленький микрофон, установленный в стальной рамке:

— Батлер Д. Высшая категория допуска. Закрыть.

Тяжелая дверь скользнула вниз, полностью блокируя бункер и запирая внутри кучку пиратов. У Артемиса была секунда, чтобы взглянуть под дверь.

«Этот пират действительно в бочонке? — подумал он. — Да, сегодня меня сложно еще чем-то удивить».

Подойдя к открытой двери, ведущей в лабораторию и рабочий кабинет, Батлер вскинул вверх кулак. Не знакомый с военными сигналами, которые передаются с помощью рук, Артемис с размаха ткнулся в широкую спину охранника. К счастью, Артемис был недостаточно тяжелым, чтобы заставить Батлера сделать еще один шаг, который мог стать роковым — сестра телохранителя наверняка проткнула бы его своей стрелой.

— Понял, — прошептал Артемис. — Поднятый вверх кулак означает «Стоп!».

Батлер приложил к своим губам палец.

— А это означает «Заткнись», — шепнул Артемис. — Все ясно.

То, что шепот Артемиса был слышен за дверью лаборатории, стало понятно по последовавшей реакции. Эта реакция выразилась в форме алюминиевой стрелы, воткнувшейся в стенку и ушедшей в штукатурку, подняв облачко пыли.

Батлеру и Холли не нужно было обмениваться ни словами, ни взглядами. Оба они были опытными бойцами и знали, что луч-

шее время для атаки — короткий промежуток между выстрелами противника, стрелявшего в данном случае стрелами.

— Слева, — сказал Батлер, и этого было достаточно. В переводе для чайников это означало, что он берет на себя любых противников в левой половине комнаты, а правая сторона, таким образом, достается Холли.

Они, пригнувшись, влетели внутрь и сразу разделились.

Батлеру было легче — он был знаком с планировкой лаборатории и знал, что по логике лучшее место для укрытия находится позади длинного рабочего стола из нержавеющей стали, на котором Артемис ставил свои загадочные опыты и строил экспериментальные модели.

«Всегда хотел проверить, насколько надежно это укрытие», — подумал Батлер, бросаясь за стол, словно регбист, вступающий в схватку за мяч, решающий исход матча. Мимо его уха просвистела стрела, а в следующую секунду Батлер врезался в стол плечом, сдвигая тяжеленный предмет с места и обрывая подсоединенные к нему кабели, из которых посыпались искры и послышалось шипение газа.

Гобдоу взобрался на рабочий стол с короткой саблей в одной и пистолетом в другой руке, и в этот момент горючий газ поздоровался с оборванным электрическим кабелем. Прогремел взрыв, сбросивший берсерка с рабочего стола назад, на бархатные шторы.

Беллико быстро оценила ситуацию и бросилась к кабинету.

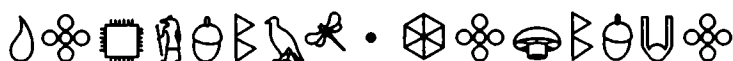
Увидев это, Батлер крикнул Холли:

— Я за Джульеттой. Скрути Майлса.

«Надеюсь, мальчик потерял сознание», — подумала Холли, но поняла, что ее надежды не оправдались, когда увидела, как Майлс Фаул выпутывается из бархатных штор. По его взгляду Холли поняла, что в теле Майлса по-прежнему находится берсерк, и он не намерен сдаваться. Теперь из оружия у него осталась лишь короткая сабля, но Холли знала, что берсерки сражаются до последней капли крови — даже если эта кровь, строго говоря, не их собственная.

— Не покалечь его, — попросил Артемис. — Ему всего четыре года.

Гобдоу оскалился, обнажая свои молочные зубы, которые Майлс благоговейно чистил зубной щеткой, сделанной в виде головы Эйнштейна с точащими из нее щетинками.

— Ты прав, предатель. Гобдоу всего четыре года, так что калечить меня нельзя.

Холли хотелось, чтобы Артемис держался подальше. Хотя выглядит этот Гобдоу совершенно невинно, боевого опыта ему не занимать, а по тому, как он крутит саблю в руке, ясно, что опыт он не растерял.

«Если бы этот парень был в своем собственном теле, мне бы несдобровать», — подумала Холли.

Проблема состояла в том, что у Холли сердце не лежало к этой схватке. Мало того, что перед ней был младший брат Артемиса, так внутри него находился еще сам Гобдоу, легендарный воин. Это он вынес раненого товарища через замерзшее озеро у Белланона. Это он скрылся в пещере, преследуемый двумя волками, и вскоре вышел из нее завернутым в их шкуры.

Сейчас Холли и Гобдоу кружили вокруг друг друга.

— Это правда насчет волков? — спросила Холли на гномском.

Удивленный Гобдоу на секунду сбился с шага.

— Те волки в Коули? Откуда тебе известна эта история?

— Смеешься, что ли? — ответила Холли. — Об этом все слышали. Это даже в школе проходят. Сказать по правде, меня уже тошнит от этой истории. Там двое волков было, верно?

— Да, их было двое, — ответил Гобдоу. — Правда, один из них оказался дряхлым.

Нападать Гобдоу начал на середине фразы, как, впрочем, и предполагала Холли. Его рука с клинком рванулась вперед, целясь в грудь противнице, но клинок не достиг цели — Холли сумела отбить его и в ответ сильно ударила Гобдоу по нервному сплетению дельтовидной мышцы, отчего его рука онемела и повисла от плеча, словно свинцовая трубка.

— Д'арвит, — выругался Гобдоу. — Ты хитра. Женщины всегда были коварными созданиями.

— Заткнись, — посоветовала Холли. — Ты мне нравишься все меньше и меньше, и это несколько упрощает мою задачу.

Гобдоу сделал три стремительных шага, вспрыгнул на старинный стул эпохи Регентства и схватил со стены одну из висевших там скрещенных пик.

— Осторожнее, Майлс! — по привычке крикнул Артемис. — Она очень острая.

— Острая, говоришь, Грязный мальчишка? Это хорошо, копье и должно быть очень острым.

Лицо воина перекосилось, словно он собирался чихнуть, и на секунду на его поверхность пробился Майлс.

— Это не копье, идиот! Это пика. А еще называешь себя воином, дубина.

Затем лицо вновь перекосилось, и вновь на нем появился Гобдоу.

— Заткнись, пацан. Я хозяин этого тела.

Эта короткая перепалка вселила в Артемиса надежду. Его братец был где-то здесь, и даже его язычок ничуть не притупился.

Гобдоу подсунул пикку под согнутый локоть своей здоровой руки и бросился в атаку. В его маленькой руке пика казалась большой, как турнирное рыцарское копье.

Гобдоу быстро закрутил пикой из стороны в сторону — ее наконечник сливался в сверкающий полукруг и сумел задеть локоть Холли, прежде чем она успела отступить на шаг назад.

Рана была не серьезной, но болезненной, а у Холли не оставалось магической энергии, чтобы быстро залечить ее.

— Хвала бороде Дану! — крикнул Гобдоу. — Берсерки пролили первую кровь!

Два бойца вторично сошлись лицом к лицу, но теперь Холли оказалась прижатой спиной к углу, что лишало ее маневренности, и смер-

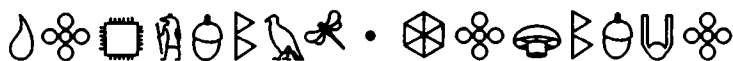
тельное оружие Гобдоу грозно приближалось к ней. Берсерк ухватил пику обеими руками, чтобы ускорить и сделать увереннее свои движения. Он придвинулся еще ближе, и теперь у Холли совсем не оставалось пространства для перемещения.

— Это мне не доставляет удовольствия, — сказал Гобдоу, — но и сожаления я тоже не испытываю. Ты выбрала своего червя, эльфиня.

«Выбрать своего червя» — это был намек на эльфийскую игру с жеванием земляных червей. Группа детей выкапывала пять земляных червей, и каждый, выбрав себе одного, клал его в рот и жевал. По статистике как минимум один из червей должен был находиться в стадии умирания, и тогда рот маленького эльфа наполнялся горькой вонючей гнилью. Но самое главное, по условиям игры каждый был обязан проглотить своего червя, иначе все его стали бы презирать. Если перевести слова Гобдоу на понятный людям язык, они звучали бы так: «Ты выкопала себе могилу, теперь ложись в нее».

«Плохо дело, — думала Холли. — Не вижу возможности отбиться от Гобдоу, не поранив Майлса».

Неожиданно Артемис взмахнул рукой и крикнул:

— Майлс! Наконечник пики стальной. Какое место занимает сталь в периодической таблице элементов?

Лицо Гобдоу перекошилось, и появился Майлс.

— Артемис, стали нет в таблице. Она не элемент, и тебе это хорошо известно. Сталь состоит из двух элементов: углерода и железа.

К концу последней фразы Гобдоу вновь перехватил контроль над телом, как раз к тому моменту, когда его руки уже были заломлены за спину, и на запястьях защелкнулись наручники.

— Ты провела меня, — сказал Гобдоу, так и не понявший до конца, каким же образом его перехитрили.

— Прости, Гобдоу, — извинилась Холли, поднимая его за воротник. — Люди честно не играют.

— А когда-нибудь они играли честно? — пробормотал Гобдоу, который в этот момент был бы счастлив покинуть голову Майлса Фаула, если бы поблизости было доступно другое тело-носитель.

«Неплохая уловка, — подумал он. — Дать бабочке расправить свои крылья и оставить их всех с носом».

Неожиданно глаза Майлса закатились, а его тело обмякло в руках Холли.

— Я полагаю, что Гобдоу ушел, — сообщила Холли. — Артемис, по-моему, твой брат вернулся к тебе.

Батлер загнал Беллико в кабинет, где она оказалась в двух шагах от защитного терминала и готова была отключить его. Она выбросила кулак назад, чтобы нанести удар из-за спины, но Батлер перехватил его, просунул свой локоть в изгиб ее локтя, и они, закружившись как танцоры, отодвинулись от терминала и свалились на ковер. Беллико выдернула свою руку и отскочила к стене.

— Тебе конец, — сказал Батлер. — Почему бы тебе не отпустить мою сестру?

— Сначала мы обе умрем, — ответила Беллико, настороженно осматриваясь.

Батлер продолжал стоять на своем.

— Если у тебя есть доступ к воспоминаниям моей сестры, покопайся в них. Ты никогда не сможешь победить меня. Она никогда не могла, а ты и подавно.

Беллико на мгновение замерла, копаясь в мозгу Джульетты. Все верно, Батлер легко побеждал сестру, причем тысячу раз. Его бой-

цовские таланты намного выше, однако... Походите. Вот воспоминание: большой мужчина лежит на спине, у него болит лоб. И он говорит:

«Ты поймала меня на этом ударе, Джул. Он был полной неожиданностью. Как твой большой старый брат мог защититься от него?»

Глаза Беллико загорелись огнем.

«О каком ударе говорит этот человек?»

Она углубилась в память Джульетты и нашла кату — комбинацию из сорока четырех движений, которую Джульетта Батлер разработала сама на базе учения Кано Джигоро, основателя школы дзюдо.

«Я нашла твое слабое место, человек».

Беллико дала памяти Джульетты возможность всплыть на поверхность и руководить движениями тела. Конечности Джульетты принялись безукоризненно выполнять кату.

Батлер нахмурился и принял боксерскую защитную стойку.

— Эй, что ты делаешь?

Беллико не ответила. В голосе большого человека прозвучала тревога, и этого было достаточно для Беллико, чтобы понять: она на правильном пути. Беллико кружила по каби-

нету, как балерина, и с каждым новым поворотом скорость ее движений все возрастала.

— Остановись! — крикнул Батлер, пытаясь уследить за движениями сестры. — Ты не можешь победить!

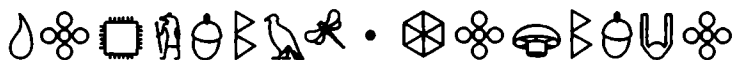
Беллико могла победить, она была уверена в этом. Тело этого старого мужчины не идет ни в какое сравнение с телом юным и сильным, которым обладала она. Она двигалась все быстрее, ее ноги сейчас едва касались пола, воздух свистел в нефритовом обруче на ее длинных, собранных в конский хвост волосах.

— Я даю тебе еще один шанс, Джульетта, или кто ты там есть. Остановись, или я должен буду ударить тебя.

Он блефовал. Он отчаянно, откровенно блефовал.

«Я выиграю», — подумала Беллико, чувствуя себя непобедимой.

На сорок втором движении Беллико высоко отбросила себя назад в воздухе и оперлась задней ногой о стену, резко меняя направление и поднимаясь выше. Затем она ринулась вниз на Батлера на огромной скорости, ее пятка превратилась в наконечник стрелы, направленной в нервное сплетение на шее Батлера.

«Сейчас вырублю этого человека и разломаю защитную панель», — подумала Беллико, заранее празднуя свою победу.

Батлер ударил по ее пятке своей левой ладонью, а пальцами правой руки ткнул Беллико в живот — достаточно сильно, чтобы сбить дыхание, потому что нет на всей планете бойца, который мог бы продолжать сражаться, когда его лишили возможности дышать. Беллико свалилась на ковер, как мешок с камнями, и застонала, свернувшись в клубок.

— Как? — выдохнула она. — Как?

Батлер поднял ее, схватив за воротник.

— Тогда у Джульетты был день рождения. Я просто позволил ей победить.

Он подтащил Беллико к защитному терминалу и уже набрал код, когда услышал позади себя частые звуки цокающих по паркету когтей. Их он узнал сразу.

«Теперь меня атакует собака».

Но он ошибся. Собака набросилась на Беллико, вместе с нею нырнула, сбив стальной ставень, сквозь окно кабинета, и они исчезли, оставив Батлера с лоскутом от платья Джульетты в руках. Батлер растерянно посмотрел на упавший ставень и подумал:

«Теперь я даже не знаю, жива моя сестра или нет».

Он поспешил к столу Артемиса и активировал камеры наружного наблюдения — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джульетта треплет собаку по голове и исчезает из вида — если он не ошибся, навстречу Опал.

— Пока жива, — пробормотал телохранитель.

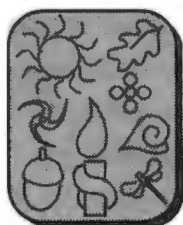
А там, где есть жизнь, остается и надежда. По крайней мере, еще на пару часов.

ГЛАВА 11

СМЕРТЬ ОТ КРОЛИКА

Под поместьем Фаул и чуть-чуть левее

Никого, будь он человек или эльф, не объявляли мертвым столько раз, сколько Мулча Диггамса, и он чрезвычайно гордился этим рекордом. По мнению Мулча, объявить его мертвым было для ПП наименее постыдным способом признаться в том, что он опять, в энный раз, ускользнул от них. В баре для беглых «Пьяный попугай» такие объявления ПП о признании кого-нибудь мертвым распечатывали и наклеивали на Стене героев.

Мулч бережно хранил воспоминания о том, как впервые имитировал свою смерть, чтобы сбить со своего хвоста полицейских ищеек.

«Боги мои, боги! Неужели с той поры прошло уже более двух сотен лет? Время летит

ганов категорически заявил, что: «Да, я убил его. Разумеется, это был несчастный случай. Я только хотел проучить этого гнома и чувствительно пнул его, но вы можете записать этого сосунка в мертвецы. Искать его никто не станет».

Так Мулч Диггамс впервые был объявлен покойником. Позднее еще двенадцать раз официально объявлялось о том, что он сыграл в ящик, а в данный момент он, неведомо как для самого себя, двигался по туннелю к очередной своей смерти — на сей раз неофициальной.

Полученные им инструкции были довольно просты. Выкопать туннель, параллельный тому, что недавно обрушился, прокрасться в разбитый «Купидон» и стащить любое оружие, которое найдется в оружейном ящике. Копать, прокрасться, стащить. Три из четырех самых любимых глаголов Мулча.

«Не понимаю, почему я взялся за это, — думал Мулч, копая. — По идее, я должен был бы сейчас двигать вниз, чтобы поискать для себя подходящую расселину. Они сказали, что смертельная волна Опал убьет только людей, но стоит ли рисковать ради такого сомнительного заявления великим даром жизни?»

Мулч знал, что слизал последнюю фразу с патти — песенок, которые горланят тролли, и злился на себя. Впрочем, Мулч всегда копал лучше, когда был раздосадован, даже если на себя самого. Поэтому гном молча пыхтел, продолжая прогрызаться сквозь землю к месту крушения шаттла.

Шестью метрами выше и в тридцати метрах южнее Опал Кобой погрузила свои ладони в замысловатые алгебраические чары второго замка Врат берсерков. Символы обвивались вокруг ее пальцев как огненные черви, и один за другим сдавались по мере того, как Опал расшифровывала их секреты. Одни формулы она просто подавляла силой своей черной магии, другие брала хитростью или с помощью различных магических трюков.

«Я близко, — думала она. — Я уже чувствую силу Земли».

Смертельная волна, как полагала Опал, должна будет выделиться в виде потока геотермальной энергии, причем идущей от всех ресурсов планеты, а не только от неглубоких гидротермальных резервуаров. Волна истощит ресурсы планеты и теоретически может погрузить Землю в следующий Ледниковый период.

«Я уцелею, — цинично думала Опал. — У меня, например, припасена пара отличных сапог с подогревом».

Работа была очень сложной, но выполнимой, и приносила Опал некоторое удовлетворение — приятно было сознавать себя единственной эльфийкой, которой оказалось по силам распутать узлы древней магии и открыть второй замок.

Первый замок был не в пример проще, чтобы открыть его, хватило лишь одного выброса черной магической энергии, но второй замок требовал энциклопедического знания всех тонкостей колдовства.

«Этот мнящий себя технологическим гением идиот Фоули никогда не справился бы с этим замком даже за миллион лет».

Опал не знала наверняка, так это или нет, но была в этот момент настолько довольна собой, что расслабила плечи и издала звук, похожий на мурлыканье.

«Все идет так хорошо».

Весь этот план был необычным даже по ее стандартам, но как бы то ни было, пока что каждая его деталь точно занимала в нем свое место. Вначале она собиралась принести в жертву свое молодое «я» и использовать при-

обретенную нечестным путем силу, чтобы совершить побег из Глубин. Затем ей стало ясно, что эту силу необходимо использовать почти немедленно, чтобы она не поглотила ее саму. Если так, почему бы не найти этой силе достойного применения?

Удобный случай представился Опал, когда она вошла в телепатический контакт со своим молодым «я».

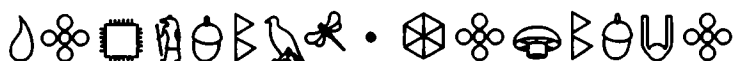
Однажды утром Опал находилась в глубокой очищающей коме, и — бах! — неожиданно в ее голове прозвучал голос, называвший ее сестрой и просивший о помощи. Ненадолго Опал решила, что сошла с ума, но мало-помалу стали накапливаться крупницы информации. Молодая Опал прибыла вслед за Артемисом Фаулом из прошлого.

«Я не помню этого, — размышляла Опал. — Следовательно, мое младшее «я» было схвачено и отослано назад, а сами эти события стерты из моей памяти».

Если только...

Если только действительно не возникла развилка времени. В этом случае возможным становилось буквально все.

Опал была удивлена, открыв, что ее младшее «я» такое плаксивое и даже надоедливое.

Неужели она действительно была настолько эгоцентричной?

«Это все я, я, я, — думала Опал. — Я поранила свою ногу во время взрыва. Моя магическая сила убывает. Я должна возвратиться в свое собственное время».

Но ничего нельзя было сделать, пока Опал находится в тюрьме.

«Все, что ты должна сделать — это вытащить меня отсюда, — передала она своему младшему «я». — Тогда мы осмотрим твои раны и отошлем тебя домой».

Легко сказать — но как сделать это? Этот проклятый кентавр Фоули заточил ее в самую продвинутую по технологическим меркам камеру в мире.

Ответ пришел и оказался очень простым: «Я должна заставить их освободить меня, потому что альтернатива будет ужаснее, чем можно вообразить».

Опал сражалась с этой проблемой несколько минут и пришла к выводу, что младшей Опал придется пожертвовать. Как только этот фрагмент занял свое место в головоломке, быстро стала понятна и вся остальная часть плана.

Пип и Кип были двумя зачарованными гномами, занятыми на гражданской службе. Совет

еще несколько лет назад послал их проверять отчетность на одной из фабрик Опал, и она загипнотизировала их с помощью запретных рун и черной магии. Одного звонка от младшей Опал было достаточно, чтобы активировать их преданность, даже если бы она стоила жизни одному из них, а то и обоим. Опал мысленно передала инструкции своему младшему «я» и четко объяснила, как следует организовать фальшивое похищение и как использовать остатки черной магии в организме младшей Опал, чтобы отыскать легендарные Врата берсерков.

Врата открывают дорогу в прошлое — во всяком случае, так утверждала старшая Опал.

Младшая Опал не могла знать, что инструкции для Пипа и Кипа очень специфичны. Внутри слов в инструкции был скрыт простой код, которым старшая Опал закрепила свои чары над гномами. Если бы младшая Опал додумалась заменить буквы послания простыми числами, она поняла бы, что на самом деле передает куда более зловещее сообщение, а именно: «Убейте заложницу, когда истечет указанное время».

Инструкции должны быть достаточно простыми, чтобы их поняли глуповатые гражданские служащие.

Все произошло именно так, как предвидела Опал, за исключением прибытия Фаула и Шорт. Но и это оказалось не так уж некстати. Теперь она сможет убить их тайно и собственноручно.

«У каждой медали две стороны».

Внезапно Опал ощутила прилив тошноты. Сначала пикси подумала, что черная магическая сила вступила в бой с ее собственными антителами, но потом поняла, что источник беспокойства находится извне.

«Что-то раздражает мои усилившиеся магические ощущения, — подумала она. — И это нечто где-то рядом».

Разбитый шаттл находился позади воинов, стоявших кругом, охраняя свою королеву.

«Под шаттлом. Что-то, обмазанное веществом, от которого меня тошнит».

Это был проклятый гном, желающий пожить тем, что ему не принадлежит, причем далеко не в первый раз.

Опал нахмурилась. Сколько раз ей уже доводилось терпеть унижения со стороны вечно пускающего газы гнома? Это невыносимо.

«Он послан, чтобы принести с корабля оружие, никаких сомнений».

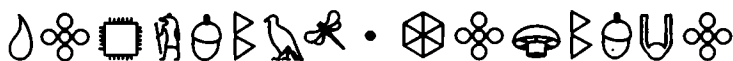
Опал подняла глаза на пятнадцать градусов, чтобы увидеть шаттл. Ее магическая сила вытянулась и обогнула фюзеляж «Купидона», как жирная змея. Эта трата энергии не поможет открыть второй замок, зато позволит наглядно продемонстрировать ее колоссальную мощь.

Опал вытащила свою руку из медленно всколыхнувшегося камня и сложила пальцы клешней, заставляя молекулы притягивать любую энергию внутри «Купидона». Энергия окутала шаттл мерцающей дымкой, смяла его и подбросила в воздух на глазах потрясенных берсерков.

— Смотрите, что может ваша королева! — воскликнула Опал, сверкая глазами. Ее тонкие пальцы скрутились, собирая энергию в острый клин, который она направила под землю, к тому месту, где копошился гном. Раздался глухой удар, в небо взлетели грязь и камни, и в земле образовался кратер.

Опал вновь перенесла свое внимание на второй замок.

— Ты видишь гнома? — спросила она у подошедшего к краю ямы Оро.

— Вижу одну ногу и немного крови. Кровь пульсирует, значит, он еще жив. Я спущусь и вытащу его.

— Нет, — сказала Опал. — Мамочка не хочет терять тебя из виду. Пошли земных существ убить его.

Если бы воля Оро не была намертво скована чарами пикси, он осудил бы Опал за то, что она то и дело неуважительно относится к тем, кто старше ее, и дает им унижительные задания. Как всегда, за свои непочтительные мысли в адрес королевы он был наказан ужасно болезненными спазмами в желудке.

Когда боль отступила, он поднес к губам два пальца, чтобы вызвать свистом своих диггеров. Оро обнаружил, что, оказывается, не так-то просто свистнуть, если у тебя не свои пальцы — вместо свиста у него получилось какое-то бульканье, и изо рта потекли слюни.

— Не понимаю этот сигнал, командир, — сказал Йезви Хан, бывший некогда непревзойденным во владении боевым топором гномом. — Перерыв на чашку чая?

— Нет! — заорал Оро. — Мне нужны мои диггеры. Подойдите сюда.

Дюжина кроликов шустро уселась у его ног. Их короткие усики дрожали от нетерпения —

берсерки изнывали от желания заняться наконец чем-то стоящим.

— Достаньте гнома, — приказал Оро. — Я мог бы сказать «Притащите его живым», но знаю, что вам это пришлось бы не по вкусу.

В знак согласия кролики дружно ударили задними лапами.

— Поэтому, — с ноткой сожаления продолжил Оро, — просто приказываю: убейте его!

Кролики кучей ринулись в яму, яростно роя землю лапами и устремляясь к раненому гному.

«Смерть от кролика, — подумал Оро. — Не лучший способ покинуть навсегда этот мир».

Смотреть на то, что произойдет дальше, Оро не хотелось, и он отвернулся. Гномы были частью подземного народца и при других обстоятельствах могли стать союзниками. За его спиной раздался хруст костей и стук осыпающихся комьев земли. Оро передернуло.

Стоя на возвышении, Опал почувствовала, что у нее отлегло от сердца, когда принял смерть еще один ее враг.

«Скоро придет и твоя очередь, Фоули, — подумала она. — Только твоя смерть будет не такой легкой. Возможно, ты уже страдаешь. Быть может, твоя прекрасная женушка уже

открыла подарок, который послали ей мои маленькие гномы».

И Опал запела, трудясь над вторым замком:

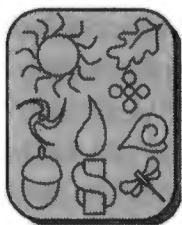
Хей, хей, хей,
Вот и настал день,
Когда все будет по-моему.

Опал не была твердо уверена в этом, но ей нравилась эта песенка из сериала про Пипа и Кипа.

ГЛАВА 12

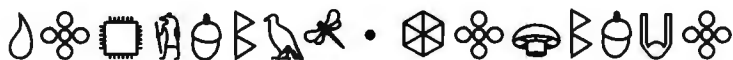

БАНДА ПРИДУРКОВ

Дела в Хэвен-сити обстояли ужасно, как никогда. Даже эльфы-эмбаты, способные четко воспринимать остаточные образы минувшего тысячелетия и любившие рассказывать эльфам-школьникам о том, насколько ужасной была жизнь по сравнению с нынешней, признавали, что настал самый мрачный день в истории Хэвена.

Жители города погрузились в беспросветную ночь — в буквальном смысле этого слова, поскольку в отсутствие электричества единственными огнями в городе оставались только аварийные лампочки, питавшиеся от старых геотермальных генераторов. Светящаяся слюна гномов неожиданно стала очень ценным товаром, поэтому многих сородичей Мулча можно было встретить теперь толкающимися

возле лагеря беженцев, разбитого возле статуи Листа папоротника, где они продавали банки со светящейся слюной за пару слитков золота.

Подземная полиция делала все, что было в ее силах, испытывая огромные трудности буквально во всем.

Главной проблемой была координация действий. Сеть камер наблюдения и коммуникаторов, подвешенная на тонких кабелях-паутинках под потолком пещеры, три года назад была переоборудована линзами, произведенными в лабораториях Кобой. Вся сеть оказалась охваченной огнем и дождем осыпала жителей Хэвена, многие из которых получили ожоги и травмы. Это означало, что из средств связи у ПП остались только древние радиостанции для переговоров. Некоторые молодые офицеры полиции никогда еще не выходили на дежурство без своих замечательных шлемов и теперь, без постоянно поступающей с Полис-плаза информации, чувствовали себя буквально голыми.

Половина работников ПП была брошена на борьбу с гигантским пожаром в лабораториях Кобой, вошедших в состав автомобильной компании Кром. Взрыв и последовавший за ним пожар обрушили значительную часть

кровли подземной пещеры — постоянно возрастающее давление породы пытались сдерживать с помощью пластигелевых пушек. Отряды ПП разгребали бульдозерами щебень и подпирали кровлю пневматическими колоннами, но огонь продолжал расплавлять металлические распорки. Были огорожены территории вокруг нескольких фабрик, где наблюдалась утечка из баллонов с токсичными газами.

Еще десять процентов офицеров ПП вели облавы на заключенных, бежавших из тюрьмы Хоулер Пик, в которой, пока не было разрушено ее защитное поле, содержалось большинство вожаков гоблинской мафии, стоявшей за преступными синдикатами Хэвена, а также их наемные убийцы и рэкетеры. Теперь эти гоблины рассеялись по глухим улочкам гоблинского квартала, а вживленные им под кожу контрольные чипы перестали откликаться на непрерывно посылавшиеся из Полицейского управления сигналы.

Некоторым сравнительно недавно посаженным в тюрьму гоблинам повезло меньше — им вживили контрольные чипы нового поколения, и они взорвались, проделав в их головах дырку, недостаточно большую, чтобы сквозь нее прошла монетка, но достаточную, чтобы

оказаться смертельной для этих холоднокровных созданий.

Большинство офицеров ПП были по уши заняты в спасательных операциях — они поддерживали порядок в городе, а также преследовали мародеров и преступников, число которых увеличивалось с катастрофической скоростью.

Остальные эльфы-полицейские оказались выведены из строя взорвавшимися у них в руках мобильными телефонами. Эти телефоны полицейские получили совсем недавно как подарок за победу в соревнованиях, хотя и не могли припомнить, что принимали в них участие. Несомненно, это была акция, предпринятая приспешниками Опал. Подобным образом зловредная пикси вывела из строя большую часть членов Совета, практически парализовав работу правительства в это труднейшее для города время.

Фоули с группой своих высоколобых умников остался на Полис-плаза, пытаясь каким-нибудь способом оживить коммуникационную сеть, сгоревшую в буквальном смысле этого слова. Командор Келп на секунду задержался,

выходя из двери, чтобы отдать распоряжения кентавру.

— Заставьте все работать, — сказал он, пристегивая к ремню четвертую кобуру. — И как можно быстрее.

— Вы не понимаете! — возразил Фоули.

Трабл оборвал его резким взмахом руки.

— Я никогда ничего не понимаю. Поэтому мы и платим вам и вашей банде придурков.

— Они не придурки! — вновь возразил Фоули.

Трабл нашел, наконец, на ремне место для еще одной кобуры.

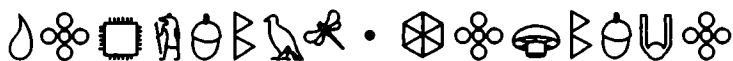
— В самом деле? Вон тот парень каждый день приходит на работу в какой-то дурацкой тюбетейке. А твой племянник, Мейн, говорит исключительно по-единорожьи.

— Они не все придурки, — поправил себя Фоули.

— Просто сделайте так, чтобы городские сети вновь заработали, — сказал Трабл. — Это жизненно важно.

Фоули загородил командору дорогу.

— Вы хотя бы понимаете, что старая коммуникационная сеть просто-напросто испарилась? Вы даете мне свободу действий и отде-

льваете общими фразами. Скажите конкретно, что я должен сделать?

— Делайте все, что сочтете необходимым, — ответил Трабл, отодвигая кентавра в сторону.

Фоули ухмыльнулся.

«Все, что сочтете необходимым? Отлично».

Фоули знал, что лучше всего продается товар, для которого сумели придумать подходящее название. Броское название привлекает инвесторов, вызывает любопытство у покупателей и помогает товару раскрутиться на рынке. А товар, название которого состоит из ряда цифр и букв, вызывает у покупателя только зевоту — такой товар никогда не будет пользоваться спросом.

Рабочее название нового изобретения Фоули звучало так: «Воздушный радиокодируемый светочувствительный прибор наблюдения Птеригота 2.0». Кентавр понимал, что любопытство инвесторов таким громоздким названием не разжечь. Богатый человек никогда не станет вкладывать свои деньги в товар, название которого не сможет ни правильно произнести, ни запомнить с первого раза. Поэтому Фоули придумал для своего прибора эффективное прозвище — АРК-лайтс.

АРК-лайтс были последней новинкой в серии экспериментальных биомеханических организмов, за которыми, как был убежден Фоули, будущее технологии. Кентавр встретил существенное сопротивление со стороны Совета, считавшего неэтичным соединением технологии с живыми организмами, хотя в ответ Фоули и напомнил, что большинство офицеров ПП уже имеют вживленные в их мозжечок маленькие чипы, помогающие полицейским управлять своими шлемами. В качестве контраргумента Совет нажимал на то, что каждый офицер имеет право решать: устанавливать ему эти импланты или нет, причем именно потому, что чипы были выращены Фоули именно таким способом.

В итоге Фоули не разрешили официально проводить свои испытания, однако это не означает, что он оставил затею. Фоули не демонстрировал свои удивительные АРК-лайтс, это верно, но считал, что на поместье Фаул запрет Совета не распространяется.

Весь проект АРК-лайтс умещался спрятанным от посторонних глаз в одном стареньком ящике для полевых испытаний, незаметно притулившемся на дальней полке в лаборатории. Сейчас Фоули встал на дыбы, чтобы до-

стать этот ящик, и с грохотом свалил его на свой рабочий стол.

Племянник кентавра, Мейн, подошел ближе, чтобы посмотреть, что происходит.

— Данг наварр, Онкль? — сказал он.

— Не говори сегодня на единорожьем, Мейн, — попросил Фоули, влезая в свою модифицированную офисную упряжь. — У меня нет времени.

— Единороги — наши кузены, дядя, — сложил на груди руки Мейн. — Мы должны уважать их язык.

Фоули придвинулся ближе к ящику, чтобы сканер мог идентифицировать его и разблокировать замки.

— Я очень уважаю единорогов, Мейн, но настоящие единороги не говорят. Эту галиматью ты подцепил из дешевых сериалов.

— Сценарии которых писали эмпаты, — веско подчеркнул Мейн.

— Послушай, племянник, — сказал Фоули, открывая ящик. — Если хочешь отрастить рог на лбу и ходить по субботам в гости к единорогам — дело твое. Но сегодня ты мне нужен в этом мире. Понятно?

— Понятно, — сердито буркнул Мейн, но сразу же повеселел, увидев, что находится в ящике. — Это криттеры?

— Нет, — ответил Фоули. — Криттеры — это микроорганизмы. А это АРК-лайтс. Следующее поколение.

Мейн прищурился, припоминая.

— Те самые, над которыми тебе запретили продолжать опыты?

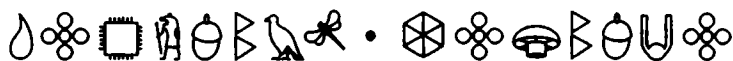
Фоули неимоверно раздражало то, что такой гениальный кентавр, как он, должен оправдываться перед каким-то помощником только потому, что тот — родственник его сестры.

— Я только что получил разрешение от командора Келпа. Это зафиксировано на видео.

— Вау! — обрадовался Мейн. — В таком случае давай посмотрим на этих маленьких приятелей в деле.

«Может, он не такой уж и плохой», — подумал о племяннике Фоули, вводя код активации на старомодной клавиатуре ящика.

Как только был введен код, ящик синхронизировался с настенным экраном лаборатории, который сразу же разделился на дюжину пустых экранчиков. В этом не было ничего особенного, и никого это не заставило бы хло-

пать в ладоши и кричать «Оооо!». А вот чему все должны будут аплодировать и чем будут восхищаться, так это роем миниатюрных генетически модифицированных стрекоз, просыпавшихся внутри ящика.

Насекомые затрясли своими еще не до конца проснувшимися головками и расправили крылышки, затем взмыли в воздух и зависли в абсолютно четком строю на уровне глаз Фоули.

— Ух ты! — сказал Мейн и хлопнул в ладоши.

— Погоди немного, — произнес Фоули, активируя сенсоры маленьких стрекоз. — И приготовься удивляться по-настоящему.

Облачко стрекоз затрепетало, словно по нему пробежал электрический разряд, и их крохотные глазки вспыхнули зелеными огоньками. На одиннадцати из двенадцати экранчиков появилось объемное изображение Фоули — под разными углами, так, как его видело каждое из насекомых. Стрекозки могли видеть не только в различимом спектре, но также в инфракрасном, ультрафиолетовом и тепловом диапазоне. На экранчиках постоянно менялся поток обновляющейся информации, показывая частоту пульса Фоули, его кровяное давление, тепло- и газообмен его тела.

— Эти малышки могут проникать повсюду и видеть буквально все. Они способны считать информацию даже с каждого микроба. А внешне все будут видеть только стайку стрекоз. Мои маленькие АРК-лайтс могут пролететь сквозь контрольные рентгеновские датчики в аэропорту, и никто не обнаружит, что это биомеханизмы. Они полетят, куда я их пошлю, и будут следить за тем, кого я им укажу.

— Этот блок пустой, — сказал Мейн, указывая на угол экрана.

— Я проводил пробы в поместье Фаул, — хмыкнул Фоули. — И Артемис каким-то образом смог обнаружить то, что фактически невозможно распознать. Я полагаю, что мои малышки, отвечающие за этот экран, лежат сейчас разобранными на кусочки под электронным микроскопом в его лаборатории.

— Я нигде не читал об этом в твоих докладных.

— Да. Я забыл упомянуть об этом. Тот опыт не увенчался полным успехом, это верно, но на сей раз все должно получиться.

Пальцы Фоули запорхали по клавиатуре.

— Сейчас я запрограммирую задание, а затем в считанные минуты мои АРК-лайтс установят наблюдение за всем городом.

Фоули приказал одной стрекозе опуститься на его палец.

— Тебе, малыш, особое задание. Ты отправишься ко мне домой, чтобы я мог убедиться в том, что все в порядке с моей дорогой Кабалиной.

Мейн наклонился, чтобы получше рассмотреть насекомое.

— И ты действительно можешь сделать это?

Фоули качнул пальцем, стрекоза поднялась в воздух и исчезла в вентиляционном отверстии лаборатории.

— Я могу сделать все, что пожелаю. Они даже закодированы на мои голосовые команды. Смотри, — Фоули откинулся в кресле и прокашлялся. — АРК-лайтс активационный код альфа альфа один. Я Фоули. Мое имя Фоули. Срочно перебазироваться на нижний уровень Хэвена. Сценарий три. Все секции. Глобальная катастрофа в городе. Летите, мои крошки, летите.

АРК-лайтс синхронно пронесли по воздуху, словно стайка серебристых рыбок, затем перегруппировались в плотный цилиндр и вылетели через вентиляционное отверстие. Их крылья пронесли вплотную со стеной,

отражая на экранах информацию о каждом ее сантиметре.

Театральность зрелища очень импонировала любителю комиксов Мейну.

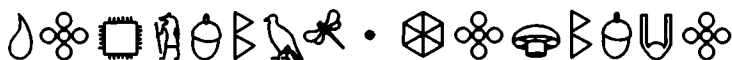
— Летите, крошки, летите. Отлично. Ты думаешь, они справятся?

Фоули начал анализировать информацию, потоком хлынувшую на экраны от его АРК-лайтс.

— Абсолютно, — сказал он. — Фоули всегда держит свое слово.

АРК-лайтс можно было управлять вручную, а находясь в автономном режиме, они сами направлялись к заранее заданным точкам на кровле городской пещеры. Крохотные биомеханические насекомые работали отлично, и уже через несколько минут у Фоули имелась функционирующая, подвешенная над Хэвеном коммуникационная сеть, которой можно было управлять с помощью слов или жестов.

— Теперь, Мейн, — сказал Фоули своему племяннику, — я хочу, чтобы ты на время занял мое место и поставлял командору Келпу информацию, — здесь он невольно поморщился, — по радио. А я ненадолго переключусь, чтобы взглянуть на твою тетушку Кабаллину.

— Мак дак джибал, Онкль, — ответил Мейн, салютуя. Никак иначе настоящий единорог просто не мог ответить.

У людей есть поговорка «Красота в глазу того, кто смотрит». В целом это означает, что если ты считаешь что-то красивым, то, значит, оно действительно красивое. Эльфийский аналог этой поговорки был оставлен потомкам великим поэтом по имени Б.О. Селекта, который сказал: «Даже самое ничтожное ничтожество может удостоиться царства». Есть похожая поговорка и у гномов: «Если не слишком воняет — женись». Звучит не так романтично, но по сути то же самое.

Фоули не нуждался в таких поговорках, поскольку для него воплощением красоты была его жена, Кабаллина. Если кто-нибудь когда-нибудь просил Фоули дать определение красоты, он просто опускал взгляд на свое запястье, а затем активировал встроенный в его наручный компьютер кристалл с голограммой, который тут же создавал в воздухе объемное изображение Кабаллины.

Фоули настолько любил свою жену, что вздыхал всякий раз, когда вспоминал о ней — а случалось это по несколько раз за час. Как

бы ни был кентавр поглощен своими делами, он сумел найти свою вторую половинку.

Любовь поймала Фоули в свои сети довольно поздно. Когда все остальные кентавры-ровесники резвились на искусственных пастбищах, разбрызгивали копытами грязь, писали СМСки хорошеньким юным кобылкам и посылали им в подарок засахаренные морковки, Фоули по самые подмышки был погружен в лабораторные опыты, пытаясь воплотить в жизнь переполнявшие его голову сумасшедшие изобретения. К тому времени, когда он вдруг понял, что любовь может пройти мимо него, она на самом деле уже скрылась за горизонтом. Тогда кентавр убедил самого себя, что никто ему и не нужен, и что главное в жизни — это верные друзья и интересная работа.

Потом, когда Холли Шорт затерялась в другом измерении, он повстречал в Полицейском управлении Кабаллину. По крайней мере, именно так рассказывал всем он сам. Но глагол «повстречать» здесь придется, пожалуй, признать неуместным, поскольку он подразумевает, что их встреча произошла в приятной или, по крайней мере, не слишком мрачной обстановке. На самом деле одна из созданных Фоули программ фейс-контроля в одной из

банковских камер наблюдения дала сбой, и идентифицировала Кабаллину как гоблинскую грабительницу банков. Кабаллина была немедленно схвачена накачанными пикси-охранниками, которые затем уселись на нее верхом и пригнали на Полис-плаза. А следует заметить, что, садясь верхом на кентавра, вы наносите ему смертельную обиду.

К тому времени, когда с путаницей вокруг программного сбоя разобрались, Кабаллина успела провести за решеткой более трех часов. Она пропустила торжественное чаепитие на дне рождения своей матери и готова была придушить того, кто заварил всю эту кашу.

Командор Келп вызвал Фоули и в совершенно непарламентских выражениях приказал ему спуститься в подвал с камерами и лично принести потерпевшей свои извинения.

И Фоули нехотя зацокал в подвал, проборматывая про себя набор стандартных извинений, но все они вмиг вылетели у него из головы, как только он увидел Кабаллину. Такой красавицы он не встречал никогда — с большими карими глазами, сильным широким носом и блестящей, свисающей до талии гривой.

— Это везение, — не задумываясь, выпалил он. — Характерное для меня везение.

Кабаллина, готовая спустить шкуру с идиота, из-за которого попала за решетку — и не только в переносном, но, пожалуй, и в буквальном смысле — оторопела и неожиданно для самой себя решила дать этому олуху шанс выбраться из ямы, которую он сам для себя выкопал.

— Что вы считаете характерным для своего везения? — надменно спросила она, давая понять, что от его ответа многое будет зависеть.

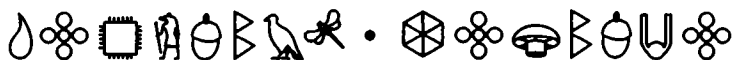
Фоули ответил, осторожно и тщательно подбирая слова.

— Характерным для моего везения является то, — сказал он наконец, — что я впервые встретил такую красавицу, как вы, и этой красавице больше всего на свете хочется сделать из меня лепешку.

Это был очень удачный ответ, а если добавить промелькнувшее в глазах Фоули страдание, то и очень правдивый.

Кабаллина решила смиростивиться над удрученным кентавром и слегка притушить свой гнев, но не собиралась так просто отпустить Фоули с крючка.

— А почему вы решили, что мне хочется сделать из вас лепешку? Считаете, что я похожа на преступницу?

— О, нет. Так о вас я никогда бы не смел подумать.

— В самом деле? Однако программа, которая идентифицировала меня как гоблинскую грабительницу банков, была составлена вами, по вашим меркам и представлениям.

«Какая остроумная леди, — подумал Фоули. — Остроумная и шикарная».

— Верно, — признал он. — Но я полагаю, виной всему второстепенные факторы.

— Какие, например?

Фоули решил идти напролом. Он чувствовал, что чем дольше смотрит на эту леди-кентавра, тем сильнее переклинивает его мозги. Пожалуй, точнее всего это можно было описать как низковольтный электрический шок, с помощью которого он приводил в чувство добровольцев, принимавших участие в его опытах по искусственной бессоннице.

— Какие? Положим, что моя машина оказалась беспросветной дурой, поскольку вы — полная противоположность гоблинскому грабителю банков.

Кабаллина была польщена, но еще не побеждена.

— А именно?

— А именно не принадлежащий к семейству гоблинов владелец банковского счета, который пришел, чтобы сделать вклад.

— Кем на самом деле я и была, чучело.

— Что? — вздрогнул Фоули.

— Чучело. Ваша машина — чучело.

— О, да. Абсолютно верно. Я немедленно разберу ее на части и переделаю в тостер.

Кабаллина прикусила губу, чтобы скрыть улыбку.

— Это для начала. Но вам придется еще немало потрудиться, чтобы мы были квиты.

— Понимаю. Если у вас в роду были преступники, я сотру эту информацию из всех баз данных. А если хотите, то могу сделать так, что вы вообще для всех исчезнете, мне это по силам, — Фоули заново продумал свою последнюю фразу. — Только не подумайте, что я собираюсь убить вас, у меня совершенно нет подобных намерений. Меньше всего в жизни я хотел бы видеть вас убитой. Совсем наоборот.

Кабаллина сняла висевшую на спинке стула сумку и перекинула через плечо, обтянутое отделанной бахромой блузкой.

— Вы сказали «совсем наоборот», мистер Фоули. Что вы имели в виду?

Фоули впервые за все это время взглянул ей прямо в глаза.

— Хочу, чтобы вы были счастливы и жили вечно.

Кабаллина двинулась к выходу, и Фоули подумал:

«Глупый осел. Ты все испортил».

Но она остановилась возле двери и бросила Фоули спасательный круг.

— У меня есть штрафной талон за парковку в неподобающем месте, который я оплатила, но ваши машины, похоже, имеют зуб на меня и утверждают, что я этого не делала. Вы должны проверить.

— Нет проблем, — сказал Фоули. — Считайте, что все уже улажено, а машина отправлена на слом.

— Я собираюсь рассказать обо всем своим друзьям, — произнесла Кабаллина, уже выходя за дверь. — Я собираюсь увидеться с ними на ленче в галерее Гувра в этот уик-энд. Вы любите живопись, мистер Фоули?

После того как она ушла, Фоули простоял как пригвожденный еще целую минуту, глядя в ту точку, где находилась голова Кабаллины в тот момент, когда она произносила свою последнюю фразу.

Позднее он сто раз прокрутил запись с камеры наблюдения, пока не убедился в том, что Кабаллина в самом деле недвусмысленно назначила ему свидание.

Теперь они были женаты, и Фоули считал себя счастливейшим чучелом на свете, и хотя город сейчас погрузился в кризис, равного которому не было в его истории, кентавр без колебаний выкроил минутку, чтобы взглянуть на свою прекрасную женушку, которая, вероятно, сейчас сидит дома и беспокоится о своем любимом муже.

«Кабаллина, — подумал он. — Скоро увидимся».

Почти сразу после свадьбы между Фоули и его женой установилась особая ментальная связь, которая часто наблюдается между близнецами.

«Я знаю, что ты жива», — думал Фоули.

Но это было все, что ему известно. Она жива, но могла быть ранена, схвачена, встревожена, она могла попасть в беду. Этого Фоули не знал. Но должен был узнать.

АРК-лайтс, посланный Фоули «проведать» Кабаллину, был выращен именно для этой цели и четко знал свое задание. Еще несколько

месяцев назад Фоули покрасил на кухне лазером угол потолка — это пятно будет маяком для стрекозы, даже если она окажется в сотнях километров от него.

Остальные АРК-лайтс Фоули подключил к главному операционному залу, где за ними мог наблюдать Мейн, после чего сосредоточился на АРК-лайтс Кабаллины.

«Лети, моя хорошая, лети».

Модифицированная стрекозка проскользнула сквозь вентиляционную систему Полицейского управления и помчалась над городом, передавая по дороге картины царящего в нем хаоса. На площадях и автострадах по-прежнему полыхали огни. От обрамлявших каждую улицу рекламных щитов остались одни обгоревшие остовы, а вытекающая из разрушенного водохранилища вода заполнила вкопанный в землю открытый амфитеатр почти до верхнего ряда сидений.

«Каких-нибудь пять минут Мейн сумеет продержаться, — думал Фоули. — Я спешу к тебе, Кабаллина».

АРК-лайтс пролетел в стороне от центральной площади к южному пригороду, который действительно напоминал деревню. Здесь небольшими рощицами росли генетически мо-

дифицированные деревья, а в самих рощицах даже обитали лесные звери, поголовье которых тщательно и постоянно отслеживалось — как только животных становилось больше, чем нужно, «лишних» из них переправляли наверх, на поверхность Земли. Жилища здесь были скромными, менее современными по архитектуре и располагались за границами зоны эвакуации. Фоули и Кабаллина жили в маленьком двухуровневом домике с кирпичными стенами и закругленными окнами. Домик был окрашен в осенние тона, а внутреннее убранство всегда казалось Фоули нарочито стилизованным «под старину», хотя он не мог и помыслить о том, чтобы упомянуть об этом при Кабаллине.

Фоули подтянул к себе клавиатуру и ловко управлял АРК-лайтс, вводя цифровые координаты — это казалось ему удобнее, чем управлять стрекозой с помощью джойстика или даже голосовых команд. Смешно, но Фоули, прославившийся как технологический гений, по-прежнему предпочитал использовать древнюю клавиатуру, которую сам сконструировал из оконной рамы еще на первом курсе университета.

Верхняя половина двери была приоткрыта, поэтому Фоули без труда провел свой АРК-

лайтс в глубь холла, украшенного плетеными настенными гобеленами, на которых были изображены ключевые моменты в истории кентавров, такие, как открытие огня королем Тургудом и случайное открытие пенициллина уборщицей конюшен Шэмми Сод, чье имя стало нарицательным для счастливиц, например: «Он второй раз подряд выиграл в лотерею, шэмми сод».

Стрекоза пролетела по коридору и обнаружила Кабаллину — она сидела на подстилке для занятий йогой и смотрела на зажатый в руке мобильный телефон. Кабаллина выглядела потрясенной, но невредимой и пролистывала меню на экране телефона в поисках работающей сети.

«Здесь тебе ничего не светит, любовь моя», — подумал Фоули, а затем отправил текст на ее телефон прямо с АРК-лайтс.

Текст гласил: «Здесь есть стрекозка, которая наблюдает за тобой».

Кабаллина прочитала сообщение и подняла голову, отыскивая стрекозу глазами. Чтобы помочь ей увидеть АРК-лайтс, Фоули заставил замигать стрекозу зелеными огоньками-глазками. Кабаллина подняла руку, и стрекоза опустилась ей на палец.

— Мой умница-муженек, — произнесла Кабаллина, улыбаясь. — Скажи, что случилось с нашим городом?

Фоули послал следующее сообщение и отложил в уме, что в следующей версии АРК-лайтс нужно предусмотреть двухстороннюю голосовую связь.

«Дома ты в безопасности. У нас произошла серия крупных взрывов, но все под контролем».

Кабаллина кивнула и спросила у стрекозы:

— Ты скоро вернешься?

«Не скоро. Ночь обещает быть долгой».

— Не волнуйся, дорогой. Я знаю, как ты им нужен. С Холли все в порядке?

«Не знаю. Мы потеряли контакт, но если кто и способен позаботиться о себе, так это Холли Шорт».

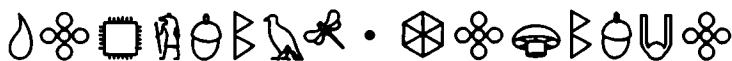
Кабаллина подняла палец, и стрекоза зависла у нее перед лицом.

— Ты тоже должен позаботиться о себе, мистер Технический консультант.

«Я постараюсь», — написал в ответ Фоули.

Кабаллина взяла с низкого столика перевязанный лентами ящичек.

— Пока тебя нет, я открою этот ящичек, который кто-то прислал мне. Как ты думаешь,

кто бы это мог быть, мой романтичный кентавр?

В своей лаборатории Фоули нахмурился — в нем шевельнулась ревность. Подарок? Кто мог прислать этот подарок? Ревность быстро сменилась тревогой. Ведь настал день великой мести Опал Кобой, а кого эта пикси ненавидела сильнее, чем его? Никого, пожалуй.

«Не открывай, — быстро написал он. — Я этого не посылал. Могут быть большие неприятности».

Но Кабаллине и не требовалось самой открывать ящичек. Встроенный таймер и анализатор ДНК среагировали, как только Кабаллина прикоснулась к нему, и сразу же зажужжал открывающий ящичек механизм. Крышка слетела, закрутилась в воздухе и со звоном ударилась о стену. Внутри ящичка не было ничего. Буквально ничего. Черное ничто, отталкивавшее, казалось, падавший на ящичек свет.

Кабаллина удивленно заглянула в ящичек.

— Что это? — спросила она. — Твой очередной прикол?

Больше Фоули не услышал ничего — тьма, или что там было в ящичке, поглотила АРК-лайт, оставив Фоули в неведении относительно дальнейшей судьбы его жены.

— Нет! — завопил он. — Нет, нет!

Что-то случилось. Нечто зловещее. Опал выбрала своей мишенью Кабаллину специально, чтобы он испытал смертельную муку. Он был уверен в этом. Сообщник пикси, кем бы он ни был, послал Кабаллине этот невинный на первый взгляд ящичек, но он на самом деле был далеко, далеко не безопасен — тут Фоули готов был биться об заклад, поставив на кон все свои две с лишним сотни патентов.

«Что она сделала?»

Кентавр умирал, мучимый этим вопросом, почти пять секунд, пока Мейн не просунул в дверь комнаты голову.

— Мы принимаем что-то странное с АРК-лайтс. Полагаю, тебе стоит вывести это на свои экраны.

— Не сейчас, тупой пони! — грохнул копытом Фоули. — Кабаллина в опасности.

— Тебе необходимо взглянуть на это, — настойчиво повторил Мейн.

Стальная нотка в тоне племянника заставила Фоули прийти в себя.

— Хорошо. Выведи на экраны, — сказал он.

Экраны немедленно ожили, и на них появился вид Хэвена с дюжины разных ракурсов.

Каждое изображение было черно-белым и усеянным многочисленными красными точками.

— Точки — это контрольные чипы сбежавших гоблинов, — пояснил Мейн. — АРК-лайтс способны засечь их излучение, но не могут активировать чипы.

— Но это хорошая новость, — раздраженно заметил Фоули. — Сообща координаты чипов наземным агентам.

— Точки движутся в беспорядке, но несколько секунд назад все они сменили направление. Одновременно.

Фоули знал теперь, что сделала Опал, и как ее оружие миновало сканеры почтовой безопасности. Она использовала ультразвуковую бомбу.

— И они направляются к моему дому, — сказал он.

— Точно, — нервно сглотнул Мейн. — С максимально высокой для них скоростью. Первая группа прибудет на место менее чем через пять минут.

Эту фразу Мейн договаривал в пустоту, поскольку Фоули в этот момент уже вылетел в дверь, грохоча копытами.

ГЛАВА 13

СЧАСТЛИВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

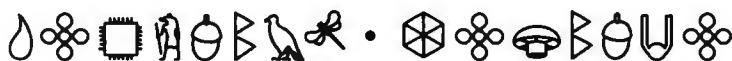
Поместье Фаул

Майлс Фаул сидел за столом Артемиса в офисном мини-кресле, которое старший брат подарил ему на день рождения. Хотя Артемис утверждал, что кресло сделано на заказ, на самом деле оно было куплено в «Эльф Аральто», знаменитом бутике, который специализировался на красивой и практичной мебели для эльфов.

Майлс понемногу приходил в себя, потягивая свой любимый напиток: сок акаи из бокала для мартини. Два кубика льда, и без соломинки.

— Это мой любимый напиток, — сказал он, промокая уголки губ носовым платком с вышитой на нем монограммой — девизом Фаулов: «Aurum potestas est» («Золото — это

власть»). — Я знаю это потому, что я — снова я, а не эльфийский воин.

Артемис сидел напротив него в похожем, но большем по размеру кресле.

— Это ты так говоришь, Майлс. Могу я тебя называть Майлс?

— Да, разумеется, — ответил Майлс. — Потому что это я и есть. Ты что, не веришь мне?

— Конечно, верю, малыш. Я узнаю лицо своего брата, когда вижу его.

Майлс покрутил ножку своего бокала для мартини.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, Арти. Не мог бы Батлер выйти на несколько минут? Тут дело семейное.

— Батлер член нашей семьи, и ты знаешь это, брат.

— Это я знаю, — надулся Майлс, — но вопрос щекотливый.

— Батлеру все известно. У нас нет от него секретов.

— Ну, на минутку-то он может выйти?

Батлер молча стоял за спиной Артемиса, слегка согнув руки в боевой стойке, что было совсем несложно с его предплечьями размером с окорок и треснувшими по швам, как старые стулья, рукавами.

— Нет, Майлс. Батлер останется.

— Хорошо, Арти. Тебе лучше знать.

Артемис откинулся на спинку своего кресла.

— Что случилось с берсерком, который был внутри тебя, Майлс?

— Он ушел, — качнул головой младший брат. — Сначала он управлял моей головой, а потом исчез.

— Как его звали?

Майлс закатил глаза, роясь в собственной памяти.

— Э-э... Мистер Гобдоу, я полагаю.

Артемис кивнул так, словно ему было отлично известно, кто такой этот Гобдоу.

— Ах, да. Гобдоу. Я слышал о Гобдоу от наших друзей-эльфов.

— Я думаю, его звали Гобдоу — Легендарный воин.

— Уверен, ему понравилось бы, что ты так о нем думаешь, — хихикнул Артемис.

— Потому что это правда, — сказал Майлс, слегка напрягая губы.

— Это не совсем то, что мы слышали, не так ли, Батлер?

Батлер ничего не ответил и не шелохнулся, но каким-то образом стало понятно, что он согласен с Артемисом.

— Нет, — продолжал Артемис. — Из наших эльфийских источников известно, что этот Гобдоу, честно говоря, был шутом гороховым.

Пальцы Майлса скрипнули на ножке его бокала.

— Шутом? Кто это сказал?

— Все так говорят, — ответил Артемис, открывая свой лэптоп и глядя на экран. — Так сказано в исторических хрониках эльфов. Вот, взгляни сам. Гобдоу Легковерный, так его звали. А в другой статье твоего приятеля-берсерка называют Гобдоу-Вонючка. Полагаю, так могли называть ничтожного человечка, на которого можно было свалить что угодно. У нас, людей, таких зовут простофилями или козлами отпущения.

Щеки Майлса вспыхнули.

— Вонючка? Вонючка, говоришь? Почему это меня... почему Гобдоу называют вонючкой?

— Согласен, звучит не ах, но вообще-то этого Гобдоу считают виноватым в том, что он уговорил своего вождя похоронить целый отряд берсерков вокруг Врат.

— Магических Врат, — поправил Майлс. — Которые защищают эльфийские уровни.

— Так говорили, но на самом деле эти хваленые Врата — всего лишь большая куча кам-

ней. Отвлекающий маневр. Берсерки провели десять тысяч лет, охраняя никому не нужные камни.

— Нет, — прищурил глаза Майлс. — Это не так... нет. Я видел Врата в воспоминаниях Гобдоу. Они были настоящими Вратами.

— Гобдоу Легковерный, — мягко рассмеялся Артемис. — Немножко грубо, но это же считалочка.

— Считалочка? — необычайно жестко для четырехлетнего мальчика переспросил Майлс.

— Да, школьная считалочка. Ты что, не слышал ее?

Казалось, что Майлс борется с собственным лицом.

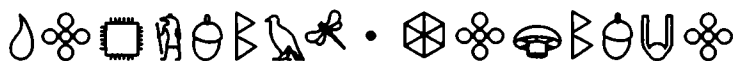
— Нет. Расскажи.

— Хорошо, — Артемис театрально откашлялся. — Слушай. «Гобдоу, Гобдоу, закопанный в земле, лежит он тут и охраняет палочки и камешки, которых никогда не найдут».

Артемис прикрыл рот ладонью, чтобы скрыть усмешку.

— Дети бывают такими жестокими, — заметил он.

Майлс лопнул дважды. Во-первых, лопнуло его терпение, и стало ясно, что на самом деле он Гобдоу, а во-вторых, лопнула ножка бокала,

и тот превратился в грозное оружие, сжатое в тонких пальчиках.

— Смерть людям! — завизжал он погномски, вскакивая на стол и бросаясь на Артемиса.

В бою Гобдоу любил мысленно представить себе удар перед тем, как нанести его.

Он находил, что это помогает ему сосредоточиться. Поэтому в своем воображении представил, что легко прыгает с края стола, приземляется на грудь Артемиса и вонзает в его шею свой стеклянный стилет. Это давало двойной эффект — можно было убить Грязного мальчишку и одновременно омыться артериальной кровью, что поможет ему принять немного более грозный вид.

На деле все получилось несколько иначе. Батлер шагнул вперед, сбил Гобдоу во время прыжка, выбил обломок бокала из его пальцев, а затем крепко обхватил своими могучими руками.

Артемис наклонился вперед в своем кресле.

— В считалочке есть и второй куплет, — сказал он. — Но, пожалуй, сейчас не время о нем вспоминать.

Гобдоу яростно сопротивлялся, но ничего не мог поделать. От безысходности он попытался гипнотизировать Артемиса.

— Ты прикажешь Батлеру отпустить меня, — нараспев произнес он.

— Сомневаюсь, — удивленно поднял бровь Артемис. — У тебя едва хватает магической силы даже на то, чтобы держать под контролем Майлса.

— Тогда убей меня, и покончим с этим, — произнес Гобдоу дрожащим голосом.

— Я не могу убить своего брата, поэтому должен извлечь тебя, не причинив вреда его телу.

— Это невозможно, человечиска, — глумливо ухмыльнулся Гобдоу. — Чтобы достать меня, ты должен убить мальчишку.

— Ты не в курсе, — назидательно сказал Артемис. — Есть способ изгнать твою злую душу без ущерба для Майлса.

— Интересно посмотреть, как тебе это удастся, — самодовольно сказал Гобдоу, но в глазах его мелькнула тень сомнения.

— Твое желание — закон для меня, и так далее, и тому подобное, — спокойно проговорил Артемис, нажимая кнопку настольного

интеркома. — Принеси это сюда, пожалуйста, Холли.

Дверь кабинета открылась, и в комнату вкатилась бочка. Казалось, что бочка катится сама собой, поскольку она полностью закрывала находившуюся позади нее Холли.

— Мне это не нравится, Артемис, — сказала Холли, изображая, как они и договаривались, «доброго копа». — Это грязное дело. Душа эльфа никогда не получит бессмертия, если погрузить ее в эту гадость.

— Предательница, — произнес Гобдоу, суча своими маленькими ножками. — Ты заодно с людишками.

Холли подкатила бочку на середину комнаты, двигая ее по паркетному полу и стараясь не задевать чудесные афганские ковры — на этом настаивал Артемис, когда в деталях планировал появление Холли в его кабинете.

— Я на стороне Земли, — проговорила Холли, глядя прямо в глаза Гобдоу. — Ты пролежал в земле десять тысяч лет, воин. За это время многое изменилось.

— Я просмотрел память этого мальчишки, — угрюмо ответил Гобдоу. — Людям за это время удалось разрушить почти всю планету. Поэтому не так уж сильно все изменилось.

Артеemis встал с кресла и отвернул запоры на крышке бочки.

— А ты видел также космический корабль, стреляющий пузырями из своих дюз?

Гобдоу быстро порылся в мозгу Майлса.

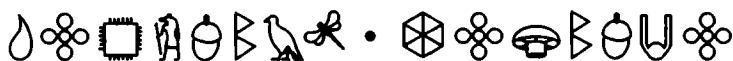
— Да. Он сделан из золота, не так ли?

— Это один из придуманных Майлсом проектов, — медленно произнес Артеemis. — Просто фантазия. Корабль на пузырях. Если ты еще глубже залезешь в воображение моего брата, ты найдешь там пони-робота, который выполняет все работы по дому, и говорящую обезьянку. Мальчик, в теле которого ты сидишь, Гобдоу, очень развит, но ему всего четыре года. В этом возрасте грань между реальностью и фантазией почти неуловима.

Надутая грудь Гобдоу опала, когда он в самом деле обнаружил пони и обезьянку в памяти Майлса.

— Зачем ты мне говоришь все это, человек?

— Хочу, чтобы ты понял: тебя обманули. Опал Кобой вовсе не спасительница мира, какой пытается показаться. Она — осужденная преступница, сбежавшая из тюрьмы убийца. Она хочет положить конец десяти тысячелетиям мирной жизни.

— Мирной жизни! — грубо расхохотался Гобдоу. — Мирлюбивые люди? Даже там, под землей, мы чувствовали вашу злобу.

Он завозился в руках Батлера — маленькая копия Артемиса с темными волосами и в черном костюмчике.

— Это вы называете миром?

— Нет, и я прошу прощения за то, как с тобой обращаются, но мне нужен мой брат.

Артемис кивнул Батлеру, и тот поднял Гобдоу над открытой бочкой. Маленький берсерк рассмеялся.

— Я провел под землей тысячи лет. Неужели ты думаешь, что Гобдоу испугается, если его заточат в бочку?

— Тебя не собираются заточать. Просто ты быстро утонешь, и ничего другого не требуется.

Гобдоу взглянул вниз, под свои болтающиеся ножки. Бочка была наполнена вязкой белевой жидкостью, покрывшейся сверху пленкой.

Холли отвернулась.

— Не могу смотреть. Я знаю, что при этом ощущаешь.

— Что это? — нервно спросил Гобдоу, чувствуя пятками исходящий от жидкости холодок.

— Это подарок от Опал, — пояснил Артемис. — Несколько лет назад она похитила с помощью этой самой бочки демоническую силу у колдуна. Я тайно держал эту бочку в подвале, поэтому ты о ней ничего и не знаешь, верно?

— Что это? — повторил Гобдоу.

— Пара натуральных магических ингибиторов, — объяснил Артемис. — Замедлителей роста, растворенных в животном жире. Мерзкая смесь, должен заметить. И мне очень жаль, что придется окунуть в нее моего брата — он так любит эти ботинки. Мы окунем его, и жир поглотит твою душу. Майлс вынырнет невредимым, а ты до конца вечности окажешься в аду. Не совсем та награда, которую ты рассчитывал получить за свою жертву.

В бочке что-то зашипело, и из нее вылетел сноп мелких электрических искр.

— Что это? — в третий раз спросил Гобдоу, и на этот раз от ужаса его голос поднялся на целую октаву.

— А, это второй магический ингибитор. Я попросил своего приятеля-гнома плюнуть в бочку, для пикантности.

Гобдоу удалось освободить одну руку, и теперь он колотил ею по бицепсу Батлера. С та-

ким же успехом он мог колотить по булыжнику.

— Я ничего не скажу вам, — заявил Гобдоу, но его маленький подбородок трясся от страха.

Артемис ухватился за голени Гобдоу так, чтобы они без помех пролезли в бочку.

— Знаю. Мне обо всем расскажет Майлс. Мне жаль, что приходится сделать это, Гобдоу. Ты был храбрым воином.

— Значит, все-таки не Гобдоу Легковерным?

— Нет, — признался Артемис. — Это я выдумал, чтобы заставить тебя раскрыться. Я хотел удостовериться.

Все это время Холли подталкивала Артемиса локтем.

— Берсерк, слушай меня, — сказала она. — Я знаю, что ты связан с Опал чарами и не можешь предать ее, но этого мальчика мы любому погрузим в бочку. Так что освобождай его тело и катись в свое посмертие. Больше тебе здесь делать нечего. Для грозного берсерка наступил бесславный конец.

Гобдоу обмяк в руках Батлера.

— Десять тысяч лет. Как много поколений. Холли притронулась к щеке Гобдоу.

— Ты сделал все, что от тебя требовалось. Отправиться теперь на покой — это не предательство.

— А может, этот человек просто играет со мной? Может, блефует?

— Бочка — не блеф, — передернула плечами Холли. — Однажды Опал заточила меня в ней. Я чувствовала себя так, словно моя душа больна. Спасайся, прошу тебя.

Артемис кивнул в сторону Батлера.

— Ладно, не будем откладывать. Погружай его.

Батлер крепко обхватил Гобдоу за плечи и начал медленно наклонять его.

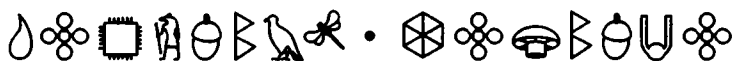
— погоди, Артемис! — крикнула Холли. — Ведь это эльфийский герой.

— Мне очень жаль, Холли, но у нас больше нет времени.

Пятки Гобдоу коснулись жира, и тут же вокруг ног берсерка, словно дикий виноград, обвились туманные усики. Теперь он понял, что это в самом деле не блеф. Его душа будет навеки заточена в этом ужасном жире.

— Прости меня, Оро, — сказал он, поднимая свои глаза к небу.

Душа Гобдоу покинула тело Майлса и, отливая серебром, взлетела в воздух.

Несколько мгновений она висела и казалась сконфуженной и встревоженной, затем луч света упал ей на грудь и начал сворачиваться, словно маленький циклон. И тогда Гобдоу улыбнулся, и вековые морщины стерлись с его лица. Вращающийся свет с каждым новым оборотом становился все ярче, захватывая расходящимися волнами руки, ноги, торс и, наконец, лицо Гобдоу — оно при этом приобрело выражение, которое можно назвать выражением блаженства.

Со стороны невозможно было смотреть на это становящееся призрачным лицо, не чувствуя зависти.

«Блаженство, — подумал Артемис. — Достигну ли когда-нибудь такого же состояния я сам?»

Торжественность момента нарушил Майлс, который яростно заболтал своими ножками, разбрызгивая капли жира.

— Артемис! Вынь меня отсюда! — потребовал он. — Это мои любимые мокасины!

Артемис улыбнулся. Его младший брат вернулся и полностью взял под контроль свое сознание.

Майлс не начинал говорить до тех пор, пока не вытер тщательно влажной тряпкой свои любимые мокасины.

— Этот эльф таскался по какой-то дряни в моих ботинках, — жаловался он, допивая второй бокал сока акаи. — Это же настоящие лайковые мокасины, Арти.

— Он не по годам развит, не так ли? — прошептал Артемис краешком губ.

— Кто бы спорил, — шепнул в ответ за его спиной Батлер.

Артемис подхватил Майлса и усадил его на край стола.

— Хорошо, малыш. Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что ты помнишь о своем похищении. Твои воспоминания скоро начнут рассеиваться. Это означает...

— Я знаю, что означает «рассеиваться», Арти. Мне, слава богу, уже не три года.

По своему долгому опыту Холли знала, что криком ни Майлса, ни Артемиса поторопить невозможно, но знала она и то, что от этого станет легче ей самой. Холли чувствовала себя опустошенной и вываленной в грязи после того, что она сделала с одним из самых блистательных воинов своего народца. Прикрик-

нуть на Грязных мальчишек — именно то, что нужно ей сейчас, чтобы слегка утешиться.

— Вы двое, не могли бы вы не тормозить? Мы не можем останавливать из-за вас всю операцию. Скоро утро настанет.

— Привет, эльфочка, — махнул ей рукой Майлс. — У тебя прикольный голос. Ты не надышалась гелия? Гелий — это, между прочим, инертный одноатомный газ.

— Хорошо, он твой брат, — фыркнула Холли. — Нам нужна информация, которая сохранилась у него в голове, Артемис, а не какой-то гелий.

— Да, Холли, — кивнул Артемис. — Я работаю над этим. Майлс, что ты помнишь о посещении Гобдоу?

— Я помню все, — с гордостью ответил Майлс. — Хочешь узнать о том, как Опал планирует уничтожить человечество, или о том, как она собирается открыть второй замок?

— Мне нужно знать все, Майлс, — сказал Артемис, беря брата за руку. — Начни с самого начала.

— Я начну с самого начала, пока воспоминания не станут рассеиваться.

И Майлс рассказал им все, и говорил так, словно был лет на десять старше своего воз-

раста. Он не отвлекался на мелочи и не спотыкался, и, казалось, ни на миг не беспокоился за свое будущее. Артемис не зря так часто повторял своему младшему брату, что ум в конечном итоге всегда побеждает, а ведь на всем белом свете не было человека умнее, чем Артемис.

К сожалению, сам Артемис после событий, произошедших за последние шесть часов, был уже не так уверен в своем собственном высказывании. А по мере того, как Майлс продолжал свой рассказ, Артемис начал подумывать о том, что даже его ума не хватит, чтобы привести к счастливому концу ту заварушку, в которой они увязли.

«Возможно, мы сумеем победить, — думал он. — Но этот конец вряд ли будет счастливым».

ГЛАВА 14

ДЕВЯТЬ ПАЛОЧЕК

Хэвен-сити, Нижние уровни

Пока Фоули бежал, у него в голове еще не сложился план действий. Он твердо знал только одно: ему нужно как можно скорее оказаться рядом с Кабаллиной, и не важно, как именно он это сделает. Не важно, чего это будет стоить.

«Вот что делает любовь», — подумал он и в этот момент понял, почему Артемис похитил эльфа, чтобы добыть деньги на поиски своего отца.

«Рядом с любовью все остальное становится не имеющим значения».

Даже в этом, разваливающемся на куски мире Фоули мог думать только об одном — о Кабаллине.

«Гоблины-уголовники сходятся к нашему дому».

Опал знала, что, работая консультантом в ПП, Фоули обязательно потребует, чтобы вся доставляемая ему в дом корреспонденция проходила стандартную процедуру сканирования. Поэтому она послала красивую коробку, которая для сканеров казалась пустой, хотя на самом деле ни одна коробка не бывает пустой абсолютно. Эта коробка, например, была набита микроорганизмами, вибрировавшими с высокой частотой, производя ультразвуковой сигнал, который мешает наблюдению и буквально сводит гоблинов с ума, и они становятся готовы на все, чтобы только прекратить его.

Гоблины — тупые создания, даже лучшие из них. За все время лишь один гоблин выиграл приз на научной олимпиаде, да и тот у него отобрали, потому что этот гоблин, как оказалось, был получен в результате генетического эксперимента и сам себя записал в участники конкурса.

Ультразвуковая бомба Опал полностью подавляла у гоблинов высшие функции мозга и превращала их в хищных, изрыгающих пламя ящеров. Фоули хорошо знал об этом, поскольку предлагал в свое время ПП мини-версию ультразвуковой бомбы как средства индивидуальной защиты, отпугивающего преступников,

но Совет отклонил его заявку из-за того, что такая бомба могла вызывать сильные кровотечения из носа у ее владельцев.

Восемьдесят процентов Полицейского управления было превращено в руины, уцелел лишь верхний этаж, зацепившийся за край образовавшейся ямы, как плоская улитка. Нижние этажи обрушились на расположенные ниже площадки, зарезервированные для парковки, и теперь превратились в небрежно сложенную из битых камней пирамиду, которая дымилась и искрилась. По счастью, крытый мост, ведущий к прилегающей парковке, хотя и пострадал, но не слишком сильно. Фоули пробежал по этому мосту, стараясь не смотреть на зияющие дыры, в которых можно было сломать копыто, и стараясь не слышать плачущий скрип металлических распорок, провисавших под тяжестью собственного веса.

«Не смотри вниз. Только на дальний край моста».

Когда Фоули бежал, секции моста складывались у него за спиной, и, словно отвалившиеся фортепианные клавиши, со звоном обрушивались в бездну. Автоматическая дверь на другом конце моста оказалась заклиненной

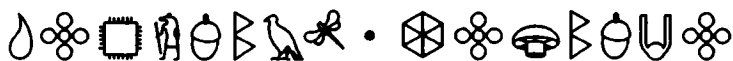

скрученным куском рельса и дергалась то вперед, то назад.

Фоули хватило зазора, чтобы протиснуться сквозь дверь и, едва переводя дыхание, растянуться на полу четвертого этажа.

«Ну и ну, — подумал он. — И такие вот штуки Холли приходится проделывать каждый день?»

Слегка отдышавшись, Фоули поспешил, подгоняемый рушащимися стенами и вонью от горящих машин, через стоянку к своему фургону, припаркованному с самого края, у выезда на шоссе. Фургон был древний, потрепанный, даже не верилось, что он принадлежит кентавру, разработавшему для города столько технологических усовершенствований. Если кто-то узнавал, что фургон принадлежит Фоули, он думал, что кентавр просто замаскировал свою машину под старинную рухлядь, чтобы сбивать с толку угонщиков. Но нет, его фургон в самом деле был старинной рухлядью — это страшилище следовало бы поменять еще лет двадцать, а то и тридцать назад. Но как декораторы никогда не украшают свои дома, так и Фоули, придумавшему массу усовершенствований для автомобилей, никогда не было дела до того, на чем ездит он сам.

Конечно, эта колымага каждый день доставляла Фоули неприятности — шум двигателя превышал установленные законом ограничения, а еще клаксон этого фургона любил ни с того ни с сего подавать хриплые звуковые сигналы. Но сегодня такие антикварные доходяги оказались единственными во всем городе автомобилями, оставшимися на ходу и не зависевшими, что очень важно, от существовавшей в Хэвене автоматизированной системы магнитных направляющих рельсов.

Фоули открыл бипером передние дверцы, повернулся спиной к кабине и подождал, пока эластичная сбруя не выдвинется и не пристегнет его лошадиный торс. Непрестанно пикая, сбруя обернулась вокруг кентавра, а затем утянула его в кабину.

Когда похожие на крылья жука дверцы сложились вниз, сенсоры фургона распознали присутствие Фоули и автоматически запустили двигатель. Обычно посадка в автомобиль занимает несколько секунд, однако требуется несколько больше времени, если у вас шесть конечностей и хвост, который ученые считают седьмой конечностью кентавра или, по крайней мере, придатком.

Фоули вытянул из слота на щитке автомобиля металлическое рулевое колесо, положил

на него свое копыто и громко крикнул в подвешенный на уровне головы экран навигатора:

— Домой!

На экране появилось лицо самого Фоули — в свое время кентавр установил в навигатор чип, который запрограммировал на все параметры собственной личности. В приступе самовлюбленности, наверное.

— Обычным путем, красавчик? — поинтересовался навигатор голосом самого Фоули, дружелюбно подмигивая хозяину.

— Нет, — ответил Фоули. — Игнорировать ограничения скорости и параметры безопасности. Двигаться максимально быстро. Под свою ответственность снимаю все остальные ограничения.

Будь у навигатора руки, он, несомненно, потерял бы их от радости.

— Как долго я мечтал услышать это, — сказал навигатор, принимая на себя управление автомобилем.

Что-то не так было с красивым инкрустированным ящичком, который держала в руке Кабаллина. Ей показалось, что внутри него кружит какое-то маленькое облачко, вибрирующее как пчелиный рой, но при этом не из-

дающее ни единого звука. Затем у Кабаллины заныли зубы, заслезились глаза, и появилось такое ощущение, словно невидимые ногти царапают у нее внутри черепа.

«Дико, конечно, но ощущение именно такое».

Кабаллина отшвырнула ящичек, но маленькое темное облачко уже успело выскользнуть из него и обвиться вокруг ее запястья. Ящичек закатился под мраморный кофейный столик — окаменевшую гигантскую поганку, которую Холли однажды назвала «настолько стереотипной, что кричать хочется», — и теперь лежал там, испуская нечто, заставлявшее нервы Кабаллины встать дыбом.

— Что это, дорогой? — повернулась она, чтобы задать этот вопрос маленькому АРК-лайтс, но стрекозка лежала мертвой на полу, и от ее головы поднимался крошечный завиток дыма.

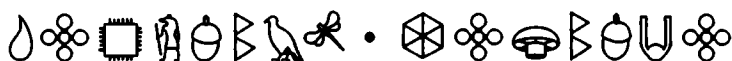
«Все дело в этом ящичке», — догадалась Кабаллина. Чем бы ни была эта штуковина, ее явно прислал не Фоули. С ящичком что-то было не так, и теперь это нечто прилепилось к ее руке. Кабаллина была не из пугливых, однако почувствовала, как от ощущения приближающейся опасности у нее немеют ноги.

«Что-то должно произойти. Нечто такое, что ужаснее всего, что уже произошло сегодня».

Многие эльфы сломались бы под тяжестью таких зловещих обстоятельств, но если мир ожидал такой реакции от Кабаллины Вандерфорд Пэддокс Фоули, то он ошибался, поскольку одной из черт ее характера, которая больше всего нравилась Фоули в его жене, был неукротимый бойцовский дух. И этот дух Кабаллина поддерживала не только с помощью одних позитивных размышлений. У нее был голубой пояс мастера древнего кентаврийского боевого искусства Девяти палочек. В этом бою оружием служили не только конечности, но также голова и хвост. Кабаллина часто занималась в спортзале Полицейской академии вместе с Холли Шорт и однажды ненароком так лягнула Холли, что та пролетела сквозь обтянутую рисовой бумагой ширму. Это случилось, когда Кабаллине ни с того ни с сего вдруг вспомнился один ее старый бойфренд.

Кабаллина рысью подбежала к запертому высокому комоду в спальне и приказала ему открыться. Внутри лежал Голубой пояс, который Кабаллина быстро надела поперек груди. Сам пояс в бою был бесполезен, иное дело лежавший рядом с ним длинный гибкий бамбуковый прут. Кабаллина взмахнула им, со свистом разрезая воздух. В умелых руках такой

прут легко мог содрать даже толстую шкуру со спины тролля.

Прикосновение прута к ладони успокоило Кабаллину, и она даже подумала, что, наверное, глупо выглядит, стоя здесь при всех регалиях мастера Девяти палочек.

«Ничего плохого не происходит. Я просто перенервничала».

И тут входная дверь дома взорвалась.

Навигатор гнал машину Фоули словно маньяк, хрипло горлая при этом какие-то дикие песни — Фоули что-то не припоминал, что заносил их в память навигатора. Как бы ни был кентавр поглощен кошмарными видениями Кабаллины, попавшей в лапы изрыгающих огонь гоблинов, он не мог краешком сознания не фиксировать открывающиеся за окном картины жуткого разрушения. Повсюду над городом поднимались густые клубы дыма и плясали голубые язычки пламени. Офицеры ПП пробирались через завалы, отыскивая уцелевших, а десятки городских достопримечательностей превратились в дымящиеся руины.

— Полегче, — сказал Фоули, шлепнув ладонью по навигатору. — Я мало пользы принесу Кабаллине, если приеду к ней мертвым.

— Не дрейфь, чувак, — развязно ответил навигатор. — Не факт, что твоя помощь вообще понадобится. Кабаллина владеет искусством Девяти палочек. А ты что можешь? Будешь махать клавиатурой?

«Чувак?» — подумал Фоули, сожалея о том, что установил экспериментальный чип, наделивший навигатор индивидуальностью. Однако навигатор был прав. Что, собственно, он, Фоули, собирается делать? Будет настоящей трагедией, если Кабаллина погибнет, пытаясь спасти его. Неожиданно Фоули ощутил себя телохранителем, который страдает водобоязнью. Действительно, чем он может быть полезен в сложившейся ситуации?

Навигатор словно читал его мысли, что было в принципе невозможно, однако Фоули решил на всякий случай запатентовать свой чип — а вдруг ему случайно удалось изобрести робота-телепата?

— Соберись с силами, чувак, — сказал навигатор.

«Разумеется, — подумал Фоули. — С силами. И каковы же мои силы? И где они?»

А были его силы в задней части фургона, куда Фоули сваливал сотни незаконченных и полулегальных моделей и запасные части. Вспомнив о них, Фоули подумал, что в фур-

гоне у него имеются штуковины, которые даже от простого столкновения друг с другом способны пробить дыру в потоке времени. Об этом он давно уже решил забыть, иначе пришлось бы освобождать весь фургон от хлама.

— Продолжай вести машину, — приказал Фоули навигатору, отстегивая ремни и пятясь по маленькому переходу, соединявшему кабину с задней частью фургона. — Мне нужно посмотреть сзади.

— Все понял, чувак, — жизнерадостно ответил навигатор за секунду перед тем, как пронестись по горбату мостику, находившемуся рядом со стоматологической клиникой и потому сделанному в виде гигантского коренного зуба.

«Этот чип, должно быть, поврежден, — подумал Фоули. — Я никогда не был таким безрассудным и совершенно точно никого и никогда не называл чуваком».

Когда входная дверь взорвалась, Кабаллина рассвирепела. Во-первых, дверь была сделана из редкого розового дерева, доставляемого с поверхности, из Бразилии. Во-вторых, дверь была открыта, и только последний идиот стал бы взрывать то, что и так не заперто. Теперь

дверь придется восстанавливать, но такой же, как прежде, она уже не будет, даже если удастся найти и собрать все щепки до единой.

Кабаллина бурей примчалась в холл и нашла здесь рехнувшегося гоблина, который полз на четвереньках к гостинной, выпуская из своих плоских ноздрей струйки дыма. Своей похожей на голову ящерицы башкой гoblin мотал так, словно у него внутри черепа зудела надоедливая муха.

— Как ты посмел! — крикнула Кабаллина, нанося меткий удар по голове напоминавшего ящерицу создания. Удар, который буквально вытряхнул гоблина из его шкуры, которая находилась в стадии линьки.

«Дело сделано», — подумала Кабаллина, считая, что битва закончена, но тут в темном дверном проеме возник второй гoblin, мотавший головой точно так же, как предыдущий. Еще два гоблина заскреблись в окно, и еще что-то зацарапалось в мусорном ящике.

«Не может быть. Откуда они взялись?»

Кабаллина повернулась спиной к стоявшему в дверном проеме гоблину и нанесла ему двойной удар задними копытами, от которого он выплюнул из пасти облачко дыма и отлетел назад, через забор, словно утянутый невидимым тросом. Затем она двумя молниенос-

ными ударами бамбуковой трости проделала две дыры в окне, сбив с подоконника двух гоблинов. Окно недавно было покрашено, и теперь сквозь появившиеся в нем пробоины Кабаллина увидела еще десятки приближающихся к дому гоблинов. Ее охватило чувство, близкое к панике.

«Надеюсь, Фоули не явится сюда, — подумала она, сгибая колени, чтобы принять боевую стойку. — Не думаю, что мне удастся спасти нас обоих».

Тем временем Фоули возился в задней части фургона, ища что-нибудь, что угодно, что могло бы спасти его любимую жену.

«Даже если я позову кого-нибудь на помощь, — думал он, — то он, как говорится, попадет из огня да в полымя. Нет, пусть уж это буду только я».

Фургон был забит всевозможным мусором — корпусами для роботов, банками для образцов, инкубаторами, источниками питания и частями биомеханизмов.

«И никакого оружия. Хоть бы один пистолет».

Он нашел банку с биогибридными глазами, которые пялились на него, и банку, полную

какой-то жидкости — что это за жидкость, Фоули уже не помнил.

— Удачно? — спросил голос навигатора из настенного динамика.

— Не совсем, — ответил Фоули. — Сколько нам еще ехать?

— Две минуты, — незамедлительно откликнулся навигатор.

— Сможешь подворовать хотя бы минутку?

— Смогу, если перееду пару-тройку пешеходов.

— Нет, лучше не надо, — подумав, ответил Фоули. — Не помнишь, здесь, сзади, не завалялась плазменная пушка?

— Нет. Ты подарил ее детскому дому.

Фоули не стал тратить время на размышления о том, зачем ему потребовалось дарить плазменную пушку детскому дому, вместо этого он продолжил копаться в куче хлама.

«Если бы у меня был час времени, я бы успел собрать что-нибудь, но за две минуты?»

Оптоволоконные кабели. Переключатели. Куклы Вуду. Камеры.

«Ничего стоящего».

В самом дальнем углу фургона Фоули обнаружил старую литиево-ионную магическую батарею, которая давно должна была разрядиться, и с гордостью похлопал по ней ладонью.

«С твоими подружками мы когда-то совершили знаменитую остановку времени в поместье Фаул».

Фоули замер. Остановка времени!

Он может остановить время и заставить все живое, что окажется внутри сферы, застыть на месте. Но только если батарея еще работает. Правда, остановка времени требует сложных расчетов и точного выставления векторов. Без них время в пригороде не остановить.

«В нормальных условиях — нет. Но ведь сейчас условия нельзя назвать нормальными».

Нужно сосредоточиться. Диаметр сферы не должен быть шире диаметра участка, на котором стоит дом. Почти чистая магия.

— Я вижу, что ты смотришь на эту магическую батарею, — заговорил навигатор. — Хочешь устроить остановку времени, не так ли, чувак? Но для этого нужно получить не менее дюжины разрешений из самых разных мест.

Фоули синхронизировал таймер батареи с компьютером навигатора — трюк, который Холли не освоила бы и за миллион лет.

— Нет, — сказал он. — Это сделаешь ты.

Шкура Кабаллины покрылась ожогами, на ее задних ногах появились отметки от зубов, но она не сдавалась. Теперь ее окружало не менее

десятка гоблинов, скрежетавших зубами, бешено вращавших глазами, явно сходявших отчего-то с ума. На крыше еще были гоблины — они прогрызались внутрь дома, а все окна и дверь были забиты копошащейся массой тел.

«Настает время сказать «прощай», — подумала Кабаллина, твердо решившая уничтожить как можно больше этих ящериц до того, как окажется погребенной под кучей их копошащихся тел.

«Прощай, Фоули, я люблю тебя», — подумала она, надеясь, что это мысленное послание каким-то образом достигнет ее мужа. А в следующую секунду его фургон с треском проломился сквозь стену дома.

Навигатор моментально понял все инструкции Фоули.

— План для чокнутых, — безапелляционно заявил навигатор, — но я его выполняю.

— Отлично, — сказал Фоули, перебираясь в кресло и пристегиваясь. — И ты сделаешь это.

— Я люблю тебя, чувак, — произнес навигатор, и по лицу Фоули на экране скатилась виртуальная слеза.

— Успокойся, железка, — приказал Фоули. — Увидимся через минуту.

Все, что происходило дальше, Кабаллина воспринимала как сквозь дымку — настолько быстро разворачивались события. Рабочий фургон ее мужа протаранил стену дома и влетел внутрь него, раздавив при этом полдюжины гоблинов. Дверь кабины была открыта, и из нее свисала защитная сбруя, но у Кабаллины не было времени на то, чтобы осознать все это — она отпрянула назад и закрыла лицо ладонями.

— Привет, дорогая, — сказал Фоули, пытаясь казаться безмятежным, но его нервное напряжение выдавал выступивший над бровями пот.

От удара фургон развалился пополам, его заднюю часть заклинило, а передняя, наклонившись, протаранила противоположную стену.

— Мой дом! — воскликнула Кабаллина, обращаясь к сиденьям фургона. На его дверцы сыпалась штукатурка со стен, а по экрану на лобовом стекле бежали искры.

Фоули хотел вручную отогнать переднюю часть фургона и остановить ее на безопасном расстоянии от дома, но разбитые автомобили часто ведут себя самым непредсказуемым образом. Этот фургон, например, настоял на том, чтобы проехать на боку по всему двору, и уткнулся колесами в семейный склеп, в котором покоились останки нескольких предков Фоули.

На какое-то время гоблины пришли в замешательство, но затем их измученные органы чувств вновь ощутили ненавистное ультразвуковое излучение, идущее от руки Кабаллины, и они повернули головы в сторону передней части фургона. Гоблинов теперь собралось столько, что они напоминали одно гигантское, покрытое зелеными чешуйками, животное. И каждый гоблин при этом раздувал свою грудь, готовясь выдохнуть из себя огненный шар.

— Замечательное спасение. Жаль, что оно не увенчалось полным успехом, — сказала Кабаллина. — Но я по достоинству оценила твой поступок.

— погоди немного, — произнес Фоули, помогая жене подняться на ноги.

И прежде чем вылетел первый огненный шар, из задней части фургона сверкнул голубой магический луч. Он поднялся на шесть метров в высоту, затем сплюснулся, как шляпка гриба, в полусферу студенистой эктоплазмы и накрыл дом и участок Фоули.

— беру свои слова обратно, — проговорила Кабаллина. — Это было впечатляющее спасение.

Фоули едва успел поместить руку Кабаллины в защитную перчатку и сказать сбежавшимся соседям, что опасность миновала, как

остановка времени закончилась, и перед их глазами предстала большая группа покорных гоблинов.

— Фоули! — крикнула Кабаллина. — Голубое силовое поле погасло.

— Не волнуйся, — успокоил ее Фоули. — Их сводила с ума твоя рука, но я заглушил сигнал. Теперь мы в безопасности.

Когда ошеломленные гоблины стали выбираться из руин, которые совсем недавно были ее домом, Кабаллина прикрыла собой, как щитом, своего мужа.

— Они по-прежнему преступники, Фоули.

— Их время кончилось, — ответил он. — Это была концентрированная остановка времени. Почти стопроцентно чистая. Пять секунд для нас были пятью годами для них.

— И они исправились? — спросила Кабаллина.

— Исправились, — сказал Фоули. — Насколько возможно.

Он пробрался через огоньки и груды щебня, в которые превратился его дом, к ошеломленным гоблинам, и сказал, направляя их к столбам, которые еще недавно были воротами:

— Идите прочь. Домой, к своим семьям.

От задней части фургона осталось совсем немного, только обгоревший остов и искореженное шасси. Но когда Фоули просунул голову в дверную раму, знакомый голос произнес:

— Чувак, я по тебе соскучился. Давно не виделись. Как наши дела?

Фоули улыбнулся и погладил коробку коммуникатора.

— Дела нормально, — сказал он и добавил после небольшой паузы: — Чувак.

ГЛАВА 15

СВЕРЧКИ-УБИЙЦЫ

Поместье Фаул

После схватки с Гобдоу Майлс неожиданно почувствовал себя очень уставшим и был уложен в постель с его любимой ламинированной копией периодической таблицы элементов, которую он крепко прижимал к груди.

— Борьба с бесами истощает все силы, — констатировала Холли. — Поверь, я знаю. Утром он будет в полном порядке.

Они втроем уселись за столом Артемиса, словно собрались на военный совет — по сути, так оно и было.

Батлер начал с подсчета.

— У нас двое бойцов, — сказал он, — и никакого оружия.

— Если нужно, я тоже готов драться, — не решительно возразил Артемис.

— Следует предполагать самое худшее относительно судьбу Мулча, — продолжил Батлер, явно отметая прочь замечание Артемиса. — Хотя он не раз сумел эффектно симулировать свою смерть.

— Наша конкретная цель? — спросила Холли.

Этот вопрос адресовался Артемису, который был их мозговым центром.

— Врата берсерков. Мы должны закрыть их.

— Каким образом? Напишем ультиматум?

— Обычное оружие не способно пробить магическую силу Опал. Она просто поглотит всю энергию выстрела. Но если бы у нас был суперлазер, можно было бы попытаться перегрузить Врата энергией. Образно говоря, погасить горящую спичку взрывной волной.

— Ты полагаешь, — демонстративно похлопала себя по карманам Холли, — что такой лазер мог завалиться у меня в кармане?

— Даже тебе не построить суперлазер всего за час, — сказал Батлер, недоумевая, зачем Артемис вообще тратит время на эту пустую болтовню.

По какой-то причине Артемис виновато потупился.

— Я могу знать, где имеется один такой лазер.

— И где же он может быть, Артемис?

— В сарае, на моем солнечном глайдере «Марк Второй».

Теперь Батлеру стало понятно смущение Артемиса.

— В сарае, где мы устроили тренажерный зал? Где ты собирался изучать приемы самообороны?

— Да. В том сарае.

Несмотря на ситуацию, Батлер был разочарован.

— Ты же обещал мне, Артемис. Сказал, что для занятий тебе нужна уединенность.

— Это так скучно, Батлер. Я пытался, правда, но не понимаю, как это тебе удастся. Сорок пять минут колотить набитый кожаный мешок.

— И потому ты вместо того, чтобы держать данное мне обещание, строил там свой солнечный планер?

— Солнечные батареи оказались настолько эффективными, что их ячейки буквально лопались от энергии, и тогда на досуге я спроектировал легкий суперлазер, а затем построил его из всякого хлама.

— Ну, конечно, кому же не нужен суперлазер в носу семейного самолета?

— Тихо, девочки, — сказала Холли. — Давайте отложим разговоры о самолетах на потом, договорились? Артемис, какова мощность твоего лазера?

— Мощность... приблизительно как у вспышки на Солнце, — сообщил Артемис. — При максимальной концентрации можно проделать дыру во Вратах, не поранив при этом никого из стоящих рядом.

— Очень рада, что ты упомянул об этом.

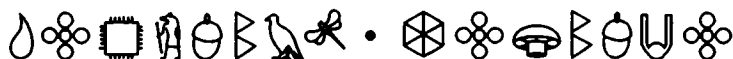
— Но лазер не опробован, — произнес Артемис. — Я никогда не выпустил бы на волю такой мощный разряд энергии без самой крайней необходимости. Но судя по тому, что рассказал нам Майлс, у нас больше нет ни одной козырной карты.

— А Джульетта знает о лазере? — спросила Холли.

— Нет, я о нем никому не говорил.

— Это хорошо. В таком случае у нас может появиться шанс.

Батлер одел их всех в камуфляжную форму, которую достал из своего шкафа, и даже заставил Артемиса раскрасить лицо черными и оливковыми полосками маслянистой краски.

— Это в самом деле необходимо? — недовольно спросил Артемис.

— Абсолютно, — ответил Батлер, энергично нанося краску. — Конечно, ты можешь остаться здесь и дать мне уйти, после чего вы с Майлсом сможете отдыхать в своих любимых мокасынах.

Артемис проглотил эту насмешку, справедливо рассудив, что Батлер все еще слегка обижен на него за обман с лазером.

— Я обязательно должен идти, Батлер. Это суперлазер, а не какая-нибудь игрушечная пукалка. У лазера сложная активационная система, и у меня нет времени объяснять тебе, что за чем следует сделать.

Батлер накинул на хрупкие плечи Артемиса тяжелый бронежилет.

— ОК. Если ты должен идти, то моя задача — позаботиться о твоей безопасности. Давай заключим сделку. Если ты не начнешь ныть по поводу тяжести или бесполезности этого бронежилета — а такие мысли, я чувствую, уже начинают крутиться в твоих больших мозгах, — то я не буду вновь вспоминать об эпизоде с суперлазером. Идет?

«Этот жилет просто врезается в мои плечи, — подумал Артемис. — И он действитель-

но такой тяжелый, что в нем я не перегоню и улитку».

Он вздохнул и ответил:

— Идет.

Когда сконструированная Артемисом система безопасности доложила о том, что по всему периметру чисто, они тесной группой выскользнули из кабинета, пробрались через кухню, миновали двор и оказались в аллее между конюшнями.

Нигде не было ни одного караульного, что показалось Батлеру очень странным.

— Я ничего не вижу. К этому времени Опал давно должна знать, что мы ускользнули от ее пиратов.

— У нее не хватает сил, которые она могла бы задействовать, — прошептала Холли. — Ее главная цель — Врата, и возле них она должна держать как можно больше берсерков, охраняющих ее сзади. Мы — цель номер два.

— Это будет ее ошибкой, — выдохнул Артемис, сгибаясь под тяжестью своего бронежилета. — Артемис Фаул никогда не будет номером два.

— А мне казалось, тебя зовут Артемис Второй, — съязвила Холли.

— Это совсем другое дело. И мне кажется, что мы на задании.

— Согласна, — произнесла Холли, а затем обернулась к Батлеру: — Это твоя епархия, старина.

— Верно, — согласился Батлер. — Я поведу группу.

Они осторожно и не спеша пересекли поместье, настороженно всматриваясь в любое живое существо, попадавшееся им по дороге. Берсерки могли оказаться в любом земляном червяке или крупном сверчке, которых в поместье Фаул водилось множество — по ночам они устраивали целые концерты под Луной.

— Старайтесь не наступать на сверчков, — попросил Артемис. — Мама обожает их слушать.

Необычайно крупным сверчкам, о которых идет речь, энтомологи из Дублина дали прозвище «джиминиз» — это искаженное на ирландский манер «Джезу домини», что на латыни, в свою очередь, означает «черт побери!». Круглый год джиминиз встречались только в поместье Фаул и только здесь вырастали неимоверно крупными, иногда размером с мышь. Теперь Артемис понимал, что все это было побочным эффектом от просачивающегося

сквозь землю излучения магической силы. А вот чего не знал Артемис, так это того, что эта сила воздействовала на нервную систему сверчков таким образом, что они начинали испытывать определенную симпатию к берсеркам. И эта симпатия выражалась у сверчков не в том, чтобы, рассевшись ночью у походного костерка, травить байки о легендарных и отважных эльфийских воинах, а в агрессивной реакции на все, что могло угрожать берсеркам. Проще говоря: если Опал тебя не любит, то и для сверчков ты нехорош.

Увидев на дорожке рой сверчков, Батлер начал медленно опускать на них ногу, ожидая, что сейчас сверчки уберутся прочь. Они остались на месте.

«Я же раздавлю их сейчас, — подумал Батлер. — У меня нет времени на игры с этими милашками».

— Артемис, — позвал он через плечо. — Что-то мне не нравятся эти джиминиз.

Артемис упал на колени.

— Посмотри, они совсем не проявляют природной осторожности, — восхищенно сказал он. — Ведут себя так, будто мы им очень не нравимся. Обязательно нужно будет изучить этот феномен в лаборатории.

Самый большой из сверчков открыл челюсти, высоко подпрыгнул и укусил Артемиса в колено. Хотя зубы сверчка и не смогли проникнуть сквозь толстую камуфляжную ткань, потрясенный Артемис откинулся назад и наверняка растянулся бы, не подхвати его вовремя Батлер.

— Давай отложим на время твои лабораторные опыты, — произнес он.

Артемис возражать не стал.

Новые сверчки взмыли в воздух. Они дружно, как один, отталкивались от земли своими сильными задними лапками и прыгали, образуя колышущуюся зеленую волну, которая полностью перекрыла дорогу перед Батлером. К прежним сверчкам прибавлялись новые и новые — они непрерывным потоком текли из травы и ямок в земле. Двигаясь, созданная ими волна потрескивала — так плотно были набиты в ней сверчки.

«Хорошо, что они только прыгают, а не летают, — подумал Батлер. — Иначе нам было бы не убежать».

Обретя равновесие, Артемис вывернулся из поддерживавшей его руки Батлера и побежал на своих двоих. Большой сверчок все еще болтался у него на колене, продолжая трепать ка-

муфляжную ткань. Артемис шлепнул сверчка ладонью — было ощущение, что его рука ударилась об игрушечный автомобильчик. Сверчок остался на месте, а на ладони Артемиса появилась ранка.

Размышлять в таких условиях было сложно даже Артемису, точнее, было сложно из бурного потока мелькавших в его голове мыслей выхватить хотя бы одну более или менее разумную.

«Сверчки. Сверчки-убийцы. Какой тяжеленный жилет. Слишком много шума. Слишком много. Свихнувшиеся сверчки. Может, у меня снова начались глюки?»

— Четверка! — сказал он вслух, просто чтобы удостовериться. — Четверка.

Батлер догадался о том, что волнует Артемиса.

— Все в порядке, — проговорил он. — Не волнуйся, они тебе не мерещатся.

Артемис, пожалуй, предпочел бы, чтобы сверчки ему мерещились.

— Это очень серьезно! — крикнул он, чтобы перекрыть голосом грохочущее в его ушах сердце.

— Нам нужно попасть к озеру, — сказала Холли. — Пловцы из сверчков никудашные.

Сарай был построен на холме возле Красного озера — так его называли потому, что оно полыхало алым светом на закате, особенно если смотреть на него из окна гостиной в доме. Зрелище было эффектным: казалось, что под прозрачной водой загораются адские огни. Днем на озере плескались утки, а вечером оно превращалось во врата в преисподнюю. Мысль о тайной природе воды всегда увлекала Артемиса, а сама эта тема оставалась одной из немногих, где он позволял себе дать волю своему воображению. Сейчас озеро казалось просто тихой гаванью.

«Похоже, этот жилет своей тяжестью сейчас утащит меня прямо вниз», — подумал Артемис.

Холли двигалась сзади и постоянно подталкивала его локтем в бедро.

— Поторапливайся, — твердила она. — Убери этот тусклый взгляд со своего лица. Не забывай, теперь за нами гонятся еще и эти убийцы-сверчки.

Артемис перебирал ногами, стараясь бежать быстрее и жалея о том, что он не Беккет — вот уж кто мог пробегать без остановки полдня безо всяких усилий!

Они пробежали несколько делянок, разделенных временными изгородями из кустарни-

ков и межевых столбов. Батлер крушил все, что загораживало им дорогу.

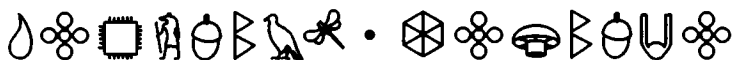
Его ботинки безжалостно вышибали из грядок молодые картофелины, расчищая путь для Артемиса и Холли. Сверчки не отставали — им-то ничто не мешало двигаться. Звон сверчков был громким и зловещим — какофония звуков, напоминавшая невнятное бормотание. Замышляющие недоброе насекомые.

Сверчки, скакавшие впереди, вцеплялись в ботинки Холли, прилеплялись к ее лодыжкам, впиваясь в ткань своими жвалами. Инстинкт подсказывал Холли остановиться и стряхнуть с себя насекомых, но солдатская выучка приказывала продолжать бег, не обращая внимания на укусы. Остановиться сейчас было бы фатальной ошибкой. Холли чувствовала, как сверчки громоздятся на ее лодыжки, слышала противный мокрый хруст их панцирей, раздавленных ее ботинками. У нее было ощущение, что она бежит в облаке шариков для пинг-понга.

— Далеко еще? — спросила она. — Сколько?
В ответ Батлер поднял два пальца.

«Что это означает? Две секунды? Двадцать секунд? Две сотни метров?»

Они миновали делянки и бросились по распаханному склону к краю воды. Луна отража-

лась на поверхности озера, словно глаз бога, а на дальней стороне озера начинался пологий подъем к холму. Сверчки уже облепили их, Холли была покрыта коркой насекомых до самой талии. А сверчки все прибывали, спеша сюда со всех уголков поместья.

«У нас еще никогда не возникало проблем со сверчками, — подумал Артемис. — И откуда их взялось столько?»

Они чувствовали на своих ногах укусы, горевшие, как маленькие ожоги, а бежать дальше становилось все труднее, почти невозможно, с руками и ногами, покрытыми плотной коркой копошащихся сверчков. Холли сбежала вниз первой, за ней Артемис, и оба думали в этот момент о том, что худшую смерть, чем от взбесившихся сверчков, придумать очень сложно.

В какой-то момент Артемис уже прекратил борьбу, но тут сквозь звенящую массу насекомых протянулась чья-то рука и потащила Артемиса за собой.

В лунном свете он увидел вскочившего на его нос сверчка и сумел поднять руку, чтобы сжать его пальцами. Тело сверчка противно хрустнуло в ладони Артемиса, и впервые в жизни он ощутил радость победы в рукопаш-

ном бою. Он был так горд собой, словно раздавил не одного, а всех этих сверчков.

Рука, которая ухватила и спасла его, конечно же была рукой Батлера. Повернувшись, Артемис увидел свисавшую с другой руки телохранителя Холли.

— Теперь вдохните поглубже, — приказал им Батлер и швырнул их обоих в озеро.

Спустя пять минут Артемис, задыхаясь, доплыл до противоположного берега озера. Бронжилета на Артемисе уже не было. Пусть Батлер говорит все, что ему вздумается, но выбора у Артемиса не было — либо сбросить жилет, либо утонуть. А лежать пуленепробиваемым на дне озера — это, знаете ли, как-то ни к чему.

Артемис с радостью обнаружил лежавших по бокам от него Холли и Батлера, которые, казалось, вовсе не запыхались после заплыва через озеро.

— Мы потеряли сверчков, — сказал Батлер, отчего Холли вдруг дико расхохоталась и принялась утираться рукавом своего комбинезона.

— «Мы потеряли сверчков»! — повторила она. — Даже о них ты говоришь как солдат.

— Я Батлер, — ответил он, смахивая ладонью воду со своих коротко остриженных волос. — Я всегда говорю как солдат. А теперь давайте выбиратьсЯ отсюда.

Артемису казалось, что его одежда и ботинки впитали в себя половину озера, настолько тяжелыми они показались ему, когда он с трудом выбрался из воды. Артемис часто присматривался к тому, как энергично и красиво выпрыгивают из воды на берег герои телесериалов, но сам всегда с трудом переваливался через край бассейна или шлепался на живот, вылезая из речки. Его выход из озера получился еще менее изящным — со стороны Артемис напоминал выбирающегося на берег тюленя. Подняться на ноги ему помог Батлер, подхвативший его под локоть.

— Скорее, Артемис. Мы теряем время.

Артемис выпрямился, чувствуя, как с его брюк ведрами стекает остывшая за ночь вода.

— Здесь уже близко, — сказал Батлер. — Две сотни метров.

Артемис всегда восхищался умением Батлера отсекаТЬ все свои эмоции. По сути, они все трое должны были бы сейчас находиться в шоке от того, что им только что довелось пережить, но Батлер, как всегда, отодвинул все

неприятные воспоминания в дальний уголок своей памяти — к ним он сможет вернуться позднее, когда опасность окажется позади. Артемису всегда придавало сил даже ощущение рядом плеча Батлера.

— Тогда чего мы ждем? — спросил Артемис и первым начал подниматься по склону холма.

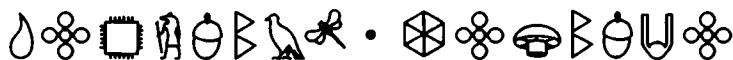
Звон сверчков затихал где-то далеко позади и вскоре утонул в шорохе ветра, качавшего высокие сосны. Ни одного другого враждебно настроенного животного им не встретилось, и они благополучно добрались до вершины холма, до сарая, который никто не охранял.

А впрочем, зачем, в самом деле, нужно было охранять его? Какой горе-стратег будет перемещать свои силы из надежного дома в какой-то легко воспламеняющийся сарай?

«Наконец-то хоть капелька везения, — подумал Артемис. — Иногда окольные пути оказываются самыми прямыми».

Еще раз судьба преподнесла им подарок уже внутри сарая, где Батлер вытащил из привинченного к дальней стенке ящика с кодовым замком пистолет «Зиг Зауэр».

— Не один ты прятал кое-что в этом сарае, — сказал Батлер Артемису, с нескрываемым наслаждением проверяя пистолет.

— Великолепно, — сухо заметила Холли. — Теперь мы сможем перестрелять дюжину кузнечиков.

— Сверчков, — поправил Артемис. — Но давайте лучше поднимем в небо этот глайдер и прожжем большую дыру в планах Опал.

Легкий корпус и крылья глайдера были покрыты фольгой солнечных батарей, вырабатывавших энергию для двигателя. Поднявшись в воздух, аппарат мог лететь как с помощью двигателя, так и свободно планируя, в зависимости от поступающих с компьютера команд. Если пилот собирался долго парить в восходящих воздушных потоках, двигатель ему требовался только для взлета и набора высоты. Во время такого полета глайдер практически не отравлял атмосферу углекислым газом.

— Тот глайдер вон там, — сказал Батлер. — За ненужной боксерской грушей и блестящими гириями с нетронутыми ручками.

— Да, это тот самый глайдер, — тяжело вздохнул Артемис. — А теперь не мог бы ты забыть на время о грушах и гириях и снять эту птичку с тормозов, пока я запускаю ее? До того момента, когда мы будем готовы взлететь, дверь сарая должна оставаться закрытой.

— Хорошая машина, — похвалила Холли. — Позволь мне заглянуть внутрь.

Она прошла по сараю, оставляя за собой грязные следы, и потянула ручку, чтобы открыть заднюю дверцу глайдера.

Этот глайдер Артемис назвал «Хуфу» в честь фараона, для которого древние египтяне построили солнечную лодку (на ней мумия фараона отправилась в свое загробное плавание). Глайдер был кардинально модифицированным легким спортивным самолетом, который Артемис превратил в экологически чистый пассажирский летательный аппарат. Его крылья, обвитые сверху и снизу тонкой паутиной распорок, были вполтину длиннее крыльев обычного самолета. Весь корпус, включая колпаки колес, покрывала солнечная фольга, становившаяся в воздухе постоянным источником энергии для батарей глайдера. Силовой кабель, протянутый от хвостовой муфты «Хуфу» на южный скат крыши сарая, поддерживал батареи заряженными, поэтому глайдер всегда был готов к взлету.

Из темного внутреннего пространства глайдера вынырнула голова Холли.

— Все чисто, — произнесла она шепотом, словно боясь спугнуть громким звуком улыбнувшуюся им удачу.

— Отлично, — сказал Артемис, направляясь к дверце глайдера и вспоминая на ходу по-

следовательность действий при запуске двигателя. — Батлер, ты сможешь раскрыть двери сарая, как только я запущу пропеллер?

Телохранитель кивнул, вытаскивая из-под колеса белый деревянный клин. За ним последовали две оставшихся тормозных колодки.

Артемис забрался в глайдер и тут же понял: что-то пошло не так.

— Здесь чем-то пахнет. Это духи Джульетты.

Он опустил на колени между пассажирскими креслами и потянул металлическую защелку, чтобы открыть люк нижнего отделения. Там, посреди туго переплетающихся кабелей, появилось небольшое свободное пространство на том месте, где по идее должен был находиться прямоугольный ящик.

— Батарея? — спросила Холли.

— Да, — ответил Артемис.

— Значит, взлететь не сможем?

Громко щелкнул закрываемый люк. Теперь шум уже не имел значения.

— Взлететь не сможем. И выстрелить тоже.

— Что за грохот? — спросил Батлер, просовывая голову внутрь глайдера. Ему хватило одного взгляда на лицо Артемиса, больше никакие объяснения не требовались.

— Итак, это ловушка. Похоже, ушки у Джульетты острее, чем мы думали, — Батлер вытащил из-за пояса свой «Зиг Зауэр». — ОК, Артемис, ты остаешься здесь. Пришло время повоевать нам, солдатам.

В этот момент снаружи в сарай влетел обжигающий луч магической силы, и лицо Батлера исказилось от удивления и боли. Луч окутал голову и торс телохранителя, навсегда расплавил и сжег каждый волосяной мешочек на его голове и отшвырнул в хвостовую часть глайдера, где Батлер рухнул как подкошенный.

— Да это ловушка, — угрюмо сказала Холли. — И мы сами засунули свои головы в петлю.

ГЛАВА 16

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Мулч Диггамс не был мертв, но обнаружил предел своих способностей переваривать пищу — сколько же кроликов он сожрал в один присест? Гном лежал на спине в наполовину обрушившемся туннеле с животом, готовым лопнуть, как перезрелый персик.

— О-о-о-х, — простонал Мулч, выпуская из себя такой мощный заряд газов, что продвинулся, словно ракета, метра на три вдоль туннеля.

— Теперь стало чуть полегче, — пробормотал он.

Мулча всегда было почти невозможно оторвать от еды, но после того, как гном ободрал и съел последнего кролика, он понял, что не

сможет смотреть на этих зверьков как минимум неделю.

«Разве что на сочного такого кролика. С морковкой».

Эти кролики явились к нему сами, громко вереща, бросаясь гному прямо в зубы, словно у них не было времени ждать, пока он размозжит им черепушки. Почему не все кролики такие нетерпеливые? Тогда охотиться на них было бы одно удовольствие.

«А ведь меня не от самих кроликов подташнивает, — сделал для себя открытие Мулч. — Это от того, что внутри них были берсерки».

Душам берсерков было не слишком уютно в животе у Мулча. С одной стороны, руки Мулча были покрыты вытатуированными рунами, поскольку гномы фанатично опасаются проникновения в них бесов, с другой стороны, слизь гномов с незапамятных времен использовали как средство для изгнания злых духов. Таким образом, как только погибли их кролики-носители, души воинов начали свой переход в посмертие, оказавшийся для них очень непростым. Они не могли легко и стремительно воспарить в небеса. Эктоплазма переливалась и хлюпала в кишках Мулча, вызывая

приступы изжоги, рези в животе и кислый привкус во рту.

Полежав минут десять, жалея себя и непрестанно выпуская газы, Мулч почувствовал, что готов двигаться дальше. Для начала он помахал руками и ногами — живот отреагировал на это достаточно спокойно, и тогда гном перевернулся и встал на четвереньки.

«Нужно убираться отсюда, — подумал он. — И подальше, подальше от поверхности, пока Опал не выпустила на свободу силы Дану, если такая штуковина в самом деле существует».

Мулч знал, что стоит ему оказаться поблизости от места, где произошло что-то ужасное, как ПП непременно постарается повесить на него всех собак.

«Смотрите, здесь же Мулч Диггамс! Давайте арестуем его и выбросим чип доступа. Камера захлопнута, Ваша честь!»

Ладно, может, все происходило и не совсем так, но Мулч знал, что именно на него всегда будут указывать пальцем, когда нужно будет найти виноватого. Замечательно сказал когда-то его адвокат на суде: «Три или четыре процента времени мой клиент не был стопроцентно замешан в преступлениях, в которых его обвиняли. Можно сказать, что имелось

значительное количество случаев, причастие к которым мистера Диггамса было просто ничтожным, даже если он технически мог быть вовлеченным в правонарушения, произошедшие в срок, несколько отличающийся от того, что указан в ордере на его арест».

Это заявление привело к тому, что три аналитических компьютера перегорело, а ученые мужи несколько недель задумчиво чесали у себя в затылках.

Мулч ухмыльнулся в темноте, и его зубы осветили туннель.

«Адвокаты. У каждого обязательно должен быть хотя бы один свой адвокат».

— Ну, ладно, — сказал он вылезающим из стенки туннеля червям. — Пора двигать.

«Прощайте, старые друзья. Мы сделали все, что было в наших силах, но победить вы не смогли. Трусость — вот ключ к выживанию, Холли. Боюсь, что этого тебе никогда не понять».

Мулч глубоко и тяжело вздохнул, рыгнул в конце и подумал о том, что сейчас пытается обмануть самого себя.

«Я не могу сбежать».

Почему? Потому что ставка была выше, чем его собственная жизнь. На кону стояла

вся жизнь на этой планете, которую соби-
лась уничтожить какая-то пикси с поехавшей
крышей.

«Не буду давать себе никаких геройских
обещаний, — утешал себя Мулч. — Просто
быстренько взгляну на Врата берсерков, что-
бы понять, насколько глубока та задница, в
которой мы оказались. А может быть, Артемис
уже спас всех, и я могу спокойно вернуться в
свои туннели. И, возможно, не один, а с па-
рой-тройкой ценных вещей. Разве я не заслу-
жил этого?»

Мулч пополз по туннелю. По-прежнему
раздутый живот гнома волочился по земле,
и из него раздавались странные, ни на что не
похожие звуки.

«У меня хватит сил прорыть еще метров
шесть, — решил Мулч. — Больше не осилю,
иначе мой живот лопнет».

Но, как оказалось, Мулчу не нужно было
заботиться о рытье туннеля. Посмотрев вверх,
он увидел перед собой пару светящихся крас-
ных глаз. Чуть ниже слабо поблескивали мощ-
ные клыки, и все это держалось на огромной
лохматой голове.

— Графффффф, — прорычал тролль, и все, что мог сделать Мулч — это рассмеяться в ответ. Над своей судьбой, естественно.

— И это тоже мне? — сказал он. — Не многовато ли будет после такого дня?

— Графффффф, — повторил тролль, тяжело продвигаясь вперед. С его клыков стекали капли парализующего яда.

Мулч преодолел страх, проскочил момент паники и оказался в состоянии, среднем между гневом и возмущением.

— Это мой дом, тролль! — крикнул он, ввинчиваясь вперед. — Здесь я живу. Думаешь, тебе под силу справиться с гномом? В туннеле?

Графф, похоже, действительно так и думал, потому что двинулся вперед еще энергичнее, хотя и был стиснут со всех сторон стенками туннеля.

«А он будет слегка побольше, чем кролик», — подумал Мулч, а в следующий миг они столкнулись, смешавшись в общую грудку костей, плоти и шерсти именно с тем звуком, который и можно ожидать при столкновении тяжелой туши тролля с коренастым гномом, страдающим от скопления газов в кишечнике.

В сарае, где сидели Артемис и Холли, ситуация выглядела абсолютно безнадежной. Все, чем они располагали — это два патрона в пистолете, который Холли едва могла поднять, а Артемис из него не попал бы и в дверь сарая, хотя она и была совсем близко.

Они забились в хвостовую часть глайдера, ожидая, когда же берсерки начнут свою атаку.

Батлер по-прежнему лежал без сознания поперек задних сидений, и из его ушей в буквальном смысле шел дым — симптом, как правило, не обещающий ничего хорошего.

Холли обхватила голову Батлера, осторожно прижала свои большие пальцы к его глазницам и направила внутрь черепа телохранителя последние остатки своей магической силы.

— Он в порядке, — тяжело дыша, сказала Холли. — Хотя этот луч ненадолго остановил его сердце. Если бы не кевларовый бронежилет на груди...

Она еще не договорила, а Артемис уже знал, что его телохранитель сумел избежать смерти в энный раз, а энный является абсолютным пределом числа дополнительных жизней, отпускаемых Вселенной любому отдельно взятому лицу.

— Его сердце никогда не станет таким, как прежде, Артемис. Больше никаких глупостей. Он выведен из строя на несколько часов, — произнесла Холли, проверяя амбразуру в фюзеляже глайдера. — А берсерки уже готовы начать наступление. Каков наш план, Арти?

— У меня был план, — вяло ответил Артемис. — Но он провалился.

Холли резко тряхнула его за плечо. Артемис знал, что в следующий раз она вlepит ему пощечину.

— Пошли, Грязный мальчишка. Думай, как нам выбраться. Переживать потом будешь.

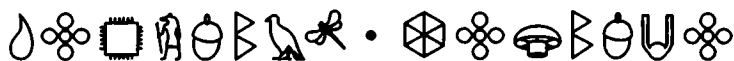
Артемис кивнул. Это была его работа — строить планы.

— Хорошо. Сделай предупредительный выстрел. Они не знают, сколько у нас патронов. Выстрел на какое-то время остановит их, и у меня появится минутка на размышления.

Округлившиеся глаза Холли лучше всяких слов сказали, что у нее сейчас на уме:

«Предупредительный выстрел! Как же я сама до этого не додумалась?»

Но сейчас не было времени на то, чтобы выражать Артемису свое восхищение, поэтому она, прикинув в руке вес батлеровского «Зиг

Зауэра», открыла бойницу в окне и положила ствол на ее раму.

«Какой большой и неподъемный этот пистолет, — подумала она. — Меня нельзя будет упрекнуть, если я ненароком задену что-нибудь».

Стандартный прием осаждающих крепость — выслать вперед разведку. «Выслать вперед» — это просто тактичный способ сказать «принести в жертву». Так же поступили и берсерки, приказав одной из собак Фаулов в буквальном смысле все пронюхать. Большой серый пес возник в лунном свете в открытой двери сарая, надеясь незамеченным проникнуть внутрь и затеряться в тени.

«Не торопись, дружок», — подумала Холли и один раз нажала курок «Зига». Пуля, словно молотом, ударила пса в плечо и отбросила назад, к ожидавшим его возле сарая приятелям.

«Упс! — подумала Холли. — А ведь я целилась ему в лапу».

Когда глайдер перестал дрожать, и под черепной коробкой Артемиса стихло эхо выстрела, он спросил:

— Предупредительный выстрел, да?

Холли было жаль ни в чем не повинного пса, но если он выживет, она сумеет вылечить его.

— Теперь они предупреждены по полной программе. У тебя есть минутка, чтобы подумать.

Пес вылетел из сарая намного быстрее, чем проскользнул в него. Беллико и ее магическое окружение испытали острое чувство зависти, когда душа берсерка вылетела из тупа собаки, кратко улыбнулась и исчезла в голубой вспышке, отправившись в иной мир.

— Нам нельзя входить, — сказал пират Сэлтон, осторожно прикрывая дверь сарая. — Все, что от нас требуется — не выпустить их отсюда.

— У нас приказ убить их, — не согласилась Беллико. — Отсюда нам этого не сделать, согласны? Кроме того, в сарае может оказаться что-то такое, что неизвестно моему носителю, Джульетте. Например, подземный ход или надутый горячим воздухом шар. Мы идем внутрь.

Опал довольно своеобразно отреагировала на информацию Беллико о «Хуфу».

— Мой носитель охраняет детей Фаулов, — сказала тогда Беллико. — Мальчишка по имени Майлс очень любопытен и проследил за Артемисом в его секретной мастерской на холме. Джульетта проследила за Майлсом. В сарае имеется летательный аппарат, использующий солнечную энергию. Возможно также, там есть и какое-нибудь оружие.

Опал помолчала, подбирая подходящее заклинание.

— Артемис отправится за оружием, у него нет выбора, — произнесла она наконец. — Возьми людей и вынь из аппарата батарею, а затем дождись, пока они не войдут в мастерскую.

Опал схватила Беллико за предплечье и сжимала его до тех пор, пока не погрузила свои ногти в плоть. Заряд энергии вытек из сердца Опал и по ее руке перелился в Беллико. Беллико почувствовала легкое головокружение и поняла, что магическая сила была ядовитой.

— Это черная магическая сила, и она будет разъедать твою душу, — как о чем-то само собой разумеющемся сказала Опал. — Поэтому постарайся высвободить ее как можно быстрее. Учти, энергии хватит только на один-единственный разряд.

Беллико поднесла свою ладонь к лицу и увидела магическое кольцо, обернувшееся вокруг ее пальцев.

«Один разряд, — подумала она. — Достаточно, чтобы уложить Большого».

Холли взволнованно топталась вокруг Артемиса. Она знала, что он терпеть не может, когда его отрывают от размышлений, но за закрытой дверью сарая уже происходила какая-то возня, за окном были видны мелькающие в лунном свете тени — все говорило о том, что вот-вот начнется штурм.

— Артемис, — требовательно спросила она. — Артемис, ты что-нибудь придумал?

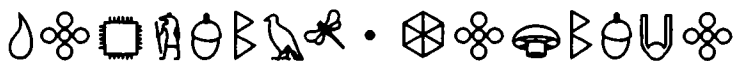
Артемис открыл глаза и отбросил назад упавший на лоб черный локон.

— Ничего. Если Опал удастся открыть второй замок, не существует ни единой возможности спастись хотя бы одному из нас.

— Понятно, — сказала Холли, возвращаясь к окну. — Тогда, для начала, произведем второй предупредительный выстрел.

Беллико приказала лучникам выстроиться в линию перед раздвижной дверью сарая.

— Когда дверь откроется, стреляйте из всего, что у вас есть, по машине. Затем мы вры-

ваемся. У эльфийки будет время на то, чтобы сделать два выстрела, не больше. Если даже при этом кто-то будет убит, победа останется за нами.

Сидевшие в китайцах берсерки говорить не могли, поскольку их носители — мумифицированные останки — были наглухо заключены внутри терракотовых саркофагов. Они молча кивнули и потянулись к своим массивным лукам.

— Пираты, — позвала Беллико. — Встаньте позади лучников.

— Мы не пираты, — угрюмо ответил Сэлтон Финнакр, почесывая свою обнажившуюся берцовую кость. — Мы обитаемые пираты, парни, не так ли, тысяча чертей?

— Йо-хо, кэп! — откликнулись остальные пираты.

— Признаю, — смущенно произнес Финнакр, — звучит слегка по-пиратски, но что поделать, сидя в теле, пропитываешься его носителем. Еще пара дней в этой шкуре, и я смогу одной рукой управлять парусным бригам.

— Понимаю, — сказала Беллико. — Ну, ничего, скоро мы воссоединимся с нашими предками. Наша вахта будет закончена.

— У-уф, — с чувством произнес оставшийся в живых пес, отчаянно сопротивляясь желанию своего носителя обнюхать стоявших рядом.

Беллико обхватила пальцами Джульетты ручку двери, прикидывая ее вес.

— Еще один победоносный штурм, мои бойцы, и с людьми будет покончено навсегда. А наши потомки вечно будут жить в мире.

Холли почувствовала, что атмосфера становится все более напряженной, и поняла, что берсерки поднимают свой боевой дух перед решающей схваткой.

«Теперь вся ответственность лежит на мне, — подумала она. — Я должна спасти нас».

— Хорошо, Артемис, — бесцеремонно сказала она. — Поднимемся на антресоли, и тогда берсеркам придется искать нас. Это даст тебе еще немного времени на раздумья.

Артемис посмотрел в амбразуру через плечо Холли и проговорил:

— Поздно.

Дверь сарая мягко откатилась в сторону на хорошо смазанных роликах, и в освещенном лунным светом прямоугольнике возникли жуткие силуэты шести китайских воинов.

— Лучники, — определила Холли. — Ложись.

Артемис, казалось, был потрясен тем, что его планы рухнули. А все потому, что он действовал слишком предсказуемо. Когда он успел стать таким предсказуемым?

Холли увидела, что ее слова не дошли до Артемиса, и подумала, что у него есть два самых уязвимых места. Во-первых, это физическая беспомощность, причем не только от недостаточного развития, но и из-за плохой координации, которая у него хуже, чем у четырехлетнего ребенка. Во-вторых, он настолько уверен в том, что его интеллекту нет равных ни на земле, ни под землей, что никогда не беспокоится о том, чтобы разработать запасной план. И если основной план проваливается, резервных путей к отступлению не предусмотрено.

«Как сейчас, например».

Холли бросилась на Артемиса, сбила его с ног и прижала к полу в узком проходе между сиденьями глайдера. Секундой позже послышалась команда снаружи:

— Огонь!

Это был голос Джульетты. Она приказывала убить своего брата.

Как хорошо известно всем боевым ветеранам, желание взглянуть на оружие, которым тебя убьют, бывает почти непреодолимым. Сейчас такое желание овладело и Холли, которая приподнялась, наблюдая за стрелами, опускающимися по дуге к своим целям. В следующий миг она преодолела свое жуткое любопытство и вжалась в проход рядом с Артеми-сом, чувствуя, как впивается ей в щеки стальной гофрированный пол.

Метровой длины стрелы легко пробили фюзеляж, качнув глайдер на его рессорах, и глубоко ушли в мягкую обивку кресел. Одна стрела прошла так близко от Холли, что прошила насквозь погон и заодно пришила креслу саму Холли к креслу.

— Д'арвит, — выругалась эльфийка, освобождаясь и от стрелы, и от погона.

— Огонь, — вновь прозвучал тот же голос снаружи, и воздух наполнился звенящим свистом.

«Будто птицы поют», — подумала Холли.

Но это были не птицы. Это был второй залп. Все стрелы точно ложились в глайдер, разрывая на клочья солнечные панели; одна стрела даже чисто прошла через две амбразуры.

Глайдер качнулся и завалился на правое крыло.

И вновь раздалась та же команда: «Огоны!», но на этот раз звенящий свист не прозвучал. Вместо него послышался сухой треск. Холли не смогла удержаться и подтянулась по ставшему наклонным полу к амбразуре, чтобы взглянуть в нее. Джульетта поджигала стрелы китайцев.

«О, — подумала Холли. — Вот какой огонь на этот раз».

Беллико бросила быстрый взгляд внутрь сарая и была рада увидеть, что крылатая машина свалилась набок. Память ее носителя утверждала, что этот аппарат действительно мог летать по небу, используя энергию солнца, но Беллико было слишком трудно в это поверить. Наверное, в мозгу носителя сны перепутались с воспоминаниями настолько, что Беллико эти фантазии стали казаться реальностью.

«Чем скорее я расстанусь с этим телом, тем лучше», — подумала она.

Беллико сплела из пучков сена факел и подожгла его кончик зажигалкой, взятой из кармана девушки-носителя.

«Однако эта огненная машина вполне реальна, — подумала она. — И не так уж далеко ушла от простого кресала».

Соломенный факел горел недолго, но его хватило, чтобы поджечь стрелы ее воинов. Беллико шла вдоль их шеренги, ненадолго прикасаясь огнем к кончикам стрел, вымоченным в горючей смеси, которая обнаружилась в пробитой канистре.

Неожиданно пес поднял свою гладкую морду и завыл на Луну. Беллико собралась спросить пса-воина, что это с ним, но в ту же секунду сама ощутила то же, что и он.

«Мне страшно, — поняла она. — Но чего мне бояться, если я мечтаю о смерти?»

Факел начал обжигать Беллико пальцы, и она бросила его, но за секунду до того, как затоптать его угасающие искры, ей показалось, что она видит что-то очень знакомое, несущееся по полю на восток. Эту фигуру невозможно было спутать ни с чем.

«Нет, — мелькнуло в голове у Беллико. — Это невозможно».

— Это... — заикаясь, спросила она, указывая пальцем. — Может ли это быть?

Пес напряг свои голосовые связки и протяжно провыл:

— Троууууль! Трррр-роууууль!

И не просто тролль, как выяснила Беллико. Тролль с всадником у него на спине.

Мулч Дигтамс устроился за огромной головой тролля, держа в каждой руке пряди лохматой шерсти. Позади гнома при каждом скачке огромными шестернями поднимались и опадали плечевые мышцы тролля, бегущего вприпрыжку через поле к сараю.

Впрочем, говорить «бежал вприпрыжку» здесь вряд ли уместно, поскольку этот глагол предполагает некоторую вальяжность или даже неуклюжесть. А тролль — действительно кажущийся неповоротливым, если смотреть на него со стороны — на самом деле летел с умопомрачительной скоростью. Умение скрывать свою истинную скорость — одна из многочисленных уловок в арсенале троллей. Если добыча, которую наметил себе тролль, увидит, как он неуклюже движется вдали, она непременно подумает про себя: «Ну, тролль, ну и что? По тому, как этот доходяга движется, можно считать, что он в миллионе миль отсюда. Вот дожую этот листик и пойду себе потихо...» И тут — бац! — и уже не добыча

жует листик, а тролль дожевывает ее заднюю ногу.

Однако Беллико много раз видела отряды наездников на троллях в действии и прекрасно знала, насколько стремительно могут двигаться тролли.

— Лучники! — крикнула она, вытаскивая свой меч. — Новая цель. Поворачивайтесь, поворачивайтесь живее!

Терракотовые китайцы с хрустом начали поворачиваться — при каждом движении из того места, где у них предполагались суставы, сыпался красный песок. И как же медленно они поворачивались!

«Они не справятся, — поняла Беллико и мысленно попыталась ухватиться за последнюю, очень хилую соломинку. — А может, этот тролль и его всадник на нашей стороне?»

Но к прискорбью берсерков, наездник тролля совершенно очевидно был не на их стороне, а тролль... что тролль? Он будет делать то, что прикажет ему всадник.

Что и говорить, неожиданное появление Граффа на залитом бледным лунным светом поле из ночных теней было эффектным и вну-

шающим ужас. Хотя тролль и сам по себе был не маленьким, около трех метров ростом, из-за торчащих косматых волос он казался еще почти на полметра выше. Толстый непробиваемый лоб был мощным тараном, укрепленным над парой фосфоресцирующих красных глаз. Из выдвинутой вперед мощной нижней челюсти торчали два огромных загнутых клыка с острыми, как кинжалы, концами. Заросшее косматой шерстью человекообразное тело представляло собой тугой клубок стальных мышц и сухожилий. Что касается рук тролля — или его передних лап, если хотите, — то ими тролли без особых усилий могут растереть в пыль как мелкие камни, так и большие черепа.

Сидевший на шее тролля Мулч по наитию возродил древнюю технику управления троллями — прищпоривать их ударами ног в нервные сплетения под ребрами, поворачивая в нужном направлении. Сидя у костерка из светящейся слизи, дедушка Мулча часто рассказывал легенды о великих наездниках троллей, которые буйствовали и грабили по всей стране, делали все, что им пожелается, и никто даже не смел пикнуть им в ответ. Мулч словно слышал протяжный говорок деда:

«В те добрые старые дни мы, гномы, были королями. Даже демоны поджигали хвосты, увидев гнома, спускающегося по склону холма на взмыленном тролле».

«Не сказал бы, что сегодня какой-то особо добрый день, — подумал Мулч. — Скорее он похож на конец света».

Мулч решил действовать по-простому, безо всякой игры в кошки-мышки, и направил Граффа прямо в скопление берсерков.

— Не тормози! — прокричал он в ухо тролля.

У Беллико перехватило дыхание.

Она хотела крикнуть своему отряду: «Рассеяться! В укрытие!», но было уже поздно.

Взмахами своих могучих рук тролль косил китайцев одного за другим, и они валились перед ним, как оловянные солдатики. Тролль пинком отправил пса летать где-то в нижних слоях атмосферы и небрежным движением, походя, свалил Беллико в бочку с водой. За несколько секунд от нескольких пиратов остались одни воспоминания, которых не хватило бы даже, чтобы кошку накормить. Правда, Сэлтон Финнакр успел проткнуть бедро тролля, но тот этого словно и не заметил, продол-

жая молотить руками и сверкая теперь торчащей у него из ноги стальной саблей.

Орудая пятками, Мулч направил тролля внутрь сарая.

«Я — наездник тролля, — с гордостью подумал Мулч. — Я рожден для того, чтобы скакать на тролле, воровать и есть от пуза».

И Мулч решил, что найдет способ объединить все эти три призвания, лишь бы только пережить сегодняшнюю ночь.

Внутри сарая стоял завалившийся набок самолет, из фюзеляжа которого, как иголки у ежа, торчали стрелы, а к стеклу прижималось лицо Холли с удивленно раскрытым в форме буквы «О» ртом.

«Не понимаю, чему она удивляется, — подумал Мулч. — Могла бы уже привыкнуть к тому, что я ее все время спасаю».

Мулч слышал за своей спиной крики перестраивающих ряды врагов и понимал, что еще секунда, и лучники выпустят залп по троллю.

«Даже такой большой верховой тролль, как мой, не уцелеет, если его проткнуть дюжиной стрел».

Времени на то, чтобы открыть дверцу глайдера и забраться в него, не было, поэтому Мулч

— Вау, — сказала Холли, наблюдая за втыкающимися в нос и крылья глайдера стрелами. — Итак, ты не предвидел того, что появится гном верхом на тролле, и они подтолкнут твой глайдер. Теряешь хватку, Артемис.

Артемис пытался взять себя в руки, но все происходящее казалось ему слишком невероятным. Приближающиеся фигуры берсерков, которые он видел сквозь двойную рамку лобового стекла и дверного проема, только усиливали ощущение, что все это он видит в кино. Очень реалистичный такой 3D-фильм с виброкреслами, но все же только фильм. Это ощущение отрешенности в сочетании с известной всем замедленной реакцией Артемиса едва не стоило ему жизни, потому что он сидел и мечтательно смотрел на то, как длинные стрелы берсерков нацеливаются ему прямо в голову.

По счастью, реакции у Холли были прекрасными, и она успела толкнуть Артемиса в плечо — достаточно сильно, чтобы он откинулся набок настолько, насколько позволяли ремни безопасности. Стрела пробила лобовое стекло, оставив в нем на удивление маленькое отверстие, и воткнулась в подголовник прямо

в то место, где только что находилось лицо Артемиса.

В этот момент Артемис наконец включился в реальность.

— Я могу запустить двигатель в воздухе, — сказал он, быстро щелкая тумблерами на приборной доске. — Если только мы вообще оторвемся от земли.

— Это требует согласованных действий?

— Да, с точностью до долей секунды.

Холли побледнела. Полагаться на координацию Артемиса — это все равно, что поверить в постящегося Мулча.

Глайдер проломился сквозь шеренгу берсерков, круша крыльями терракотовых китайцев. Солнечные панели звенели, ломаясь, а колеса шасси катили вприпрыжку.

Графф продолжал толкать глайдер, не обращая внимания на свои раны, из которых потоком лилась кровь.

Беллико осыпала своих воинов проклятиями, подгоняя их, но никто из них не мог угнаться за троллем. Никто, кроме пса, который прыгнул на спину Мулча, пытаясь сбросить его с тролля. Мулч пришел в ярость от того, что какая-то шавка может сорвать такой замечательный план спасения — лучший во

всей истории! — поэтому он прикрыл голову согнутой в локте рукой и закричал прямо в морду пса:

— Отвали! Я сегодня непобедим! Я еду верхом на тролле, видишь, дурень? Ты когда-нибудь видал такое? Никогда. Так что даю тебе две секунды, чтобы ты смылся, или мне придется сожрать тебя.

Две секунды прошли. Пес покачал головой, давая понять, что уходить не собирается. И тогда Мулч сожрал его.

— Конечно, было до слез жалко бросать почти половину собаки — рассказывал он позднее своему приятелю, гному по имени Барнет Риддлс, бывшему беглому преступнику, а ныне владельцу бара «Пьяный попугай» в Майами. — Но сам посуди, разве можно выглядеть героем, когда у тебя изо рта свисает кусок собачьей туши с хвостом.

Спустя несколько секунд после того, как живой еще пес воспротивился словам Мулча, он же — только уже мертвый — вступил в противоречие с желудком гнома. То ли несварение у Мулча началось из-за попавшей к нему в живот души берсерка, то ли пес съел что-то неподходящее перед тем, как съели его самого, но как бы то ни было, у Мулча воз-

никло такое ощущение, что его кишки внезапно сжал гигантский кулак, одетый в стальную рыцарскую рукавицу.

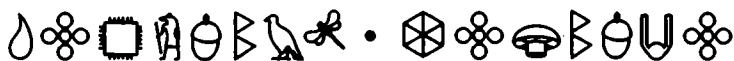
— Нужно сбросить балласт, — процедил гном сквозь стиснутые зубы.

Если бы Графф знал, что собирается сделать Мулч Диггамс, он, наверное, побежал, крича как двухлетняя пиксетка, чтобы поскорее закрыться куда-нибудь под землю и переждать, пока закончится извержение, но тролль не понимал гномского сленга и потому продолжал выполнять последнюю из полученных им команд: «Толкай со склона».

Оказавшись на глинистой стартовой дорожке, глайдер стал набирать скорость, все больше отрываясь от преследовавших его берсерков.

— Нам не удастся, — сказал Артемис, следя за приборами. — Шасси пробито.

Конец стартовой дорожки изгибался перед ними, как край лыжного трамплина. Если глайдер не наберет достаточную скорость, то рухнет в озеро, и тогда все его пассажиры окажутся в роли уток, плавающих рядом с настоящими утками. Хотя кто знает, настоящие это утки или нет. Если внутри них сидят берсерки, эти утки могут и заклевать насмерть. Артемис почти уже примирился с тем, что

в самом ближайшем будущем ему придется умереть, но как обидно было бы покинуть этот мир с прокляванным дикой уткой черепом! «Смерть от агрессивной водоплавающей птицы» стремительно поднялась в мысленном «Списке наименее желаемых смертей» Артемиса на первое место, потеснив давнишнего лидера, «Смерть от выпускаемых гномом газов», которая уже не один год виделась ему в кошмарных снах.

— Не утки, — сказал он. — Пожалуйста, только не утки. Я еще не получил Нобелевскую премию.

Под фюзеляжем глайдера началась какая-то суматоха: хрюканье, криканье, скрип деформирующегося металла. Если глайдер сейчас не взлетит, то чуть позже он просто развалится на куски. Тем более что глайдер не был прочным, тем более что Артемис основательно ободрал его, чтобы облегчить взлет.

А с наружной стороны глайдера страдал скрючившийся от боли Мулч. Он знал, что сейчас должно произойти. Его желудок решил расквитаться с ним сразу за все — и за стресс, и за неправильную диету.

Скопившихся в кишечнике Мулча газов было сейчас столько, что они, наверное, со-

ставляли треть веса его тела. Некоторые занимающиеся йогой гномы могут производить намечавшуюся процедуру в нужное им время и по своей воле. У них она деликатно называется «Регулярной детоксикацией». Ну, а простые гномы называют это «сбросить балласт». И не пожелал бы я вам оказаться на линии огня, когда гном сбрасывает свой балласт.

Глайдер достиг нижней точки склона и через мгновение должен был покинуть стартовую дорожку.

«Посадка на воду, — подумал Артемис. — Смерть от уток».

Затем что-то произошло. Откуда-то глайдер получил гигантское ускорение — будто чей-то огромный указательный палец небрежно подкинул машину в воздух. Хвост задрался, и Артемис принялся орудовать педалями, стремясь опустить его.

«Что это было?» — гадал Артемис, озадаченно глядя на приборы.

— Очнись! — второй раз за несколько минут потрянула его за плечо Холли. — Запуск в воздухе!

Артемис выпрямился в кресле. «Запуск в воздухе! Разумеется».

На глайдере был установлен небольшой двигатель, который использовался при взлете и во время отключения солнечных панелей, но без батареи двигатель был бесполезной железкой, и конечно же не заводился, как Артемис ни двигал заслонкой дросселя. Глайдер скоро начнет терять высоту, но у них еще оставался шанс поймать восходящий воздушный поток и подняться хотя бы на пару сотен метров — в этом случае они могли перелететь озеро и обезопаситься от летящих стрел.

Артемис поймал момент, когда глайдер оказался в высшей точке дуги, и на всю ширину открыл заслонку дросселя.

Беллико с остатками своего войска мчалась сломя голову по стартовой дорожке. Они стреляли по глайдеру всем, что было в их арсенале. Чумовая ситуация даже для восставшей души, захватившей человеческое тело.

«Я гонюсь за летательной машиной, которую толкает по дорожке сидящий верхом на тролле гном. Невероятно».

Но тем не менее это было явью, в которую лучше поверить, иначе желанная добыча ускользнет.

«Ну, далеко им не уйти».

Беллико подняла глаза вверх и сквозь переплетение рук, ног и лохматой шерсти увидела мерцающую в небе полную Луну.

Ниже она рассмотрела гнома, которому явно было не по себе. Теперь он держался уже не за шерсть тролля, а за какие-то торчащие из глайдера скобки, прижимаясь к его фюзеляжу.

— Иди, — сказал гном троллю. — Возвращайся в свою пещеру.

«Это нехорошо, — подумала Беллико. — Это как-то совсем нехорошо».

Глайдер подскочил в воздух. В тот же момент Графф, как и приказал ему хозяин, отпустил машину и вместе с Беллико плюхнулся в озеро. Оба они поскакали по поверхности озера, как брошенные блинчиком камешки. Граффу удар смягчила его густая шерсть, а вот Беллико пропахала большую часть дистанции лицом, и это путешествие оставило на ее коже волдыри, которые теперь придется лечить не одну неделю.

А там, в небе, Мулч больше не мог сдержаться и выпустил из себя мощную реактивную струю из газов, водянистой слизи и непеваренных кусков пищи — эта струя помогла глайдеру набрать несколько драгоценных ме-

тров высоты, которые позволили ему перейти в парящий полет над озером.

Беллико повезло меньше — едва она вынырнула из воды, как ее по лбу ударил свалившийся с неба собачий череп.

«Об этом лучше не думать», — сказала себе Беллико и поплыла назад, к берегу.

Артемис еще раз качнул дроссель, и двигатель глайдера заработал. Пропеллер на носу нехотя провернулся раз, другой, затем закрутился все быстрее и наконец превратился в прозрачный круг.

— Что случилось? — размышлял вслух Артемис. — Что это был за шум?

— Потом будешь гадать, — сказала Холли. — А сейчас веди глайдер.

Это была дельная мысль, поскольку ситуация по-прежнему была далеко не идеальной. Да, двигатель заработал, это так, но в солнечной батарее не имелось энергии, и они могли лишь какое-то время скользить на этой высоте.

Артемис потянул на себя штурвал, поднимая глайдер еще на тридцать метров, и чем шире открывался обзор, тем виднее стано-

вились разрушения, вызванные действиями
Опал.

Дороги, ведущие в Дублин, были в огне — это горели брошенные на шоссе машины. Сам Дублин был погружен во тьму, из которой пробивались лишь отдельные пятна оранжевых огней — там, где уже успели починить генераторы или развели костры. Артемис рассмотрел два больших судна, столкнувшихся в гавани, и еще одно, выброшенное на берег и напоминавшее кита. Пожаров в городе горело столько, что не сосчитать, и поднимающийся от них дым завис над городом как грозная туча.

«Опал желает унаследовать эту новую Землю, — подумал Артемис. — Я не позволю ей сделать это».

Эта мысль неожиданно превратилась в голове Артемиса в четкий план, способный остановить Опал. Окончательно.

Они летели над озером, но это был натуженный полет, скорее похожий на затянувшееся падение. Артемис сражался с педалями и рычагами, и, по-видимому, успешно, потому что хотя они и теряли высоту, но очень медленно.

Глайдер пролетел над сосновой аллеей и направился прямо к Вратам берсерков, где рабо-

тала Опал в своей магической короне. Холли занималась во время полета тем, что подсчитывала силы противника.

Опал окружало кольцо берсерков. Здесь были пираты, терракотовые китайцы и другие разномастные существа. Другие берсерки патрулировали стены поместья. Здесь, на стенах, преобладали животные — пара лис и даже несколько оленей. Они цокали копытами по камням и нюхали воздух.

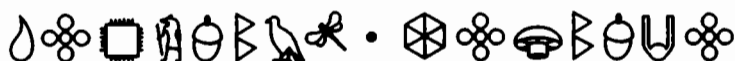
«Нигде не проникнуть, — подумала Холли. — А небо вот-вот начнет светлеть».

На то, чтобы справиться со вторым замком, у Опал было время до рассвета.

«Может быть, она не справится, и тогда солнечный свет сделает всю работу за нас», — думала Холли. Но маловероятно, чтобы Опал промахнулась в своих расчетах. Слишком долго она просидела за решеткой, чтобы упустить хоть какую-то мелочь.

«Мы не можем полагаться на случай. Если план Опал вообще может провалиться, мы должны сделать так, чтобы он провалился».

Сидевший рядом с ней Артемис думал примерно о том же, с той лишь разницей, что уже в общих чертах представлял, как можно будет остановить Опал. Если бы сейчас он рас-

сказал о своем плане, Холли была бы очень удивлена. Не тем, насколько гениален этот план — это она воспримет как должное — но самоотверженностью самого Артемиса. Он решил атаковать Опал Кобой тем единственным оружием, которого она никак не ожидает — гуманностью.

Чтобы выпустить эту невидимую торпеду, Артемису требовалось убедить двух людей признаться в их личных недостатках.

Фоули всегда вел себя как параноик, потому что был им.

А пышный нарциссизм Опал Кобой разросся настолько, что она уже не способна разрушить мир без того, чтобы рядом с ней не было ее врагов, которые засвидетельствуют ее славу.

Холли не могла больше сидеть и следить за неуклюжими попытками Артемиса строить из себя авиатора.

— Отдай мне штурвал, — сказала она. — Перед приземлением выпустишь все закрылки. Это случится очень скоро.

Артемис уступил ей штурвал без малейшего сопротивления. Сейчас было не до того, чтобы разыгрывать перед ней мачо. И пилотом, и мачо Холли была в десять раз лучшим, чем он.

Однажды Артемис видел Холли в кулачном бою с другим эльфом, который сказал, что у нее красивая прическа. Холли приняла это за насмешку, поскольку именно в тот день сделала себе новую стрижку — короткую, мужскую. В конце концов, на службу она ходит гораздо чаще, чем на свидания.

Холли легко толкнула штурвал тыльной стороной запястья, и глайдер стал плавно опускаться на засыпанную гравием подъездную дорожку поместья.

— Дорожка слишком короткая, — произнес Артемис.

Холли встала на сиденье на колени, чтобы улучшить себе обзор.

— Не волнуйся. Шасси все равно забуксует или вообще отлетит.

— Большое спасибо, что предупредила, — проговорил Артемис и скривил губы, то ли пытаясь иронично улыбнуться, то ли от страха. — Полагаю, нам угрожает реальная опасность.

Холли сражалась со штурвалом так, словно проводила операцию по его задержанию.

— Опасность? Сажать искалеченные самолеты — нормальное дело для нас, Грязный мальчик. Рутинная работа.

Артемис посмотрел на Холли, чувствуя к ней огромную признательность. Ему бы хотелось закольцевать последние десять секунд, а потом, в более спокойной обстановке, еще и еще раз просматривать их, чтобы полюбоваться, насколько решительна и красива его лучшая подруга. Холли никогда не выглядела такой цветущей и полной жизни, как в моменты, когда она находилась на грани между жизнью и смертью.

Ее глаза сияли, а ум оставался ясным и острым. Там, где другие расклеивались или сдавались, Холли продолжала сражаться с энергией, которая буквально заставляла ее светиться.

«Она действительно волшебница, — думал Артемис. — Возможно, все эти ее качества стали для меня особенно заметными сейчас потому, что я решил пожертвовать собой. — Потом он понял еще кое-что. — Я не могу раскрыть перед ней свой план. Если Холли узнает, она постарается остановить меня».

Артемису было больно оттого, что его последний разговор с Холли по необходимости будет приправлен недосказанностью и ложью.

«Для высшего блага».

Артемис Фаул, человек, который некогда относился ко лжи как к чему-то само собой разумеющемуся, с удивлением обнаружил, что сейчас «ложь во благо» так ему отвратительна.

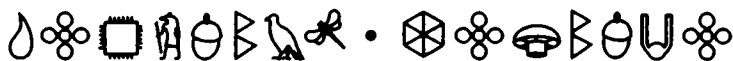
— Прибыли! — крикнула Холли, стараясь перекрыть свист ветра. — Пристегните ремни!

— Готово! — откликнулся Артемис, затянув свой ремень.

Земля, казалось, падала на них и быстро росла, закрывая все небо. Они приземлились со страшным скрежетом, подняв облако разлетающегося гравия. Цветки с длинными стеблями падали на лобовое стекло, как похоронные букеты, а лопасти пропеллера, противно заскрипев, разлетелись на куски. Артемис не зря затянул ремни по команде Холли — они удержали его и не дали завалиться влево, иначе его голова оказалась бы именно в том месте, где сейчас из подголовника торчал обломок пропеллера.

Скользя по дорожке, маленький глайдер потерял свои крылья, затем перевернулся на крышу и остановился прямо перед ступенями подъезда.

— Могло быть хуже, — сказала Холли, щелкая пряжкой своего пристежного ремня.

«В самом деле», — подумал Артемис, косясь на поцарапанный кончик своего носа.

И тут что-то похожее на гигантский разъяренный персик скользнуло по левой стороне того, что было лобовым стеклом, пролетело дальше и ткнулось в нижнюю ступеньку.

«Мулч. Он сделал это. Отлично», — подумал Артемис.

Мулч буквально пополз вверх по крыльцу дома, отчаянно мечтая съесть хоть что-нибудь, чтобы восполнить то, что потерял, сбрасывая балласт.

— Вы можете поверить, что супермодели проделывают с собой такое каждый месяц? — простонал он.

Артемис открыл бипером дверь, и гном исчез внутри дома, рванув знакомой дорогой через холл прямо на кухню.

Мулч скрылся, поэтому Артемису и Холли пришлось волочить Батлера по ступенькам вдвоем — в бессознательном состоянии его тело было тяжелым, как наковальня. Они дотащили Батлера до третьей ступеньки, когда необычайно смелый красногрудый снегирь спикировал Батлеру на лицо и сел, положив, как на жердочку, свои лапки на переносицу

телохранителя. Это само по себе было весьма удивительно, но прикрепленная к клювику птицы записка сделала появление снегиря еще более зловещим.

Артемис отпустил руку Батлера.

— Быстро она среагировала, — сказал он. — Опал зря времени не теряет.

Холли отлепила записочку от клюва снегиря.

— Думаешь, это она?

— Да. Можешь даже не тратить времени на чтение, Холли. Слова Опал не стоят бумаги, на которой они написаны. И хочу заметить, что это дешевая бумага.

Разумеется, записку Холли развернула, и теперь ее щеки все сильнее краснели с каждым прочитанным словом.

— Опал требует, чтобы наша компания доставила ей удовольствие своим присутствием при великой зачистке. Если мы явимся — только ты и я — она обещает оставить в живых твоих братьев. А также готова помиловать даже Фоули, когда объявит себя императрицей.

Холли скатала записку и воткнула ее в перья на голове снегиря.

— Лети и передай Опал, что ее просьба отклонена.

Птичка агрессивно просвистела и угрожающе захлопала крыльями.

— Хочешь сразиться со мной, берсеркер? — спросила Холли у маленькой птички. — Что ж, хотя я только что выбралась из авиакатастрофы, у меня хватит сил, чтобы выщипать тебе хвост.

Снегирь взлетел, насмешливо что-то прочирикал и улетел к своей хозяйке.

— Тебе медведь на уши наступил, гаденыш! — крикнула ему вслед Холли, позволив себе непрофессиональный выплеск эмоций, после чего почувствовала себя намного лучше. Когда птица исчезла за кронами деревьев, Холли вернулась к своим обязанностям.

— Нам нужно торопиться, — сказала она, подхватывая Батлера под руку. — Это уловка. Опал посадила нам на хвост гораздо больше берсерков, чем мы думаем. За нами могут наблюдать... черви, например. Причем прямо сейчас.

— Нет, — не согласился Артемис. — Сейчас для нее самое важное — Врата. Она не станет рисковать новыми бойцами, чтобы выследить нас. Но поторапливаться нам необходимо, это верно. Заря на пороге, и у нас осталось времени всего на одну атаку.

— Так, значит, наплюем на эту писульку?

— Конечно. Опал пытается играть на наших чувствах для собственного удовольствия. И больше ничего. Она пытается утвердить свое моральное превосходство.

Ступени были покрыты кристалликами первого осеннего льда, мерцавшими в лунном свете, как красиво снятый в кино иней. Наконец Артемису и Холли удалось перекатить Батлера через порог и положить на ковер, на котором они проволокли тяжелого телохранителя под лестницу, где для удобства подложили ему под голову несколько подушек, которые Ангелина Фаул любила раскладывать по всем креслам.

Холли выпрямилась и с хрустом разогнула спину.

— ОК. Смерть мы еще раз надули. Что теперь, умник?

Слова Холли звучали легко и игриво, но ее глаза оставались расширенными, и в их глубине читалось отчаяние. Они очутились так близко к краю немыслимой катастрофы, что, казалось, человечество не спасти даже Артемису с его умением в последний момент вынимать волшебных кроликов из своей шляпы.

— Мне нужно подумать, — просто сказал Артемис, быстро поднимаясь вверх по лестнице. — Найди себе что-нибудь поесть и, если сможешь, вздремни немного. Это займет как минимум девяносто минут.

Холли пошла следом за Артемисом, приравливая свои шаги к большим человеческим ступенькам.

— погоди! погоди минутку! — воскликнула она и обогнала Артемиса на одну ступеньку, чтобы оказаться вровень с ним. — Я знаю тебя, Артемис. Ты любишь держать свои карты прижатыми к груди, пока не придет время открыть их. И это срабатывало — раньше. Сейчас ситуация другая, и ты должен ввести меня в курс дела. Я смогу помочь. Итак, скажи правду, у тебя есть план?

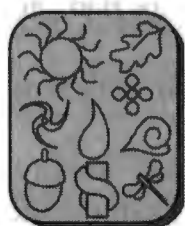
И тогда, глядя прямо в глаза своей лучшей подруге, Артемис солгал ей.

— Нет, — произнес он. — У меня нет плана.

ГЛАВА 17

ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ

Полис-плаза, Хэвен-сити, Нижние уровни

В Подземной полиции имелось несколько оперативников, работавших под прикрытием среди людей, в их парках отдыха. В таком парке никого не удивит стоящий возле американских горок гном или эльф или бродящий по дорожкам единорог. Однажды Фоули видел фильм о катастрофе на скачках в Орландо. Кстати, некоторые аналитики в Совете были уверены, что этот ипподром является тренировочной базой для подготовки секретной государственной группы эльфов-киллеров. Итак, прибывшие на ипподром в Орландо посетители сели в поезд метро, который должен был отвезти их на подземную станцию, на которую в тот день и обрушились все природные бедствия, извест-

ные людям или эльфам. Вначале подземный толчок расколол туннель, затем пролетел ураган, несущий груды мусора, потом наводнение смыло с поверхности и сбросило вниз автомобили, и, наконец, хлынул поток лавы, заливший окна.

Вернувшись в свой офис, Фоули смотрел на улицы Хэвена с четвертого этажа Полицейского управления, и любимый город напоминал ему ту несчастную станцию подземки в Орландо. Город был разрушен полностью, до неузнаваемости.

«И мой город не соберешь заново простым нажатием кнопки».

Фоули прижался лбом к холодному стеклу, наблюдая за работой магических аварийных команд.

Колдуны-парамедики лечили раненых, выпуская в них короткие заряды магической силы из своих рукавиц с тепловой изоляцией. Гномы-пожарные пробивались с помощью лазеров через завалы, расчищая дорогу для врачей скорой помощи, а строители спускались с потолка подземной пещеры на альпинистских веревках, заливая трещины в стене монтажной пеной.

«Забавно, — думал Фоули, приложив пальцы к стеклу. — Я всегда опасался, что люди

уничтожат нас. Нет. Мы не уничтожены. Мы восстановимся».

Все созданные с применением новых технологий машины взорвались, но оставалось и много старых машин, не списанных из-за урезания бюджета. Так, например, на ходу было большинство пожарных машин, и резервные генераторы за последние пять лет никто не ремонтировал. Командор Келп имел опыт проведения полицейских зачисток в невиданных для Хэвена масштабах. Он наблюдал за ними в Атлантиде, которая пострадала не меньше, чем Хэвен, а может быть, и больше.

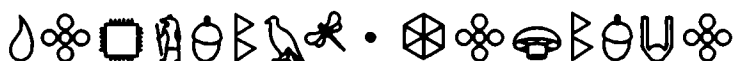
«У нас хотя бы купол уцелел. Если бы он обрушился, жертв было бы намного больше».

И все из-за того, что одной свихнувшейся пикси захотелось порулить миром.

«В скольких семьях сегодня потеряли родных. Сколько эльфов сейчас страдают от ран или погружены в депрессию».

Мысли Фоули перескочили на Холли, которая оказалась на поверхности и пыталась справиться с возникшей ситуацией без поддержки ПП.

«Только бы она была жива. Только бы все они были живы».

Живы они или нет, Фоули не знал. Все средства дальней связи были уничтожены, поскольку большинство из них было установлено на человеческих спутниках, превратившихся теперь в космический мусор.

Фоули пытался успокоить себя мыслью о том, что с его подругой находились Артемис и Батлер.

«Если кто-то и сможет пресечь Опал, так это Артемис».

«Пресечь? — продолжал размышлять он. — Теперь я использую такие полицейские словечки, как «пресечь». Опал бы это понравилось. Она бы почувствовала себя суперзлодейкой».

Рядом раздалось цоканье копыт Мейна.

— Мак так джибалл, Онкль. На экранах в твоей лаборатории что-то есть.

Племянник Фоули свободно говорил на языке единорогов, но выразаться точно и по сути дела пока не научился. Туповат он был.

— Это большие экраны, Мейн. Обычно на них всегда что-нибудь есть.

— Я знаю, — нетерпеливо поскреб передним копытом Мейн. — Но это действительно интересно.

— Конечно. Сегодня происходит масса интересных вещей, Мейн. Ты не мог бы говорить определеннее?

— Определеннее, — нахмурился Мейн. — Это значит, определить кого-то, ты это имеешь в виду?

— Нет. Я хочу сказать, ты можешь говорить конкретнее?

— Конкретнее? — переспросил Мейн.

Фоули поскреб копытом, царапая кафель на полу.

— Просто расскажи, что интересного ты увидел на экране. Мы все сегодня очень заняты, Мейн.

— Ты пил сегодня кофе? — поинтересовался его племянник. — Тетушка Кабаллина говорила, что после двух чашек кофе ты становишься немного нервным.

— Что там на экране? — произнес Фоули тоном, который сам он считал повелительным, но который на самом деле походил на пронзительное ржание.

Мейн слегка попятился назад, потом взял себя в руки, удивляясь тому, что все окружающие реагируют на него именно таким образом.

— Помнишь те АРК-лайтс, которые ты послал в поместье Фаул?

— Разумеется, помню. Все они погибли. Я посылал их, а Артемис их находил и отключал. Это было у нас с ним чем-то вроде игры.

Мейн ткнул большим пальцем себе за плечо, в направлении экрана, где должен был находиться пустой квадрат.

— Так вот, один из этих жучков ожил. Это я и пытаюсь так долго вдолбить тебе.

Фоули замахнулся на Мейна, но тот уже успел отскочить на безопасное расстояние.

Поместье Фаул

Артемис закрыл за собой дверь кабинета и включил камеры и сенсоры наружного наблюдения. Ему нужно было убедиться, что в данный момент он и его друзья находятся в безопасности. Все было, как он и ожидал. Единственная активность отмечалась примерно в километре от дома, там, где раньше стояла башня Мартелло, а теперь был кратер, внутри которого находились Врата берсерков. В целях безопасности он установил на пульте режим «Осада», включающий защитные системы, которые не использовались в обычных условиях, такие, как подача напряжения на окна и акти-

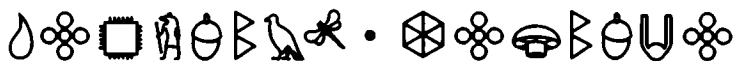
вация флэш-бомб в тамбурах. Поместье Фаул перестало быть обычным домом с тех пор, когда Артемис решил спрятать в его подвале похищенную им эльфиню.

Убедившись в том, что дом надежно защищен, Артемис открыл запертый на кодовый замок ящик своего стола и вытащил из него маленький свинцовый ларец. Постучав по крышке ногтем, он с радостью услышал негромкое шуршание.

«Жива».

Артемис сдвинул крышку ларца. Внутри находилась присоединенная к трехвольтовой батарее маленькая биомеханическая стрекоза. Одна из игрушек Фоули, которые Артемис обычно пришивал мухобойкой, но эту стрекозку решил сохранить на тот случай, если ему потребуется секретный канал связи с кентавром. Он надеялся, что камера этой стрекозы зафиксирует их успешную атаку на Врата берсерков, но ей придется передать более унылое сообщение.

Артемис вытряхнул стрекозку на стол, где она покрутилась немного, затем идентифицировала Артемиса как главную цель и решила сосредоточиться на нем. В глазах АРК-лайтс неслышно повернулись крохотные линзы, а

из усиков-антенн выдвинулась пара микрофонов.

Артемис наклонился к столу и начал тихо говорить, словно не желая, чтобы его подслушали, хотя сенсорные датчики утверждали, что ближайшее к нему излучающее тепло и достаточно массивное тело находится на расстоянии шести метров.

— Доброе утро, Фоули. Я знаю, что в этом маленьком создании нет ни единого атома, имеющего отношение к технологиям Кобой, поэтому теоретически сообщение должно дойти, и я надеюсь, что ты жив и сможешь получить его. Здесь дела плохи, дружище, очень плохи. Опал открыла Врата берсерков и работает сейчас над вторым замком. Если ей удастся его взломать, высвободится волна закодированной земной магии, которая полностью уничтожит человечество. Это, как мне кажется, не есть хорошо. Чтобы предотвратить катастрофу, нужно, чтобы ты прислал мне пару вещей в одной из твоих беспилотных горнопроходческих капсул. Сейчас нет времени на получение разрешений от всяких комиссий. Эти предметы должны быть в поместье Фаул в течение двух часов, иначе будет поздно. Сделай то, о чем я прошу, Фоули.

Артеми́с наклонился еще ближе к маленькой живой камере и убедительно прошептал:

— Две вещи, Фоули. Две вещи, чтобы спасти мир.

После этого он сказал, что это за вещи и куда именно их отправить.

*Полицейское управление,
Хэвен-сити, Нижние уровни*

Краска отлила от лица Фоули.

«Кобой взламывает второй замок».

Это было ужасно, хотя многие эльфы танцевали бы на улицах, празднуя уничтожение людей, но это неразумные эльфы.

«Две вещи».

С первой из них проблем не было. Это была просто игрушка.

«По-моему, одна такая есть у меня в столе».

Но вторая вещь. Вторая.

«Вот это большая проблема. Главная».

Есть вещи легальные и запрещенные.

Стоит ему упомянуть о второй вещи в Совете, как они потребуют создать особую рабочую группу и подкомитет.

То, о чем просил Артеми́с, технически было выполнимо. В отделе испытаний у него есть

один прототип беспилотной капсулы. Нужно лишь ввести координаты в ее навигационную систему, и капсула рванется вверх, к поверхности. Построенная для транспортировки шахтеров из провалов в породе, капсула выдерживала огромные давления и могла передвигаться по миру со скоростью три маха — втрое быстрее звука. Так что установленный Артемисом лимит времени не проблема.

Фоули пожевал палец. Должен ли он сделать то, о чем просит Артемис? Хочет ли он сделать это? Эти вопросы кентавр мог задавать себе бесконечно долго, но, по сути, ему нужно было ответить только на один из них:

«Я верю Артемису?»

За своей спиной Фоули услышал дыхание и понял, что в комнату вошел Мейн.

— Кто здесь еще был? — спросил Фоули у своего лаборанта.

— Здесь? — всхрипнул Мейн. — Ты думаешь, что сейчас кому-то есть время толкаться тут, когда в городе творится такое? Никого здесь не было, и никто не видел эту запись. Кроме меня.

— Хорошо, — сказал Фоули, меряя шагами комнату. — Юный друг мой Мейн, ты хотел бы перейти на полную ставку?

— А что я должен буду делать? — подозрительно покосился Мейн.

Фоули вынул из ящика своего стола предмет номер один и направился к двери.

— То же, что всегда, — ответил он. — Слоняться без дела по лаборатории и всем мешать.

Мейн сделал копию сообщения Артемиса на случай, если его начнут обвинять в чем-то вроде государственной измены.

— Это я могу, — произнес он.

•   •   •

«Парень, похитивший несколько лет назад Холли Шорт, никогда и не подумал бы пожертвовать собой».

Но он больше не был тем парнем. Его родители вернулись к нему, и у него были братья.

«И дорогие сердцу друзья».

Теперь еще одно дело, о котором Артемис никогда прежде не думал.

Он подписал слегка дрожащей рукой свое завещание — сохранят ли ценность многие из указанных в нем вещей, Артемис уверен не был. Банковская система по всей Земле была фактически разрушена, и биржи тоже, а ведь именно туда поступают акции, облигации и долевые паи.

«Сколько времени было потрачено на накопление богатства, — подумал Артемис. — Сколько времени — впустую».

Затем его мысли потекли в другом направлении.

«Прекрати. Ты становишься сентиментальным и слезливым. Ты любишь золото точно так же, как Мулч Диггамс любит цыплят. Дай тебе еще один шанс, и ты, очевидно, опять примешься за то же самое».

Так оно и было. Артемис не верил в преобразования на смертном одре, в этом было что-

то беспринципное. Человек должен оставаться самим собой, какие бы божьи кары не ожидали его по ту сторону жизни.

«Если мне доведется повстречать Святого Петра, я не буду спорить с ним у ворот рая», — пообещал Артемис своему подсознанию, хотя на самом деле знал, что если его теория верна, то его душа воспарит в небеса так же, как души берсерков.

«И я стану небесным телохранителем для Майлса и Беккета».

Эта мысль успокоила Артемиса и даже заставила его улыбнуться. Он понял, что больше ничего не боится, словно ему предстоит просто попытаться сыграть в ролевой игре, а не делать этого в реальности. Но настроение у него вновь изменилось, когда он запечатал конверт с завещанием и прислонил его к настольной лампе.

Он посмотрел на конверт, чувствуя неотвратимость момента.

«Пути назад больше нет».

И тут страх обрушился на Артемиса, словно гиря весом в тонну, и приковал его к офисному креслу. Артемис почувствовал свинцовую тяжесть в желудке и обнаружил, что у него отнялись руки и ноги. Он сделал несколько

глубоких вдохов, чтобы его не стошнило, и постепенно успокоился.

«Я всегда воображал, что у меня будет время для последних прощаний, возможность сказать самые главные слова тем, кого я люблю».

Но времени на это у него не было. Не было времени ни на что, кроме действий.

Страх рассеялся, и Артемис не отказался от своего решения.

«Я могу делать это, — понял он. — Я могу думать своим сердцем».

Артемис оттолкнул поехавшее на роликах кресло от стола, хлопнул себя по коленям и повернулся лицом к ожидавшим его испытаниям.

В кабинет влетела встревоженная Холли.

— Я видела, как что-то вылезло из винного погреба, Артемис.

— А, — сказал Артемис. — Капсула прибыла.

— Да, прибыла. И я заглянула внутрь.

— Мне жаль, Холли, что ты это увидела, — вздохнул Артемис. — Мулч должен был это спрятать.

— Мулч и мой друг тоже, и я сказала, что ты попытаешься что-то притащить. Мулч копал туннель на случай спешного отступления, когда на автопилоте прибыла эта капсула. Мулч посчитал, что это и есть то, что ты пытаешься притащить.

— Холли, это не то, что ты думаешь.

— Я знаю, что ты задумал. Я вычислила это.

— Это выглядит крутым, я знаю, — произнес Артемис. — Но это единственный способ. Я должен сделать это.

— Ты должен сделать! — возмущенно воскликнула Холли. — Артемис Фаул, как всегда, сам все решает за всех.

Возможно, но на этот раз к этому вынуждают обстоятельства.

Холли не шутя потянулась к своему пистолету.

— Нет. Забудь об этом, Артемис. Этому не бывать.

— Это должно произойти. Возможно, что будь у меня время и ресурсы, я смог бы выработать альтернативный план...

— Выработать альтернативный план? Но мы говорим не о корпоративных делах, Артемис. Речь идет о твоей жизни. Ты намерева-

ешься выйти отсюда, чтобы убить себя. А как же Батлер?

Артемис вздохнул. Ему было больно оттого, что он покидает остающегося в бессознательном состоянии Батлера, тем более зная, что его преданный телохранитель во всем будет винить только себя.

«Человек, наносящий сопутствующий вред, вот кто я».

— Нет, я не могу сказать ему, и ты тоже не... Холли прервала его взмахом пистолета.

— Никакие ваши приказы не принимаются, мистер шпак. Я — действующий офицер полиции. И я категорически налагаю вето на этот план.

Артемис сел в кресло, обхватив лицо ладонями.

— Холли, у нас всего тридцать минут до рассвета, а потом я по-любому умру. И Батлер умрет, и Джульетта. Моя семья. Почти всех, кого я люблю, не станет. То, что ты делаешь, играет на руку Опал. И тебе никого не спасти.

Холли подошла и осторожно прикоснулась к плечу Артемиса. Артемис неожиданно уловил аромат духов Холли.

«Трава и цитрус. Когда-нибудь нужно будет внести эту информацию в базу данных».

— Я знаю, тебе это не по душе, Холли, подруга моя дорогая, но это хороший план.

Холли провела пальцами по шее Артемиса, и он почувствовал легкое покалывание.

— Мне это не нравится, Арти, — сказала она. — Но план хороший.

Транквилизатор подействовал через несколько секунд, и Артемис сполз на афганский ковер, уткнувшись носом в узор, изображавший Древо жизни. Мозг Артемиса заволокло туманом, и он уже плохо понимал, что происходит вокруг.

— Прости, Артемис, — произнесла Холли, опускаясь на колени рядом с ним. — Опал — одна из моего народа, так что будем считать это моим жертвоприношением.

Левый глаз Артемиса закатился, а его рука безвольно упала на ковер.

— Обещай, что не будешь вечно ненавидеть меня, Арти, — прошептала Холли. — Я этого не перенесу.

Затем она крепко пожала Артемису руку.

— Я солдат, Артемис, и это работа именно для солдата.

— Хорошо сказано, Холли, — трезво произнес Артемис. — Но это мой план, что там ни

говори, и я единственный, кому можно доверить его выполнение.

Холли была смущена. Всего мгновение назад Артемис практически был без сознания, и вот, пожалуйста, он уже читает ей мораль, как ни в чем не бывало!

«Но как он это сделал?»

Холли отвела назад свою руку и увидела на ладони маленький клейкий бугорок.

«Он ввел мне наркотик! — поняла она. — Этот хитрющий Грязный мальчишка опять обманул меня!»

Артемис встал, повел Холли к кожаному дивану и удобно устроил на мягких подушках.

— Я подумал, что Фоули может проболтаться, и ввел себе адреналин, чтобы нейтрализовать твоё снотворное.

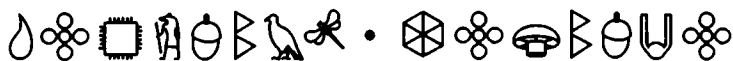
Холли почувствовала, как затуманилась ее голова.

— Но как ты мог... Как?

— Рассуждая логически, у тебя нет права сердиться. Я просто последовал твоему примеру.

Глаза Холли наполнились слезами, и какой-то неясный голос позвал ее издалека, сквозь мутную дымку.

«Он действительно собирается сделать это».

— Нет, — приказала она.

— Другого пути нет.

Холли ощутила ледяную пустоту под сердцем.

— Пожалуйста, Арти, — прошептала она. —
Позволь мне...

Больше она не смогла сказать ничего, не в силах шевельнуть губами.

Артемис едва не сломался — это она заметила по его глазам, — но все же отступил от дивана и глубоко вздохнул.

— Нет. Это должен быть я, Холли. Если будет взломан второй замок, тогда я умру, но если мой план увенчается успехом, тогда души всех эльфов, находящихся внутри магической сферы, будут унесены в посмертие. Эльфийские души. А моя душа — человеческая, Холли, неужели ты не понимаешь? Я не собираюсь умирать, и у меня есть шанс уцелеть. Небольшой шанс, согласен, но шанс тем не менее. — Артемис потер глаз кулаком. — Мой план, конечно, далек от совершенства, однако альтернативы ему нет.

Он поправил подушки, на которых лежала Холли.

— Я хочу, чтоб ты знала, подруга моя дорогая, что без тебя я не был бы таким, каким стал сейчас.

Он наклонился над Холли и прошептал:

— Я был парнем, который разваливается на куски, а ты собрала меня. Спасибо.

Холли была уверена, что плачет, поскольку все перед ее глазами казалось размытым, но она не чувствовала текущих по щекам слез.

— Опал ожидает тебя и меня, — услышала она голос Артемиса. — И это именно то, что она получит.

«Это западня! — хотела закричать Холли. — Ты идешь в западню!»

Но даже если бы Артемис мог слышать ее мысли, это не могло остановить его. Холли знала, что с выбранного пути он не свернет. Она предполагала, что Артемис вышел из комнаты, но он вновь возник в поле ее зрения с печальным выражением на лице.

— Я знаю, ты еще слышишь меня, Холли, — сказал он. — Поэтому попрошу тебя об одной последней услуге. Если Опал переиграет меня, и я не вернусь из кратера, скажи Фоули, чтобы он подключил хризалиду. Он это сможет. И передай ему от меня вот это, — он наклонился и поцеловал Холли в лоб.

Когда Артемис уходил, Холли не хватило сил даже на то, чтобы повернуть голову ему вслед.

Опал знала, что ряды ее воинов поредели, но это не имело значения — она дошла до последнего уровня второго замка Врат берсерков. От приятного возбуждения у нее даже сыпались искры с кончиков ушей.

— Мне нужна тишина, — сказала она охранявшим ее берсеркам. — Если кто-то приблизится, убейте их.

Тут же спохватившись, она подкорректировала приказ:

— Кроме человека Фаула и его подружки, капитана ПП. Вы поняли меня?

Сидевший в теле Беккета Оро все отлично понял, но очень желал, чтобы в магических чарах нашлась хоть какая-то щелка, позволяющая намекнуть о том, что их предводительница забыла о своей личной вендетте. Однако заклятие Брюна Фадды такой возможности не оставляло: полное подчинение эльфу, который откроет замок.

«Мы должны убить их, — хотелось проговорить Оро. — Если мы сможем уничтожить этих нескольких последних людей, вообще не потребуется открывать второй замок».

Опал повернулась и крикнула ему в лицо, брызжа слюной:

— Я спросила, ты понял меня?

— Да, — ответил Оро. — Убить любого, кроме Фаула и женщины.

Опал постучала пальчиком по его курносому носу.

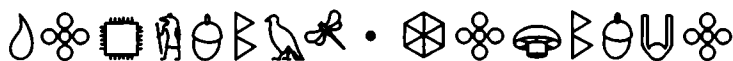
— Правильно. Мамочка извиняется за то, что ей пришлось повисить на тебя голос. Мамочка устала сверх всякой меры. Ты не пове-ришь, если я скажу, сколько нервных клеток потратила мамочка, работая над этим замком.

«Скажет еще раз «мамочка», — подумал Оро, — и чары или не чары...»

Все, что Оро мог противопоставить магическим чарам, это нахмуриться и приготовиться перенести за это судороги в желудке, но на этот раз все обошлось, поскольку Опал уже повернулась к замку, освещая его мерцающей вокруг ее головы магической короной.

Последним защитным механизмом в волшебном замке Брюна Фадды был сам колдун. Брюн заточил свою собственную душу в камне точно так же, как захоронил перед этим в земле берсерков.

Когда Опал провела пальцами по поверхности камня, на нем показалось лицо друида, грубо вырезанное, но явно принадлежащее эльфю.

— Кто пробудил меня от сна? — спросил он дребезжащим старческим голосом. — Кто призвал меня назад из бездны Вечности?

«Вот тебе раз, — подумала Опал. — «Кто призвал меня из бездны Вечности». И вот с этим куском древнего навоза мне придется иметь дело, чтобы стереть с лица Земли человечество?»

— Это я, Опал Кобой, — сказала она, подыгрывая ему. — Из дома Кобой. Великая царица эльфов.

— Приветствую тебя, Опал Кобой, — произнес Брюн. — Как приятно видеть лик другого эльфа. Это означает, что мы еще не исчезли.

— Пока что нет, великий волшебник, но в то время как мы беседуем с тобой, к Вратам приближаются люди. Хэвен в опасности. Мы должны открыть второй замок.

Камень затвердел как жернов, когда Брюн нахмурился.

— Второй замок? О, это судьбоносное пожелание. Вынесешь ли ты груз вины за это действие?

Опал изобразила на своем лице раскаяние. Она давно освоила это выражение, обращаясь с просьбами о досрочном освобождении из тюрьмы.

— Я вынесу этот груз ради своего народа.

— Ты действительно отважна, королева Опал. Пикси всегда были благородны, несмотря на свой малый рост.

Опал решила пропустить ремарку о своем малом росте мимо ушей. Во-первых, ее компенсировали слова «королева Опал», а во-вторых, они попусту тратили время. Меньше чем через час взойдет солнце, а полная Луна скроется, и тогда шансов сохранить еще на целый день эту маленькую армию — даже если люди будут гоняться за собственным хвостом — практически не останется.

— Благодарю тебя, могучий Брюн. Теперь пришло время услышать твой ответ.

Колдун нахмурился еще сильнее.

— Я должен обдумать свой ответ. Мои берсерки на твоей стороне?

Этот вопрос был легко предсказуемым.

— Да. Капитан Оро — моя правая рука. И он полностью согласен со мной.

— Я должен посоветоваться с ним, — сказала каменное лицо.

Характер Брюна начинал выводить Опал из себя. Секунду назад этот дряхлый фокусник называл ее королевой, а теперь, видишь ли, хочет проконсультироваться у ее слуги.

— Великий Брюн, я не думаю, что тебе есть необходимость советоваться с твоими воинами. Времени в обрез.

— Я должен посоветоваться с ним! — громыхнул Брюн, и глубокие морщины на его лице вдруг налились сияющей магической силой, потрясшей Опал до самого сердца.

«Нет проблем, — подумала она. — Оро подвластен мне. Мое желание — это его желание».

Оро выступил вперед.

— Брюн, товарищ, — проговорил он. — Я думал, ты давно ушел в следующую жизнь.

Каменное лицо улыбнулось, и показалось, что в нем блеснул солнечный луч.

— Скоро, Оро Шейдова. Твое старое лицо мне нравилось больше, чем это, молодое, но я вижу под ним твою душу.

— Душу, которая жаждет освобождения, Брюн. Нас всех призывает к себе свет. Некоторые из моих воинов уже потеряли разум, другие близки к этому. Мы не знали, что это такое — столько времени пролежать под землей.

— Время освобождения близко, мой старый друг. Наша работа почти завершена. Скажи мне, угроза все еще висит над нашим народом?

— Да. Королева Опал говорит правду.

— Однако ты связан магическими чарами, как я посмотрю, — прищурился Брюн.

— Да, Брюн. Я раб королевы.

Каменные глаза Брюна сверкнули.

— Я освобождаю тебя от этих чар, можешь говорить свободно.

«Плохо дело», — подумала Опал.

Плечи Оро резко опустились, а на его лице сейчас, казалось, отпечатались все прожитые воином годы.

— Люди теперь владеют оружием, — сказал Оро, и было странно смотреть, как вылетают его слова из полного молочных зубов рта. — Они кажутся мне удивительными. В памяти этого мальчика я видел, что они убивают не нас, а друг друга, миллионами. Они губят Землю и уже уничтожили тысячи видов животных.

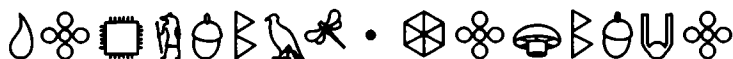
Каменное лицо стало тревожным.

— Так они не изменились?

— Они стали более искусными, чем мы помним, и это все.

— Должен ли я открыть второй замок?

— На этот вопрос я не могу тебе ответить, — потер свои глаза Оро. — Это верно, что королева Опал пока что сдерживает их усилия, но они наращивают давление на нас. Врата уже

дважды подвергались нападению, и среди атакующих были двое наших — эльфийка и гном, и оба они искусные соперники.

Каменное лицо вздохнуло, и у него изо рта полился белый свет.

— Предатели всегда отыщутся.

— Мы не в силах больше держаться, — заметил Оро. — Некоторые из моих воинов уже призваны к Дану. Мир охвачен хаосом, и если люди завтра пойдут атакой на Врата, их уже некому будет охранять. Со своим новым оружием люди, возможно, найдут способ открыть второй замок.

Опал молча ликовала, и если бы она не считала, что королеве не пристало аплодировать, то, наверное, захлопала в свои крошечные ладошки. Оро убеждал этого замшелого идиота даже лучше, чем сделала бы она сама.

— Наш народ чахнет и умирает без солнечного света, — кисло добавила она. — Вскоре мы совсем исчезнем. Страдание — вот наш повседневный удел. Мы должны возвыситься.

Оро не мог не согласиться с этим.

— Да. Мы должны возвыситься.

Брюн надолго задумался, и по мере того, как он раздумывал, его каменные черты стирались.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Я открою замок, но окончательный выбор за тобой, королева Опал. Раз конец близок, ты должна сделать выбор. Твоя душа возьмет на себя груз последствий, как уже делает это моя душа.

«Да, да, да!» — подумала Опал, едва скрывая свое нетерпение.

— Я готова нести эту ответственность, — мрачно сказала она.

Опал не видела, как за ее спиной Оро закатил глаза, чувствуя сердцем, что Опал действует не в интересах их народа. Но ее мотивация не имела значения, поскольку конечный результат от этого не менялся — уничтожение человечества.

Лицо Брюна неожиданно погрузилось в озерцо бурлящей магмы, которая выплеснулась на камень, открывая две выбитые на камне ладони. Первая — ключ Опал, и вторая, новая, светящаяся кроваво-красным светом.

— Выбирай по зову сердца, — прозвучал голос Брюна из глубины камня. — Благоразумие навечно закроет Врата, освободит души и навсегда разрушит этот путь. Безрассудство пробудит силы Дану и сотрет человечество с лица нашей Земли. И эльфы снова будут ходить по Земле.

«Отпечаток В, — радостно подумала Опал. — Я всегда находила безрассудство изумительным мотиватором».

Теперь, когда наступил момент истины, Опал не спешила, упиваясь им.

— Теперь я просто не могу проиграть, — сказала она Оро. — Мамочка нажмет большую кнопку.

Оро сам нажал бы любую кнопку, лишь бы заставить Опал перестать называть себя мамочкой, но, увы, активировать второй замок мог только эльф, открывший Врата.

Опал пошевелила пальцами.

— Пора. Мамочка готова.

И тут с края кратера донесся крик:

— Человек сам сдается в плен. И он принес эльфа.

— Приведите их ко мне, — приказала она. — Я хочу, чтобы они видели то, что происходит.

Артемис Фаул волок накрытую капюшоном фигуру по земле — ботинки этой фигуры то и дело попадали в ямки и подскакивали. Когда они подошли к кратеру, выбитому при прибытии Опал, один из пиратов толкнул локтем Артемиса, и тот покатился вниз по склону, при каждом перевороте ударяясь лицом в грязь.

Вторая фигура скользила рядом. На дно кратера, к Вратам берсерков, оба они скатились одновременно.

Жалкая, перемазанная грязью, побитая пара. Вторая фигура лежала лицом вверх. Это была Холли Шорт. Все говорило о том, что сюда она попала не по своей воле.

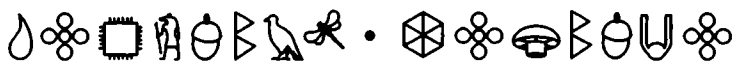
— Подумать только, — сказала Опал, хихикнув в кулачок. — Бедные детки. Как трогательно.

Опал была горда собой, потому что, как ей казалось, сумела сохранить капельку сострадания к другим.

«Пожалуй, мне действительно жаль их, — подумала она. — Очень благородно с моей стороны».

Но затем Опал вспомнила, что именно Артемис Фаул и Холли Шорт были главными виновниками того, что она долгие годы провела в строгом заключении, и что именно они вынудили ее придумать рискованный план своего освобождения — и ее «благородное сочувствие» испарилось, как утренняя роса.

— Помоги им подняться, — приказал Оро Джульетте, сидевшей рядом с ним на корточках, поедая окровавленную кроличью тушку.

— Нет! — истерично закричала Опал. — Обшарьте Грязного мальчишку, чтобы проверить, нет ли при нем оружия, а затем пусть он ползет к моим ногам. Пусть молит за человечество. Я хочу видеть кровь у него на коленях и слезы отчаяния на его лице.

Берсерки чувствовали, что конец близок и что скоро их души наконец-то освободятся от своих обязанностей и получают в награду покой, и потому собрались в своих ворованных телах-носителях у подножия Врат, замкнув собой магический круг. Они наблюдали за тем, как Артемис, мучительно сгибая спину, тащит Холли вверх по ступеням.

«Я желаю видеть его лицо, — подумала Опал. — Хочу видеть, чего это ему стоит».

Обмякшее тело Холли ударилось о ступени, одна ее нога свесилась за край башни.

Холли выглядела маленькой и хрупкой; дыхание ее было неровным. Опал позволила себе помечтать о том, что должен был сделать Фаул, чтобы довести эльфиню до такого состояния.

«Я натравила их друг на друга, — подумала она. — Полная победа. Напрасно старались, дурачки».

Артемис взобрался на вершину башни и уронил Холли, словно мешок с костями. Это возбудило Опал, и ее обычно бесстрастное лицо исказила ненависть.

— Вот и мы, ваше величество, — сказал Артемис, со злостью выплюнув титул. — Я сдался сам, как было приказано, и принудил Холли сделать то же самое.

— И я рада видеть тебя, Артемис. Очень рада. Это весьма упрощает все дело.

Артемис оперся локтями о колени, восстанавливая дыхание. Из его носа капала кровь.

— Холли сказала, что ты никогда не удержишь слово, но я пытался убедить ее в том, что у нас как минимум есть хоть какой-то шанс, но нет выбора. Она не согласилась со мной, и мне пришлось усыпить свою лучшую подругу. — Артемис установил зрительный контакт с пикси, взглянув ей прямо в глаза. — У нас есть шанс, Опал?

Опал звонко рассмеялась в ответ.

— Шанс? О боги, конечно, нет. И никогда не было у вас ни единого шанса. Ты мне нравишься, Артемис. Ты такой забавный.

Опал пошевелила пальцами, и на их кончиках заплескали искры.

Лицо Артемиса побледнело, его руки дрожали от напряжения и злобы.

— И тебе нет дела до жизней, которые ты отбираешь?

— Я не хочу убить кого-то конкретно. Либо люди, либо эльфы должны уйти, а я, таким образом, возглавлю оставшихся. Могу сказать, что там, под землей, у меня мощная поддержка. Существует закрытый сайт, и ты удивился бы, узнав имена тех, кто на нем зарегистрирован.

Оставшиеся берсерки смотрели в небо, слегка покачивались и бормотали молитвы богине Дану. Два пирата неожиданно рухнули на землю и превратились в груду костей.

— Мои детки начинают падать с ног, — произнесла Опал. — Мамочке пора отослать их на небо. Беллико, подвинь этого мерзкого гениального мальчишку немного назад. Маловероятно, что Артемис Фаул способен начать психическую атаку, но у него в запасе может оказаться какой-нибудь трюк, способный помешать осуществлению моих прекрасных планов.

Джульетта швырнула Артемиса спиной в грязь. Лицо ее не выражало никаких эмоций, она просто не была способна действовать иначе.

— Мне убить Грязного мальчишку? — бесстрастно спросила она.

— Что ты, нет, — ответила Опал. — Я хочу, чтобы он видел. И сама хочу видеть его беспредельное отчаяние.

Артемис перекатился на колени.

— Люди не угрожают тебе, Опал. Большинство из них даже не подозревают о существовании эльфов.

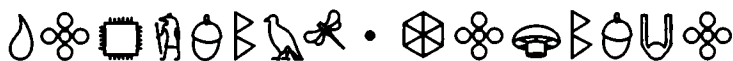
— Это пока. Порты наших шаттлов открыты и лишены защитного поля. Я раскрыла наше существование Грязному народу, и теперь у меня нет иного выбора, как только уничтожить всех людей. Это простая логика.

Джульетта поставила ногу на спину Артемиса и прижала его к земле.

— Он опасен, моя королева. А если очнется эльфиня-предательница, она тоже может причинить тебе вред.

Опал указала на терракотовых китайцев.

— Сторожи эльфиню, а этим ходячим статуям прикажи держать мальчишку. Мамочке хочется немного поиграть на публику. Это банально, я знаю, но, в конце-то концов, имею я право выглядеть перед зрителями царственно и быть в безопасности?

Джультетта схватила Холли за шиворот и без труда подняла вверх. Два китайца зажали Артемиса с обеих сторон, крепко удерживая его своими каменными ладонями — у них двигались только руки и ноги.

«Он беспомощен», — удовлетворенно подумала Опад.

— Подведите их ближе, — приказала она. — Я хочу, чтобы они видели, как я очищаю от людей Землю.

Артемис беспомощно барахтался, а голова Холли безвольно моталась внутри капюшона, и это слегка раздражало Опал, которой хотелось видеть эльфиню очнувшейся и испуганной.

Опал взошла на помост и пробежалась пальцами по камню, как пианист по клавишам. Заговорив, она принялась работать над Вратами берсерков, погружая ладони в камень, который расплавлялся там, где она к нему прикасалась.

— Когда-то люди владели магией, — говорила она.

Возможно, следовало заклеить Артемису его прекрасный ротик на случай, если он засорил свои мозги этой чушью. Впрочем, судя по бессмысленному взгляду Грязного мальчишки, эту чушь, если она и была, из него вышибло.

— Да, это так, — продолжила Опал. — Люди когда-то владели магией почти так же хорошо, как демоны. Вот почему Брюн Фадда навел так много чар на свой замок. Он полагал, что если люди станут достаточно могущественными, чтобы расколдовать замок, то у него, Брюна, не будет иного выбора, кроме как только выпустить на свободу силы Дану. Во имя и на благо своего народа.

Опал нежно улыбнулась Вратам берсерков.

— Сейчас все просто, как детская игрушка, — сказала она. — Два изображения на каменной доске. Но для этого мне пришлось потрудиться, о, да. Фоули никогда не справился бы с такой задачей, можете мне поверить. Этот нелепый кентавр и представить не мог бы, чего стоило решить эту головоломку — заколдованные руны в нескольких измерениях, квантовая физика, магические вычисления. Я сомневаюсь, чтобы во всем мире нашелся кто-нибудь, кому удалось бы вернуть к жизни этого старого олуха Брюна. Я все это проделала в уме, без мониторов и даже клочка бумаги. Некоторые знания я получала от своего младшего «я». Вы знаете, я не потеряла свою память, когда она умерла, а я думала, что и сама тоже умру. Странно, не так ли?

Артемис не ответил. Он погрузился в мрачное молчание.

— Вот как это работает, — оживленно произнесла Опал, словно объясняла арифметическую задачку в младшей группе детсада. — Если я выберу первый символ, то закрою Врата навечно, и все эльфийские души, находящиеся внутри магического круга, обретут свободу — меня самой, это, разумеется, не касается, поскольку я защищена черной магией. Но если я выберу вот этот знак в виде ужасной багровой руки, сила Дану выйдет на волю, но уничтожит только людей. Жаль, что отсюда мало что можно увидеть, но, по крайней мере, я буду наблюдать, как умираете вы, и смогу представить, как это происходит с остальными.

Артемис высвободил одну руку из каменной хватки китайца, разорвав при этом рукав и содрав кожу. И, прежде чем кто-либо успел опомниться, приложил свою руку к первому замку Врат.

Разумеется, ничего не произошло, лишь Опал разразилась хохотом.

— Ты не понял, глупый мальчишка. Выбирать могу только я. Не ты, не твой жалкий кентавр Фоули и не твоя маленькая подружка. Только Опал Кобой. Вот в чем соль.

— Фоули! — взвизгнула Опал. — Фоули — шут гороховый. Возится со своими примочками, когда целые измерения остаются неисследованными.

— Прости, Холли, — официальным тоном сказал Артемис. — Ты предупреждала меня, но я не прислушался. Ты была нашим единственным шансом, а я обманул тебя.

Опал была разъярена. Она ринулась мимо китайцев к Джульетте, державшей Холли — голова эльфины по-прежнему безвольно свисала.

— Ты думаешь, эта жалкая тварь сможет когда-нибудь сделать то, что удалось мне?

— Это капитан Холли Шорт из Подземной полиции, — проговорил Артемис. — Относись к ней хотя бы с некоторым уважением. Раньше она уже побеждала тебя.

— Сейчас — это не раньше, — многозначительно заявила Опал. — Сейчас — это сейчас. Последний день человечества.

Она схватила Холли за руку и хлопнула ею по отпечатку ладони на Вратах берсерков.

— Ну, видишь? Врата не закрываются. Холли Шорт не способна сделать это, — торжествующе рассмеялась Опал. — Ах, бедняжка Холли! Как тебе не повезло! Если бы твоя

рука могла активировать замок, твои мучения уже закончились бы.

— Мы можем сделать это, — промямлил Артемис, но глаза его были закрыты, а сам он казался потерявшим веру в себя. Его свободная рука выбивала по камню какой-то неопределенный ритм. Его гениальный ум, очевидно, впал в ступор.

— Смехотворно, — сказала Опал, стараясь успокоиться. — Я устала от твоей болтовни. Ты достал меня, Артемис, и я буду только рада, когда ты наконец умрешь.

Пока Опал издевалась над Холли, произошли две вещи. Первая вызвала у Опал целый ряд мыслей:

«Рука Холли кажется очень маленькой».

Опал припомнила, что так и не рассмотрела эльфину вблизи с того момента, когда та появилась на краю кратера. Либо она лежала ничком, либо Артемис закрывал ее своим телом.

«Но ее лицо. Я видела лицо. Это точно она».

Вторым событием было то, что маленькая рука, о которой только что размышляла Опал, по-прежнему лежала на Вратах берсерков. И не просто лежала, а начала судорожно подбираться к отпечатку на камне, нащупывая дорожку кончиками пальцев.

Опал откинула капюшон с головы Холли, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, и оно слегка треснуло от первого прикосновения.

«Маска. Детская проекционная маска. Как та, которую использовал Пип...»

— Нет! — закричала Опал. — Я не позволю!

Она ухватила Холли под подбородком и сдернула маску. Под маской, разумеется, была не Холли.

Опал увидела под маской лицо собственного клона и отпрянула, словно получила сильнейший удар.

— Это я! — выдохнула Опал, а затем истерически захохотала. — И только я могу открыть Врата.

Двух секунд, пока Опал оставалась в шоке, хватило для того, чтобы ладонь Нопаль в точности совпала с отпечатком на камне. Отпечаток стал зеленым и мягко засветился. От камня вдруг пахнуло летом, и послышалась птичья трель.

Артемис усмехнулся, показав свои ровные зубы.

— Представляю, как я тебя сейчас достал.

Опал послала в торс клона яростный луч темной энергии, вырвавший Нопаль из рук Джульетты и отбросивший от Врат, однако от

этого неземной свет не только не угас, но стал разгораться все ярче. Изумрудные лучи поднимались вверх, свиваясь в тугую спираль, а затем раскрылись веером, образовав охватившую магический круг полусферу. Берсерки вздохнули и подставили свои лица этому золотисто-зеленому сиянию.

— Вот и все, Опал, — сказал Артемис. — Твой план провалился. С тобой покончено.

В свете были люди, улыбающиеся и манящие к себе. Возникали сценки давно прошедших дней. На этой самой лужайке эльфы обрабатывали землю.

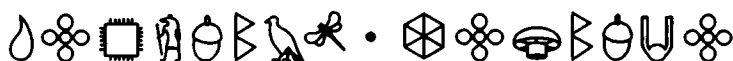
Опал не желала так просто сдаваться и продолжала сопротивление.

— Нет, — произнесла она. — Я все еще владею силой. Пускай я потеряла этих дурацких берсерков, но меня защитит моя черная магия. Надувай кого другого, а меня ты в следующий раз уже не остановишь.

Опал сильно ударила Оро, чтобы отвлечь его от света.

— Убедись в том, что клон мертв, — приказала она. — Магия не влияет на бездушные предметы. Если потребуется, прикончи ее. Пошевеливайся!

— Но она — одна из нас, — нахмурился Оро.

— Меня это не волнует.

— Но все закончено, ваше величество. Мы уходим.

— Делай, что тебе приказано, раб! Это будет твой последний поступок перед смертью. Я покончу с вами.

— Она не виновна. Беспомощная пикси.

— Не виновна? — вспикела Опал. — Какое мне дело до этого? Я убила тысячу ни в чем не повинных эльфов и убью в десять раз больше, если потребуется. Делай, что тебе говорят.

Оро вытащил кинжал, казавшийся в его ручке большим, как меч.

— Нет, Опал. Брюн освободил меня от твоих чар. Ты не убьешь больше ни одного эльфа.

И умело, как и подобает бывалому солдату, он с первого удара вонзил кинжал точно в сердце Опал. Крошечная пикси рухнула, все еще продолжая что-то бормотать.

Она лопотала до тех пор, пока не умер ее мозг, посылая проклятия и отказываясь поверить в то, что ей пришел конец. Она умерла, глядя в лицо Артемиса ненавидящим, остановившимся навсегда взглядом.

Артемис хотел бы ответить ей таким же ненавидящим взглядом, но не мог — ему было просто жаль напрасно прожившую свою жизнь пикси.

Похожая на скрюченную темную тень душа Опал вылетела в этот момент из ее тела, воровато покружилась возле него, а затем растаяла в магическом свете.

«Столько потраченного времени. Столько борьбы. И никто не победил. Трагично».

Свет разгорался все ярче, осколки сами собой откалывались от ореола и расплавлились, а затем вновь застывали вокруг стоявших внутри круга берсерков. Некоторые души отлетали легко, сбрасывая тело, словно старое пальто. Другие выбирались наружу натужно, рывками. Оро выронил свой кинжал, который теперь внушал ему отвращение, а затем освободил тело Беккета и исчез в зеленой вспышке пламени.

Возможно, он успел прошептать: «Наконец-то», хотя Артемис и не был уверен в этом. Рядом с ним валялись терракотовые китайцы, развалившиеся на куски после того, как их покинули души берсерков. Артемис опустил ся на землю и оказался лицом к лицу с Нопаль.

Она лежала с радостно сияющими глазами и легкой улыбкой на лице. На мгновение Нопаль остановила взгляд на Артемисе, но тут же свет в ее глазах померк, и она умерла. Конец ее оказался тихим и мирным, но не было видно отделившейся от ее тела души.

«Словно тебя никогда и не было», — с грустью подумал Артемис, а затем вернулся мыслями к собственной безопасности.

«Из магического поля нужно бежать, и как можно быстрее».

Рискованную игру он любил, но на этот раз риск был слишком велик. Артемис столько раз рисковал за последние годы, что знал: иногда шансы на успех могут оказаться близкими к нулю.

Конечно, будучи человеком, Артемис мог просто пройти сквозь стенку магической полусферы и уцелеть.

«Для этого не нужно быть гением, достаточно одного хорошего прыжка».

Он поднялся на ноги и побежал к краю башни Врат. Высота башни составляла около трех метров. Спрыгнуть сложно, но можно.

«Жаль, у меня сейчас нет пары крыльев колибри, которые придумал Фоули», — подумал он.

Сквозь зеленую дымку Артемис увидел взбирающихся по склону холма Холли и Батлера — они бежали к кратеру.

«Не торопитесь, друзья мои, — подумал он. — Я иду».

И он прыгнул. Артемис был доволен тем, что это видел Батлер — прыжок получился очень даже ничего. Во время прыжка Артемису даже показалось, что он не падает, а летит, плавно летит вниз.

На спуске Холли умудрилась немного опередить Батлера, и по ее губам Артемис прочитал, что она выкрикивает его имя. Ее руки коснулись стенки волшебного пузыря, и Холли проскочила внутрь, после чего Артемис почувствовал огромное облегчение.

«Сработало. Теперь все станет другим. Новый мир, в котором люди и эльфы живут вместе. А я могу быть посланцем этого мира».

Затем заклинание аккуратно подхватило его, как жука в банку, и Артемис скользнул вниз, внутрь магической короны, так, словно она была сделана из стекла.

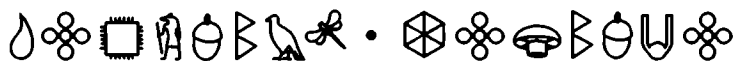
Холли неслась вниз по склону, приближаясь к магическому свету.

— Стой! — крикнул Артемис, и его голос прозвучал с некоторым запозданием, отставая от движения губ. — Заклятие убьет тебя.

Холли не замедлила бег, и Артемис видел, что она готова предпринять попытку спасти его.

«Она не понимает», — подумал он и крикнул:

— Батлер! Останови ее!

Телохранитель выбросил вперед свои массивные руки и крепко обхватил Холли сзади. Она применила все известные ей способы освобождения от захвата, но против хватки Батлера ни один прием помочь не мог.

— Батлер, пожалуйста. Это нечестно. На его месте должна была оказаться я.

— погоди, — ответил Батлер. — Просто погоди, Холли. У Артемиса есть план.

Он, прищурившись, посмотрел сквозь стенку зеленого купола и крикнул:

— Каков твой план, Артемис?

В ответ Артемис только улыбнулся и пожал плечами.

Холли прекратила барахтаться.

— Магия не действует на людей, Артемис. Почему ты до сих пор не освободился?

Артемис почувствовал, как волшебная сила сканирует его, выискивая что-то — и нашла это нечто в его глазнице.

— У меня эльфийский глаз — один из твоих, помнишь? — сказал Артемис, показывая на карюю радужную оболочку. — Я думал, мои человеческие гены смогут пересилить, но это глубокая магия. Колоссальная сила.

— Я добуду дефибриллятор, — произнес Батлер. — Может быть, разряд поможет.

— Нет, — ответил Артемис. — Будет слишком поздно.

Глаза Холли превратились в щелочки, и ее лицо побелело. Она чувствовала себя разбитой и уставшей.

— Ты же знал, Артемис. Почему? Почему ты пошел на это?

На ее вопрос Артемис не ответил. Холли достаточно хорошо знала его, чтобы разобратся позже в его мотивах. У него в запасе оставалось несколько секунд, и существовали гораздо более важные вещи, о которых нужно было успеть сказать.

— Батлер, ты не подвел меня, это я обманул тебя. В конце концов, я гениальный тактик, а ты лежал без сознания. Я хочу, чтобы ты запомнил это, просто на случай, если...

— На какой случай? — прокричал Батлер сквозь вязкий свет.

На этот вопрос Артемис тоже не стал отвечать. Рано или поздно Батлер все поймет сам.

— Ты запомнил все, что я сказал тебе? — спросил Артемис, прикасаясь к своему лбу.

— Я запомнил, — ответил Батлер, — но...

Для новых вопросов времени уже не оставалось. Зеленый туман начал втягиваться внутрь Врат берсерков, словно его туда засасывал не-

видимый пылесос. Еще мгновение Артемис оставался стоять целым и невредимым, и Батлер отпустил Холли и бросился вперед. Затем эльфийский глаз Артемиса полыхнул зеленым огнем, и к тому моменту, когда Батлер подхватил на руки падающее тело Артемиса Фаула, оно уже было мертвым.

Холли опустилась на колени и увидела рядом с замком перекрученное тело Опал Кобой. Остатки черной магической силы уже успели в нескольких местах поглотить ее плоть, обнажив блестящий, как слоновая кость, череп.

Хотя эту картину Холли наблюдала всего мгновение, взгляд остановившихся, широко раскрытых глаз пикси будет преследовать ее в ночных кошмарах до самого конца жизни.

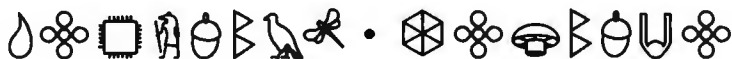
Розы

Шесть месяцев спустя

Мир оказался жизнестойким и постепенно восстанавливал себя. После того как схлынула первая волна разрушений, бурным цветом расцвел авантюризм — иными словами, появилось множество людей, пытавшихся извлечь выгоду из того, что случилось.

Людей, на которых прежде смотрели с насмешкой как на робинзонов Новой эры, теперь называли спасителями человечества за то, что они сохранили традиционные способы охоты и возделывания земли — только с помощью такого подсобного хозяйства сейчас и можно было прокормить семью в тяжелые зимние месяцы. Народные целители, проповедники, знахари толклись возле походных костров,

энергично размахивая кулаками, и число их последователей стремительно росло.

Произошло множество и других событий, радикально изменивших образ жизни людей на Земле, однако главными можно считать два из них. Во-первых, после Великой технологической катастрофы люди открыли, что все, оказывается, можно отремонтировать и восстановить, а во-вторых, человечество узнало о существовании эльфов.

После нескольких первых месяцев паники фанатик социальных сетей в Сиднее возродил Интернет, открыв, что, хотя большинство частей в его антенне взорвалось, он все еще помнит, как собрать ее. Постепенно усилиями любителей были восстановлены сети мобильной связи, а подростки захватили в свои руки телевизионные станции. Вновь невероятно популярным стало радио, и в эфире вновь зазвучали бархатные голоса певцов семидесятых, вернувшиеся из небытия благодаря уцелевшим раритетным CD и проигрывателям. Новым золотом стала вода, а нефть опустилась в списке источников питания на третье место, уступив первые два солнечной энергии и ветру.

По всему земному шару отмечались сотни случаев появления странных существ, которые могли быть эльфами или пришельцами. Только что на этом месте ничего не было, и вдруг раздавался треск или удар, и появлялась наблюдательная башенка с сидящими внутри нее маленькими человечками, которая затем исчезала — и так происходило по всей Земле. С неба стали падать беспилотные летающие тарелочки, а в прибрежных водах сотен крупных городов на поверхность выныривали неуправляемые подводные лодки.

Беспокойство доставляло то, что вся эта техника эльфов — или пришельцев, как кому нравится — была саморазрушающейся, и взятые под охрану аппараты в течение ближайших недель необъяснимым образом исчезали. Люди знали теперь, что они не одни на планете, но не знали, где искать этих странных существ. А учитывая то, что люди до сих пор не смогли обследовать даже океанское дно, изучение земной коры могло начаться, пожалуй, лишь через несколько сотен лет.

Так что историй об эльфах и пришельцах появлялось множество, но эти истории, как и единственное сохранившееся видео, были не

более убедительными, чем субботнее телешоу для малышей.

С другой стороны, все больше становилось и людей, свято веривших в то, что им довелось увидеть, но психиатры относили эти «эльфийские видения» к массовым посттравматическим галлюцинациям и отвели им место в одном ряду с динозаврами, супергероями и монстрами наподобие лох-несского чудовища.

Поместье Фаул

Ирландия вновь стала настоящим островом. Возродившиеся сельские общины занялись производством продуктов питания, и у них даже стали появляться излишки, которые замораживались и вывозились на судах на другие континенты. Многие богатые землевладельцы добровольно отдавали свои необработанные земли в пользование рассерженным голодным людям с острыми лопатами.

Родители Артемиса сумели добраться домой из Лондона, где их застала катастрофа, а вскоре после похорон Артемиса поместье Фаул превратилось в почти пять сотен неболь-

ших земельных участков, на которых люди могли выращивать фрукты и овощи.

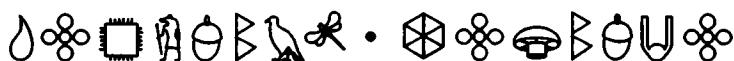
Сама церемония похорон Артемиса была простой и закрытой, на ней присутствовали только члены семей Фаулов и Батлеров. Тело Артемиса зарыли на высоком лугу, где он провел столько времени, возясь над своим солнечным глайдером. Батлера на похоронах не было, поскольку телохранитель упорно не желал верить в смерть Артемиса, которая произошла у него на глазах.

«Артемис не умер, — убеждал он себя раз за разом. — Игра еще не окончена».

И никто не мог его убедить в обратном, сколько бы раз Джульетта или Анджелина Фаул не приходили к нему в спортивный зал, чтобы поговорить об этом.

Возможно, именно поэтому телохранитель ни капельки не удивился, когда однажды поутру в его дверь постучала капитан Холли Шорт.

— Давно пора, — сказал он, хватая с вешалки свой бронежилет и выбегая из комнаты. — Артемис оставил тебе инструкции, а твоим парням потребовалось целых полгода, чтобы разобраться в них.

Холли поспешила следом.

— Инструкции Артемиса было не так-то просто выполнить. И, разумеется, они оказались абсолютно незаконными.

Во дворе в оранжевое сияние утреннего неба была врезана открытая дверь, и в ней стоял Фоули. Он заметно нервничал.

— Что считать менее подозрительным? — спросил Батлер. — Приземлившуюся у тебя возле дома летающую тарелочку или взявшуюся невесть откуда дверь со стоящим в ней кентавром?

Фоули, цокая копытами, сошел из двери по трапу, таща за собой тележку на воздушной подушке. Дверь шаттла закрылась и стала невидимой.

— Мы можем перейти к делу? — поинтересовался Фоули. — Все, что мы собираемся предпринять, противозаконно и, возможно, безнравственно. Кабаллина думает, что я на церемонии награждения Мулча. Совет в самом деле наградил Диггамса медалью, можешь себе представить? Этот маленький клептоман сумел убедить всех и каждого в том, что это он, Мулч, чуть ли не в одиночку спас всю планету. Он даже книгу воспоминаний начал

писать — уже договор заключил. А я, простите, ненавижу лгать своей жене. И если мы задержимся здесь еще на десять секунд, я могу изменить свое мнение о том, стоит ли мне вообще заниматься этим делом.

Холли перехватила пульт управления летающей тележкой.

— Не переменишь, — сказала она. — Мы слишком далеко зашли, чтобы вернуться домой ни с чем.

— Ладно, — ответил Фоули. — Это я просто так сказал.

Взгляд Холли был решительным, не допускающим возражений. Это выражение практически не сходило с ее лица все последние полгода, с того времени, как она возвратилась домой после чрезвычайного происшествия у Врат берсерков. Тогда она первым делом отправилась в Полицейское управление на поиски Фоули.

— У меня послание для тебя от Артемиса, — произнесла она, как только ей удалось вырваться из крепких объятий Фоули.

— Правда? И что же он сказал?

— Он сказал что-то о хризалиде. Что ты можешь подключить ее.

Эти слова потрясли кентавра. Он подбежал к двери и быстро ее запер. Фоули заметно нервничал, и Холли поняла, что слова Артемиса означают для кентавра что-то очень важное.

— Что за хризалида, Фоули? И почему она так интересуется Артемисом?

Фоули взял Холли за плечи и сказал, усаживая ее в лабораторное кресло:

— Интересовалась. Наш друг мертв, Холли. Может быть, оставим его в покое?

Холли оттолкнула Фоули и вскочила на ноги.

— Оставить его в покое? Артемис не позволил мне отправиться в ад. Он не позволил Батлеру отправиться в Лондон. Он не дал погибнуть всему Хэвену во время мятежа гоблинов. Хватит? А теперь рассказывай, что такое хризалида.

Когда Фоули рассказал, Холли стала понятна в общих чертах идея Артемиса, но все же информации пока было недостаточно.

— Было что-то еще? — спросил кентавр. — Артемис сказал или сделал еще что-нибудь?

— Нет, — печально покачала головой Холли. — Он выглядел слегка сентименталь-

ным, что необычно для него, но это можно понять. И еще он просил, чтобы я поцеловала тебя.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала кентавра в лоб.

— Вот именно так поцеловала.

Фоули был потрясен и подавлен, но закашлялся, постаравшись скрыть свои чувства.

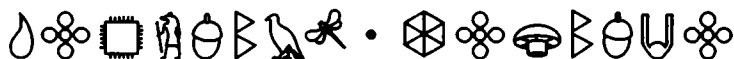
— Он сказал «Поцелуй Фоули». Именно так он сказал?

— Нет, — ответила Холли, подумав. — Он поцеловал меня и сказал «Передай это ему от меня».

Кентавр усмехнулся, затем фыркнул, затем закружил Холли по лаборатории.

— Нам нужно изучить твой лоб под электронным микроскопом, — сказал он.

Пока они шли к Вратам берсерков, Холли объяснила Батлеру их интерпретацию плана Артемиса. Фоули ускакал вперед, бормоча под нос какие-то вычисления и следя за тем, чтобы не попасться на глаза случайным людям, если тем вдруг вздумалось подняться в такую рань.

— Хризалида — это то, что Опал использовала для выращивания своего клона. Она возвратилась к Фоули, который должен был уничтожить ее.

— И, разумеется, не уничтожил, — догадался Батлер.

— Нет. Артемис узнал об этом, роясь в архивных записях ПП.

— Значит, Артемис хочет, чтобы Фоули вырастил клон? Но даже такому простому солдату, как я, известно, что для этого требуется ДНК.

Холли постучала себя по лбу.

— Поэтому он и поцеловал меня. В слюне Артемиса осталось достаточно ДНК, чтобы Фоули смог вырастить с ее помощью целую армию клонов, и все они прошли любую проверку в аэропорту.

— Гений, он и есть гений, — вздохнул Батлер, а затем нахмурился. — Но ведь клоны — очень хилые создания. Помнишь Нопаль? Она все время на ладан дышала.

Фоули остановился на краю кратера и приступил к любимому занятию — всем все объяснять.

— Да, клоны хилые, потому что у них нет души. Вот здесь вступает в дело магия. Когда был закрыт первый замок на Вратах берсерков, души всех эльфов, находившихся внутри магического круга, освободились от своих тел, но Артемис был преимущественно человеком, а не эльфом, и потому большая часть его сущности осталась в этой реальности, хотя его физическое тело погибло. Душа Артемиса сейчас должна быть свободно парящим, эктоплазменным, эфирным организмом.

Батлер едва не споткнулся о собственную ногу.

— Ты хочешь сказать, что Артемис — призрак? — обернулся он к Холли, ожидая от нее прямого ответа. — Он действительно сказал, что Артемис — призрак?

— Берсерки были призраками целых десять тысяч лет, — ответила Холли, направляя тележку вниз по склону. — Так работает заклятие. Если они продержались столько времени, возможно, что Артемис уж как-нибудь сохранился за какие-то шесть месяцев.

— Возможно? — сказал Батлер. — И только-то?

Фоули указал на точку возле башни.

— Возможно — это оптимистично сказано. Я бы предпочел сказать «маловероятно».

Холли отстегнула замки контейнера-холодильника, укрепленного на тележке.

— Хорошо, поладим на том, что достигать маловероятного — визитная карточка Артемиса Фаула, — произнесла она.

Батлер поднял тяжелую крышку контейнера, и у него перехватило дыхание от того, что он увидел внутри — несмотря на то, что телохранитель ожидал увидеть именно это. В контейнере, внутри прозрачного кокона, лежал клон Артемиса — легкий пластик кокона колыхался от его дыхания.

— Артемис, — ахнул Батлер. — Это он, точь-в-точь.

— Мне пришлось поколдовать с теплицей, — заметил Фоули, отключая клон от систем жизнеобеспечения. — И у меня не было доступа в собственную лабораторию, поэтому у клона на левой ноге получилось шесть пальцев. Но, согласись, неплохо вышло для клона, выращенного, можно сказать, в подворотне. Никогда не думал, что признаю это,

но Опал Кобой создала великолепную технологию.

— Ему... ему сейчас пятнадцать, верно?

Фоули нырнул в переплетение питательных трубок, чтобы скрыть свое лицо.

— Если честно, то временные настройки оказались слегка неточными, так что клон получился слегка постарше. Но не волнуйся, я подверг его полной обработке — подтянул кожу, зачистил суставы, сделал инъекции костного мозга. Даже мозги ему смазал. Клянусь, его родная мать не сможет найти ни единого отличия.

Он потер ладони и сменил тему.

— Теперь за работу. Покажите мне место, где умер Артемис.

— Вот здесь, — указала Холли, — рядом с...

Слово «башней» она не договорила, у нее перехватило горло, когда она увидела сказочные розы, выросшие на толстых сгибающихся стеблях точно на том месте, где упал мертвый Артемис.

Розы выросли там, где их никто не сажал, и выстроились в форме идеально точной спирали у подножия круглой башни.

Их необычные глянцевые оранжевые лепестки были видны с других участков, и Джульетте было поручено следить за тем, чтобы никто из фермеров не посмел даже притронуться хотя бы к одному стеблю.

Из-за распространившихся в последнее время слухов о «маленьком народце» работавшие на делянках фермеры называли эти цветки «эльфийскими розами», сами не подозревая, насколько точно это название.

Батлер нес завернутого клона на руках и неожиданно вспомнил о том, как девять лет назад так же нес по этому полю кое-кого другого, слушая шелест высоких трав.

«Тогда это была Холли».

Его воспоминания прервал голос Фоули:

— Батлер, ты должен положить тело в розы. В самый центр спирали. Без систем жизнеобеспечения процесс вырождения начнется в считанные минуты.

Батлер осторожно положил клона внутрь спирали, на мягкий клочок земли, где его не поцарапают шипы роз.

Холли опустилась на колени, чтобы расстегнуть молнию кокона. Она откинула раскрыв-

шиеся клапаны в стороны — внутри лежало новое тело Артемиса в больничной пижаме. Дыхание клона было прерывистым, а лоб покрылся капельками пота.

Фоули быстро наклонился над клоном, выпрямляя его конечности и наклоняя голову назад, чтобы освободить воздушные пути.

— Розы, — сказал он. — Это знак того, что здесь присутствуют остатки магической силы. Готов биться об заклад, они в точности повторяют очертания оригинальной руны Брюна Фадды.

— Ты связываешь все свои надежды с цветочной клумбой, выросшей посреди лужайки?

— Нет, Батлер, разумеется, нет. Но Брюн Фадда обладал могучей магией, и с ее поддержкой душа Артемиса вполне могла просуществовать последние несколько месяцев.

— А если все это не сработает, Холли? — склонил свою коротко стриженную голову Батлер. — Что если я позволил Артемису умереть?

Холли быстро обернулась и поняла, как напряжены сейчас все нервы Батлера. Полгода он отказывался поверить в смерть Артемиса и

не сможет простить себе, если тот не вернется к жизни.

«Если все это действительно не сработает, Батлеру никогда не выкарабкаться», — поняла она.

— Это сработает! — сердито сказала Холли. — И давайте меньше слов, больше дела. Сколько у нас времени, Фоули?

— Без систем жизнеобеспечения клон сможет протянуть около пятнадцати минут.

Батлер понял, что времени на препирательства нет. Он должен и будет делать все, от него зависящее, чтобы все удалось.

— Хорошо, Холли, — проговорил он, вставая по стойке «смирно». — Что я должен делать?

Холли присела на корточки в метре от клонна, обхватив пальцами стебли роз, не обращая внимания на царапавшие ее кожу шипы.

— Все уже сделано. Теперь Артемис либо вернется, либо мы вновь потеряем его, и на сей раз навсегда.

«И нечто важное в себе мы потеряем тоже», — мысленно добавил Батлер.

Они ждали, но ничего необычного не происходило. Пели птицы, в живой изгороди

шелестел ветер, откуда-то с полей доносился звук работающего трактора. Холли начала беспокоиться и принялась тащить из земли стебли цветков. Батлер стоял, неотрывно глядя в лицо клона, и вспоминал дни, проведенные со своим шефом.

«Таких людей, как Артемис, никогда не было, — думал он. — Хотя из-за его проделок моя служба никогда не была легкой. — Батлер улыбнулся. — Артемис всегда старался прикрыть мне спину, хотя с трудом дотягивался до нее».

— Холли, — тихо сказал он. — Ничего не происходит...

Тут ветер изменил направление, и Батлер неожиданно уловил аромат роз. Холли поползла к его коленям.

— Нет, что-то происходит, мне кажется, что-то происходит.

Ветерок сорвал несколько розовых лепестков и закрутил их, поднимая в небо. Затем все новые и новые лепестки закружились вдоль всей оранжевой спирали, быстро обнажая все цветки. Лепестки поднимались в воздухе словно бабочки, порхая, сверкая, заполняя собой небо, закрывая солнце.

— Холли, мне кажется, — Батлер откинулся назад, — мне кажется, это сработало.

Холли подобралась ближе по ковру из розовых лепестков.

— Артемис, — настоятельно позвала она. — Артемис, возвращайся к нам.

Клон два раза медленно вздохнул, потом сделал еще несколько быстрых судорожных вдохов, и, наконец, Артемис открыл глаза. Оба глаза у него теперь были одинаковыми, пронзительно-голубыми. Вначале они выражали шок, боль и недоумение, а затем широко распахнулись, словно крылья ночного мотылька.

— Спокойно, — сказала Холли. — Теперь ты в безопасности.

Артемис нахмурился, пытаясь сосредоточиться. Было видно, что его память еще не вернулась к нему, и он, очевидно, не помнил людей, склонившихся над ним.

— Отойдите, — произнес он. — Вы не знаете, с кем вы имеете дело.

— Мы знаем тебя, Артемис, — ответила Холли, беря его за руку. — А ты знаешь нас. Постарайся вспомнить.

Артемис попытался, и постепенно туман в его мозгу начал рассеиваться.

— Вы-ы... — протянул он неуверенно. — Вы мои друзья?

— О, да, — облегченно выдохнула Холли. — Мы твои друзья. А теперь нам нужно унести тебя отсюда, пока местные фермеры не пришли и не увидели, что недавно умершего наследника поместья уводят эльфы.

Батлер помог Артемису подняться на ноги, на которых он пока что держался очень неуверенно.

— Ладно, садись, — подставил Артемису свою широкую спину Фоули. — Но только на один этот раз.

Батлер посадил Артемиса на спину кентавра и сказал, поддерживая его своей огромной ладонью:

— Ты заставил меня поволноваться, Арти. И твои родители совершенно подавлены. Но посмотрим, что с ними будет, когда они увидят тебя.

Пока они шли через поле, Холли показывала Артемису места их недавних сражений, надеясь пробудить его память.

— Скажи мне, — слабым голосом спросил Артемис, — откуда я знаю тебя?

И тогда Холли начала рассказывать ему все с самого начала:

— Все началось однажды летом в городе Хошимин. Жара в нем стояла невообразимая. Излишне говорить, что Артемис Фаул не стал бы мириться с такими неудобствами, не будь на то веских причин. Очень важных для его плана...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. ЭРИУ, НАШИ ДНИ	5
Глава 1. СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ	7
Глава 2. УБИТЬ ПРОШЛОЕ	53
Глава 3. ОГОНЬ И СЕРА.	70
Глава 4. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ИНЖЕНЕРА ОЗКОПИ . .	93
Глава 5. АРМАГЕДДОН	101
Глава 6. ВСТАВАЙТЕ, МОИ КРАСАВЦЫ	112
Глава 7. В ПОДЗЕМЕЛЬЕ.	158
Глава 8. СТАРИНА ГРАФФ	184
Глава 9. ИЗРЫГАЯ ГОРЬКИЙ ЯД	188
Глава 10. СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ БРАТЬЯМИ. . . .	210
Глава 11. СМЕРТЬ ОТ КРОЛИКА	232
Глава 12. БАНДА ПРИДУРКОВ.	245
Глава 13. СЧАСТЛИВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ	273
Глава 14. ДЕВЯТЬ ПАЛОЧЕК	290
Глава 15. СВЕРЧКИ-УБИЙЦЫ	310
Глава 16. ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ.	330
Глава 17. ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ	375
Глава 18. СПАСЕННАЯ ДУША	386
Глава 19. РОЗЫ.	425

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

АРТЕМИС ФАУЛ. ТАЙНЫЕ МИРЫ

Йон Колфер

**АРТЕМИС ФАУЛ
ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ**

Ответственный редактор *Т. Суворова*

Редактор *М. Бродская*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Ю. Иванова*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Аникина*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 966-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 966-39-21.

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,

Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шегінмды Қазақстан

Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көңсе.

Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 12.02.2013. Формат 84х108¹/₃₂.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 8 000 экз. Заказ 5842.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.

Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-60121-9

9 785699 601219 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 8.
Тел./факс: (044) 444-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 100. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузько, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (717) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

Миру угрожает Армагеддон. Все люди на поверхности Земли будут уничтожены, если Опал Кобой, самой опасной преступнице в мире, удастся открыть Врата богини Дану. Артемис Фаул понял это почти сразу, когда поступило первое требование террористов: выпустить пикси из тюрьмы. Ко всеобщему ужасу, все идет четко по плану Опал, и нарушить его у Артемиса нет никакой возможности, хотя бы потому, что Кобой просчитала все возможные ходы мальчика и сделала его частью своего чудовищного замысла.

148-50

ISBN 978-5-699-60121-9

9 785699 601219 >

